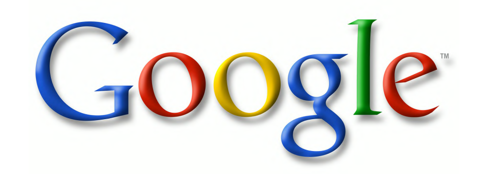
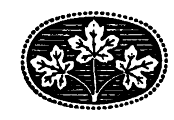

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ РАСКОЛЪ.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ РАСКОЛЪ.

Лордъ Редстокъ и его послѣдователи.

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННАГО РЕЛИГІОЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Н. С. ЛѢСКОВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

I. Сентиментальное благочестіе (этюдъ).
II. Молитвы паст. Берсье.

Второе изданіе,

вновь просмотрѣнное и дополненное приложеніемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Тушнова, Надеждинск. ул., д. № 39.
1877.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 21 февраля 1877 года.

Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ РАСКОЛЪ.

Гренвиль Вальдигревъ лордъ Редстокъ

И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ.

ОЧЕРКЪ.

„Многіе очаги кажутся потухшими, но огонь тлѣетъ въ нихъ еще подъ пепломъ. Зная Бога и поклоняясь Ему, душа во всѣхъ своихъ высшихъ стремленіяхъ будетъ восходить къ Отцу жизни. Дѣло религіи состоитъ въ томъ, чтобы измѣнить самое начало жизни".
Эрн. Навиль. (*Вѣчная жизнь.*)

I.

Чужестранецъ, имя котораго выставлено въ заголовкѣ этого очерка, надѣлалъ довольно большаго шума въ Россіи. Несмотря на то, что дѣятельность этого человѣка была, такъ сказать, мимолетная и огра-

ничивалась до сихъ поръ однимъ весьма небольшимъ великосвѣтскимъ кружкомъ, теперь едва-ли есть гдѣ-нибудь такой укромный уголокъ въ Россіи, въ которомъ-бы не слыхали и въ свое время не толковали о лордѣ Редстокѣ. О немъ толковали даже такіе люди, которые не умѣли выговорить его имени и вмѣсто Редстокъ называли его „крестокъ", связывая съ этимъ названіемъ крестительскія занятія. Болѣе-же свѣдущимъ людямъ Редстокъ извѣстенъ какъ модный великосвѣтскій проповѣдникъ, вводящій какое-то особенное христіанское вѣроученіе, называемое въ обыкновенной разговорной рѣчи „великосвѣтскимъ расколомъ".

Своею обширною извѣстностью въ Россіи Гренвиль Вальдигревъ лордъ Редстокъ гораздо меньше обязанъ своимъ русскимъ друзьямъ, чѣмъ своимъ противникамъ. Первые восхищались имъ втихомолку, — вто-

рые-же говорили о немъ много и громко и притомъ съ большимъ усердіемъ. Особенно одинъ еженедѣльный журналъ посвятилъ Редстоку такъ много вниманія, что значеніе этого человѣка сразу возвысилось: на него было указано, какъ на опаснаго врага церкви, котораго нельзя болѣе терпѣть въ Россіи, и вслѣдъ за тѣмъ этотъ англійскій проповѣдникъ дѣйствительно выѣхалъ, впрочемъ, кажется, по собственному его желанію. Однако, говоря по истинѣ, у насъ до сихъ поръ о Редстокѣ не сказано ничего обстоятельнаго, и столь сурово порицаемое его поведеніе и ученіе остаются почти неизвѣстными, что и составляетъ на нашъ взглядъ большое неудобство. Изданіе, которое развило свою наблюдательность за этимъ иностранцемъ до весьма замѣчательныхъ размѣровъ, втеченіи трехъ зимъ ретиво выслѣживало, гдѣ обращался Редстокъ, и всюду слало ему рѣзкія уко-

1*

ризны за совращеніе нашихъ великосвѣтскихъ людей изъ православія въ свой особенный, редстоковскій расколъ или ересь; но о самой этой ереси, о ея существѣ и задачахъ это наблюдательное изданіе ничего не открыло. Потомъ появился и, кажется, очень быстро разошелся тенденціозный романъ, самое названіе котораго, по всеобщему ожиданію, обѣщало памфлетъ на лорда Редстока; но и эти ожиданія опять не оправдались: они послужили только къ выгодамъ издателя, содѣйствуя быстрой распродажѣ его книги, но вѣрнаго понятія о Редстокѣ обществу не дали. Описанный тамъ лордъ-апостолъ даже не похожъ на лорда Редстока. По крайней мѣрѣ никто изъ знающихъ лорда Редстока не нашелъ никакого сходства съ нимъ въ томъ лордѣ-апостолѣ, который изображенъ былъ въ романѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, произведеніе это не выдерживаетъ

никакого сравненія съ извѣстнымъ „пансальвиномъ или княземъ тьмы“, который былъ памфлетомъ на Потемкина, и потому тотъ, кто пожелаетъ узнать, что такое лордъ Редстокъ, напрасно будетъ обращаться къ вышеупомянутому роману. А между тѣмъ этотъ романъ до сихъ поръ считается нѣкоторыми едва-ли не за самое обстоятельное сказаніе о проповѣдникѣ, который все настойчивѣе и аккуратнѣе появляется къ намъ каждую зиму, утѣшаетъ однихъ, приводя этимъ въ ярость другихъ, и вообще періодически мутитъ тутъ нашъ сонъ и дрему и снова уѣзжаетъ, оставаясь неразгаданнымъ сфинксомъ. Кто-же онъ такой взаправду и чего его безпокойному духу хочется отъ нашего благоденственнаго покоя? Этотъ вопросъ давно слышится съ разныхъ сторонъ и на него, мнѣ кажется, нуженъ какой-нибудь обстоятельный отвѣтъ. Дѣло въ послѣднее время доведено нашею печатью до

того, что этого нельзя больше оставлять въ тѣни: хищчный волкъ пролѣзъ въ нашу овчарню и рыщетъ по ней, грозя расхитить и распудить самыхъ тонкорунныхъ овецъ. Тотъ гражданскій журналъ, который требовалъ высылки Редстока за-границу, уже смѣло бросилъ самыя суровыя укоризны нашимъ іерархамъ за ихъ будто-бы неумѣстную толерантность къ этому „непризванному апостолу". Конечно, онъ не могъ этого сдѣлать безъ основательныхъ и сильныхъ побужденій. Въ обществѣ пошли странные толки. Что-же это: нѣтъ-ли уже и впрямь у насъ новаго Поцѣя и Мелетія Смотрицкаго, нѣтъ-ли измѣны въ церкви? И обстоятельства давали пищу этимъ толкамъ: такъ въ это самое время одинъ весьма почтенный церковно-общественный журналъ (Церковно-Общественный Вѣстникъ), въ отпоръ сѣтованіямъ о терпимости къ Редстоку и настойчивому требованію его высылки

изъ Россіи, назвалъ эти выходки „фарисействомъ“ и указывалъ зло не въ проповѣди л. Редстока, а въ нѣкоторыхъ иныхъ явленіяхъ церковно-общественной жизни, которыхъ я въ этомъ очеркѣ касаться не буду. Такимъ образомъ на глазахъ общества произошла чрезвычайная странность: откуда-бы, казалось, можно было ожидать снисходительной терпимости, оттуда были брошены перуны, не только въ заѣзжаго гостя, но и въ своихъ іерарховъ, а гдѣ можно-бы надѣяться встрѣтить суровый ригоризмъ, тамъ къ дѣлу отнеслись необыкновенно мягко и снисходительно,—просто сказать, повторяя ходячую фразу — „заступились за Редстока“... Все это было для однихъ безуміе, для другихъ-же претыканіе и соблазнъ, а дѣло этимъ все-таки ни мало не выяснилось, но, напротивъ, еще больше запуталось: міряне вопіютъ противъ еретика, что онъ „разоряетъ церковь“, а спеціалисты

въ церковныхъ дѣлахъ не внемлютъ этому, и какъ-бы имѣя очи не видятъ и имѣя уши не слышатъ... Кто-же не соблазнится о семъ?.. И дѣйствительно многіе соблазнились, но, впрочемъ, кажется, на первый разъ довольно слегка: стоило лорду уѣхать, какъ все успокоилось,—словно посѣянной имъ ереси нѣтъ слѣда,—все опять стало на мѣстѣ и процвѣтаетъ въ „богоучрежденномъ порядкѣ". Но вотъ земля свершила свой путь: нивы полей созрѣли и убраны въ житницы; поселяне достаютъ изъ-подъ закопченыхъ застрѣхъ свѣтцы и берутся за веретено да за кочедыкъ, а культурные горожане возвращаются изъ своихъ лѣтнихъ странствій; въ Петербургѣ снова въ сборѣ „весь тоалетъ", и его праздный, скучающій и самъ себѣ надоѣвшій „свѣтъ", снова выпишетъ (и выписалъ) своего расколоучителя. Снова пойдутъ восторги умиленія у однихъ и польется свирѣпая и безтолковая брань отъ

другихъ. Опять мы будемъ читать іереміады о равнодушіи іерарховъ и опять встревоженные этимъ простодушные люди всполошатся о „церковной измѣнѣ“.

Не довольно-ли уже всего этого, и не пора-ли въ этой странной игрѣ вскрыть карты?

Весьма пора; это надо начать съ того, съ чего, впрочемъ, должны-бы были начать противники Редстока и обвинители русскихъ іерарховъ въ равнодушіи и потворствѣ еретику: надо обличить смутьяна и открыть измѣну. Прежде всего надо вывести Редстока на чистую воду; надо показать его, каковъ онъ есть, съ его жизнью и проповѣдью. Пусть онъ явится на судъ общественнаго мнѣнія, и пусть тогда гласъ Божій — гласъ народа, скажетъ: что достоитъ намъ съ нимъ сдѣлать и основательны-ли тѣ болѣе чѣмъ смѣлые укоры, которые были брошены нашимъ іерархамъ и до сихъ поръ оста-

ются въ ухѣ тѣхъ, кто ихъ слышалъ.

Мы попытаемся въ этихъ цѣляхъ представить общественному вниманію нѣкоторыя не безъ труда добытыя нами свѣденія о лордѣ Редстокѣ, его ученіи и проповѣди. Свѣденія эти не особенно точны и весьма неполны, но все-таки, я надѣюсь, они дадутъ нѣкоторую возможность составить о немъ довольно правильное понятіе.

II.

Родъ лордовъ Редстокъ происходитъ изъ Ирландіи, но эта фамилія давно оставила Ирландію и переселилась въ Англію. Отецъ нынѣшняго проповѣдника жилъ уже безвыѣздно въ Англіи и здѣсь же женился на дѣвицѣ изъ очень хорошей фамиліи. Онъ самъ велъ жизнь свѣтскую и ничѣмъ особеннымъ не отличался. У этихъ супруговъ былъ одинъ сынъ—нынѣшній проповѣдникъ Гренвиль Вальдигревъ, и двѣ дочери. Старшая изъ нихъ замужемъ за весьма богатымъ лордомъ Б. въ Норичѣ, а другая не пошла замужъ и осталась въ дѣвицахъ. При жизни старшаго лорда, супруга его и мать нынѣшняго проповѣдника вращалась въ кругу такъ называемаго „высшаго

общества“, къ которому, впрочемъ, никогда никакихъ симпатій не чувствовала, и поддерживала свѣтскія отношенія единственно изъ покорности волѣ мужа. Свѣтская жизнь ее не удовлетворяла и она искала пищи для духа въ благочестіи и благотвореніяхъ. Насколько могла, она занималась благотворительностью, разумѣется, какъ свѣтская дама; но облегчая по мѣрѣ возможности матеріяльныя нужды бѣдняковъ, она имѣла въ виду и ихъ нравственныя страданія: это развило въ ней стремленіе не только помочь человѣку въ его временной нуждѣ, но и дать ему духовное возрожденіе. Съ этихъ поръ самая изнурительная пустота свѣтской жизни ей стала сноснѣе. Обратясь къ этому дѣлу сначала можетъ быть какъ къ средству уйдти отъ окружающей ее свѣтской среды, она потомъ искренно полюбила эту дѣятельность и привязалась къ ней страстно. По смерти мужа, разрѣшившей ее отъ извѣстной доли обяза-

тельствъ, она совершенно отказалась отъ свѣта и предалась посѣщенію бѣдныхъ. Говорятъ, что будто у лэди Редстокъ это совсѣмъ не были столь извѣстныя и столь опошлѣвшія прогулки въ каретѣ pour passer le temps, но я ничего не могу объ этомъ удостовѣрить. Масса фарисейства, которое уже никакъ не отдѣляется отъ этихъ „посѣщеній“, заставляетъ быть на этотъ счетъ очень осторожнымъ. Извѣстно, впрочемъ, что лэди Редстокъ видали въ самыхъ ужасныхъ притонахъ самыхъ дурныхъ кварталовъ Лондона: она ходила даже въ дома терпимости, откуда, будто-бы, вытащила и обратила къ честной трудовой жизни не одну жертву. Это, конечно, уже подвигъ прямого добра, и подвигъ трудный, потому что на извѣстной степени нравственнаго паденія почти ни одна женщина въ мірѣ не являетъ такой наглости и загрубѣлости, какъ англичанки. Одѣтая болѣе чѣмъ скромно и непремѣнно съ Библіей въ рукѣ, ста-

рая лэди смѣло шла всюду; однимъ помогала вещественно, другихъ отрывала отъ порочной жизни, и не переставала заниматься этимъ до 68-ми лѣтъ своей жизни. Надъ нею смѣялись можетъ-быть не менѣе, чѣмъ нынѣ смѣются надъ ея сыномъ, но ни насмѣшки прежнихъ свѣтскихъ знакомыхъ, ни грубости и оскорбленія, которыя ей случалось переносить отъ тѣхъ, для которыхъ она нисходила въ самыя темныя трущобы разврата, на нее не дѣйствовали, или, лучше сказать, дѣйствовали на нее успокоивая ее, что она дѣлаетъ настоящее дѣло, и укрѣпляя ее идти впередъ неуклонно къ своей цѣли.

Говорили, что будто-бы она имитировала извѣстную Елизавету Фрей; но, во-первыхъ, лэди Редстокъ совсѣмъ не того пера и не того полета, какъ Елизавета Фрей, а во-вторыхъ, это для насъ безразлично. По-моему, лэди Редстокъ очень малая величина для того, чтобы ее вытягивать до

высокаго облика Елизаветы Фрей. О ней довольно просто сказать, что она старалась служить Христу въ лицѣ Его меньшихъ братій и дѣлала это какъ умѣла: она не боялась осужденій и насмѣшекъ, шла всюду одна и гдѣ она побывала, тамъ побывали съ нею помощь и утѣшеніе. Если это и мода, то очень хорошая мода. Въ одинъ изъ такихъ своихъ выходовъ, всего года за три до смерти, старая лэди встрѣтилась въ одномъ мрачномъ вертепѣ съ нашимъ русскимъ священникомъ, покойнымъ отцемъ Евгеніемъ Поповымъ. Встрѣча ихъ была въ такомъ мѣстѣ, куда не рѣшится войти и мало-мальски щепетильный мужчина, и потому появленіе здѣсь старой лэди удивило и поразило о. Попова, и онъ ей сказалъ это, но она ему отвѣчала такъ спокойно, что тотъ пожелалъ съ нею познакомиться и назвалъ себя и свой санъ.

— О, какъ я счастлива, что хоть разъ видѣла священника тамъ, гдѣ

глубокое паденіе требуетъ настоящей христіанской помощи, отвѣчала со слезами на глазахъ лэди.

Съ этой встрѣчи лэди Редстокъ и русскій священникъ подружились.

Это обстоятельство достойно замѣчанія въ томъ отношеніи, что отсюда началось сближеніе семьи Редстока съ русскими: покойный о. Евг. Поповъ былъ первый русскій, который, узнавъ старую лэди Редстокъ, познакомился со всѣмъ ея семействомъ и былъ всегда ихъ неизмѣннымъ домашнимъ другомъ. Такое же дружелюбіе Редстоки питали къ семейству о. Попова. Покойный о. Евгеній много бесѣдовалъ съ Гренвилемъ Редстокомъ и, конечно, зналъ всѣ его религіозные взгляды. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не раздѣлялъ ихъ, но онъ никогда не считалъ ихъ предосудительными и вредными: по его мнѣнію, которое о. Поповъ высказывалъ весьма многимъ, молодой (тогда) лордъ Редстокъ имѣетъ въ основѣ своихъ религіоз-

ныхъ сужденій взглядъ чисто протестантскій. Когда о Редстокѣ уже пошли разнорѣчивые толки въ Россіи, о. Поповъ, выслушавъ ихъ однажды отъ одного почтеннаго русскаго человѣка, пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Не понимаю право, въ чемъ у васъ дѣло. Редстокъ, разумѣется, протестантъ и, разумѣется, онъ во многомъ не согласенъ съ нами во взглядѣ на церковныя учрежденія, но онъ очень деликатенъ и въ бесѣдѣ его нѣтъ ничего оскорбительнаго ни для чьихъ вѣрованій. Я давно знакомъ съ этимъ семействомъ, глубоко всѣхъ ихъ уважаю и, много разъ слушавъ Гренвиля Редстока, всегда находилъ его бесѣду простою, теплою, задушевною и притомъ совершенно свободною отъ всякаго догматическаго спора, что мнѣ очень пріятно и, по моему мнѣнію, составляетъ лучшее украшеніе „христіанской бесѣды“.

Старая лэди Редстокъ, осмѣянная за свое уклоненіе отъ свѣта, не оста-

лась одинокою въ этомъ уклоненіи: она увлекла своимъ примѣромъ за собою не только нѣсколькихъ дамъ своего круга, но даже и немногихъ мужчинъ. Главнымъ предметомъ ихъ заботъ и попеченій опять таки были такъ называемыя „жертвы общественнаго темперамента“: лэди и ея друзья устроили большой домъ для этихъ несчастныхъ, которыя желали оставить свою позорную торговлю. Домъ этотъ былъ приспособленъ на 800 женщинъ; сама лэди пеклась объ этомъ пріютѣ неусыпно; сынъ былъ ея первымъ помощникомъ и ея правою рукою. Въ послѣдніе годы своей жизни старушка очень часто хворала и, ослабѣвъ отъ болѣзней, уже не могла быть такъ дѣятельна, но по мѣрѣ силъ всетаки трудилась до послѣдней минуты. Она была не безъ своего рода странностей, къ числу которыхъ, напримѣръ, надо отнести ея непримиримую ненависть къ римско-католической пропагандѣ. На стѣнѣ у старой

лэди была карта Великобританіи, на которой она сама съ глубокой скорбью отмѣчала черными пятнами всѣ мѣста, гдѣ были изстари или вновь появлялись католики съ своими монастырями или школой. Бѣдная старушка, добросовѣстно дѣлая свои печальныя отмѣтки, не могла не видѣть съ сокрушеннымъ сердцемъ, что ея карта все темнѣетъ отъ „черныхъ пятенъ“, и она съ ужасомъ указывала на это всѣмъ, говоря: — „Глядите, какъ видимо возрастаетъ гнѣвъ Божій! Вотъ уже врагъ Христовъ успѣлъ сколько людей отклонить отъ служенія Богу въ духѣ и истинѣ, къ поклоненію безплодному суевѣрію, которое есть мерзость предъ Господомъ. Дьяволъ не дремлетъ, не дремлите и вы: противодѣйствуйте антихристу, если не хотите потерять Христа“.

Успѣхи римско-католической пропаганды повсюду, а особенно въ Англіи,—которой, разумѣется, принадлежали патріотическія привязанно-

сти лэди Редстокъ,—огорчали ее безмѣрно и, можно сказать, отравляли ея послѣдніе дни; но въ часъ смерти и эти смятенья утихли. Въ самыя послѣднія минуты своей жизни она думала только о предстоящемъ ей переходѣ въ вѣчность, ждала этого съ величайшимъ нетерпѣніемъ и умерла спокойно.

III.

Какъ, по родной нашей пословицѣ, отъ яблони не далеко катятся выросшія на ней и съ ея вѣтвей упавшія яблоки, такъ и дѣти часто недалеко отпадаютъ отъ путей родительскихъ. Это сказалось и въ семействѣ Редстоковъ.

Изъ дочерей покойной лэди Редстокъ, старшая лэди Б. въ значительной мѣрѣ унаслѣдовала любовь къ Богу и ближнимъ, но ея мужъ лордъ Б., занимая видное положеніе, ведетъ жизнь очень открытую, отъ которой и жена его, разумѣется, не можетъ держаться совсѣмъ въ сторонѣ; но она много помогаетъ бѣднымъ поселянамъ въ большихъ помѣстьяхъ своего мужа: она занимается съ ихъ дѣтьми въ

воскресныхъ школахъ и вообще держитъ себя такъ просто, что ее знаютъ и любятъ бѣдные люди. Кто не можетъ сдѣлать большаго, для того можетъ быть достаточно достигать хоть этого.

Другое яблоко еще ближе остановилось у яблони: это другая дочь старой лэди, миссъ В. Эта дѣвушка покончила съ свѣтскою жизнію тѣмъ, что не захотѣла и знать ея. Она считаетъ единственнымъ достойнымъ дѣломъ продолжать дѣло своей матери. Пользуясь достаточными средствами и обладая свободнымъ знаніемъ французскаго языка, миссъ В. не держится Англіи, гдѣ ее болѣе или менѣе знаютъ, а отправляется во Францію, Швейцарію и въ Бельгію и возвращается оттуда не съ кружевами и лентами, а съ живыми трофеями своихъ походовъ, по намѣченному матерью маршруту. Такое явленіе, какъ миссъ В. и въ Англіи еще довольно одиноко, а мы, русскіе, хотя и могли-бы поставить рядомъ съ нею многимъ

извѣстную княжну М. М. Д. К., но побережемъ голубиную кротость и скромность нашей превосходной соотечественницы, оцѣнка которой вся въ будущемъ.

Гренвиль Вальдигревъ лордъ Редстокъ, нынѣшній проповѣдникъ, выросъ вмѣстѣ съ сестрами своими, такъ сказать, „при ногу своей матери“ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ по своимъ наклонностямъ обнаружилъ съ нею самое разительное сходство. Нѣжно любя свою мать, онъ считалъ достойнымъ вниманія и любви только то, что ее интересовало и что она любила. Онъ былъ воспитанъ въ строгомъ исполненіи всѣхъ требованій англиканской церкви, къ которой принадлежали и теперь принадлежатъ всѣ члены семейства Редстокъ. Воскресные дни въ ихъ семействѣ соблюдались съ педантическою строгостью „англійскихъ добрыхъ порядковъ“, день седьмый здѣсь всегда былъ свободенъ отъ всѣхъ заботъ и отдавался

Господу Богу. Это доводилось до педантической, или, лучше сказать, талмудической точности. Кушанье приготовлялось наканунѣ: готовить его въ воскресенье считалось грѣхомъ; самый обѣденный часъ въ этотъ день былъ измѣненъ для того, чтобы прислуга, подавъ холодный обѣдъ господамъ, могла быть свободна. Всякая свѣтская книга или журналъ, всякое нерелигіозное чтеніе, даже составленіе дѣловаго письма было запрещено и отлагалось до другаго дня. Кучеръ въ этотъ день не закладывалъ лошадей; люди обоего пола, передавъ господамъ ключи, уходили въ церковь, а потомъ въ свои семейства. На столахъ въ этотъ день лежали только Библіи различныхъ изданій и нѣкоторыя другія книги религіознаго содержанія. Утромъ, въ полдень и вечеромъ все семейство собиралось пѣть гимны и три раза въ день ходило къ богослуженію. Порядокъ этотъ держался строго и неизмѣнно и ему без-

прекословно подчинялся самъ покойный лордъ, хотя это ему очень не нравилось. Онъ, какъ выше сказано, не раздѣлялъ религіознаго настроенія своей жены, но ради мира семейнаго и единодушія подчинялся въ этомъ случаѣ установленному ею порядку. Состояніе самого лорда Редстока было хотя не изъ крупныхъ, но они получали годоваго дохода около 4-хъ тысячъ фунтовъ стерл. (около 30 т. р. на наши деньги) и, очевидно, могли жить съ достаткомъ.

IV.

Гренвиль Вальдигревъ въ отрочествѣ своемъ былъ помѣщенъ въ лучшей коллегіи Англіи—Итонъ (Eton). Онъ учился оченьприлежно и всегда отличался доброй нравственностью. Окончивъ итонскій курсъ, онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ, гдѣ товарищами впервые была подмѣчена впослѣдствіи усилившаяся страсть его къ проповѣди: онъ еще студентомъ любилъ уговаривать своихъ товарищей — молодыхъ людей жить во всемъ по Слову Божію. Конечно, это ему не всегда приносило удовольствіе, такъ-какъ молодежь слушала его неохотно и часто надъ нимъ подтрунивала; но онъ не унывалъ и стоялъ на своемъ и все про-

повѣдывалъ, и благовременно, и безвременно. Въ эту же пору въ немъ развилась любовь къ вокальной и инструментальной музыкѣ, которой онъ предался страстно и посѣщалъ музыкальныя собранія и концерты. Окончивъ курсъ университета, молодой человѣкъ вступилъ въ военную службу. Это уже было по смерти его отца. До сего времени, какъ онъ самъ о себѣ говорилъ, онъ „былъ похожъ на того евангельскаго юношу, который только для видимости спрашивалъ у Христа, что ему надо дѣлать, чтобы спастись, а въ сущности былъ очень собою доволенъ".

„Сравнивая свое прошлое и настоящее съ образомъ жизни другихъ, я былъ увѣренъ, говоритъ лордъ, что я буду оправданъ передъ Богомъ своимъ хорошимъ поведеніемъ и небезчестными дѣлами: я не ясно понималъ цѣль страданій Христа".

Потомъ ему показалось, что будто онъ все это понялъ гораздо яснѣе.

Вотъ какъ это было: однажды, онъ опасно заболѣлъ и въ болѣзни сталъ себя спрашивать *), „идетъ-ли онъ по пути истины или нѣтъ, и на что будетъ обречена его душа послѣ смерти тѣла“? Припоминая всѣ подробности своей жизни, Редстокъ ужаснулся, убѣдившись, что хотя онъ жилъ и далеко не хуже всѣхъ извѣстныхъ ему людей, но нерѣдко дѣйствовалъ вопреки Слова Божія. Какія добрыя дѣла онъ могъ назвать и сколько ихъ нужно набрать для искупленія хотя-бы одного грѣха?—а грѣховъ набралось много, и чѣмъ память болѣе углублялась въ прошлое, тѣмъ больше число ихъ всплывало. Больной началъ разсуждать въ себѣ: Христосъ своей смертью искупилъ-ли только одинъ первородный грѣхъ, о которомъ говорятъ богословы, но о ко-

*) Все это самоиспытаніе лорда Редстока я беру изъ письма лица, пользующагося дружбою проповѣдника и позволившаго мнѣ пользоваться этими строками для очерка о Редстокѣ. *Н. Л.*

торомъ ни слова не сказано въ Библіи, или Онъ искупилъ всѣ грѣхи человѣчества? У Редстока по всему выходило, что Христосъ искупилъ весь грѣхъ міра, т. е. всѣ грѣхи человѣчества, и тогда онъ сталъ себя вопрошать снова: „какое-же въ такомъ случаѣ могутъ имѣть значеніе для нашего оправданія наши дѣла“? Онъ сводилъ и сравнивалъ знакомыя ему мѣста Библіи и не находилъ разрѣшенія на этотъ вопросъ, который съ этихъ поръ началъ его томительно мучить. Письмо продолжаетъ: „наученный искать во всѣхъ такихъ случаяхъ небесной помощи, онъ обратился къ молитвѣ, въ которой просилъ Бога послать и ему истолкователя, какъ нѣкогда былъ посланъ апостолъ Филиппъ къ неразумѣвшему читаемаго евнуху царицы Эѳіопской. Помолясь, онъ успокоился, вѣруя, что просимый имъ изъяснитель будетъ ему въ свое время посланъ; а между тѣмъ здоровье его по-

правилось: онъ окрѣпъ и сталъ выходить. Но въ душѣ его все копошился безпокойный червякъ, шевелившій одну назойливую мысль: „а что, если уже поздно, что если онъ уже вычеркнутъ изъ Книги Жизни“?—Въ этомъ-то состояніи къ нему и былъ посланъ своего рода Филиппъ, „въ лицѣ одного миссіонера, уже много лѣтъ занимавшагося проповѣдью Евангелія какъ между некрещеными индійцами, такъ и между крещеными европейцами“ (!?). Читая съ нимъ Слово Божіе и слушая его толкованіе, Редстокъ „вдругъ понялъ суть Евангелія, вдругъ уразумѣлъ, почему оно въ самомъ дѣлѣ „благая вѣсть“. Основываясь на цитируемомъ мною письмѣ, Редстокъ это такъ именно выражаетъ и я такъ и удерживаю здѣсь это выраженіе. По совѣсти-же говоря, я въ этомъ ничего не понимаю и удивляюсь только одному: какъ лордъ Редстокъ, зная Евангеліе, до встрѣчи своей съ

индійскимъ миссіонеромъ не уразумѣлъ: почему оно въ самомъ дѣлѣ „благая вѣсть“? Это всякому ясно и понятно. Но лордъ Редстокъ понялъ вотъ что—„онъ понялъ, что прощеніе грѣховъ за добрыя дѣла невозможно, что грѣхи только могутъ быть омыты святою кровію, а святая кровь уже пролита и омываетъ всякаго чувствующаго свою немощь и принимающаго Христа какъ единаго Спасителя и единаго ходатая между Богомъ и человѣчествомъ“. Слѣдовательно, всѣ „принявшіе Христа“ спасены и имъ не о чемъ за себя безпокоиться и плакать: сердце ихъ должно быть полно радости всесовершенной. Онъ это такъ понялъ, и какъ онъ понялъ, такъ и рѣшилъ, что это и есть истина, годная не для него одного, а для всего человѣчества, которому онъ съ тѣхъ поръ ощутилъ неодолимую потребность возвѣщать сію, по его словамъ, „несказанную радость“. Ника-

кой страхъ столь возможной для каждаго человѣка единоличной ошибки и заблужденія лорда Редстока не остановилъ ни на минуту, и съ тѣхъ поръ онъ устремился „служить своему возлюбленному Искупителю“, т. е. говорить о Немъ, склоняя людей принять редстоковское мнѣніе объ оправданіи. И онъ пользовался этимъ обильно... О, какъ много разъ въ своей жизни повторилъ онъ то, что одинъ разъ вздумалъ! Даже въ нашъ вѣкъ неутомимыхъ говорильщиковъ, онъ по истинѣ самый неутомимый. Говорятъ, что будто онъ вывелъ изъ себя даже спокойнаго Фаррара (профес. Мальборусской академіи и капеллана королевы великобританской) и въ сочиненіи сего послѣдняго „Жизнь Іисуса Христа“ указываютъ слова, въ которыхъ находятъ намекъ на Редстока; это слѣдующее мѣсто въ разсказѣ объ исцѣленіи: „лучше служить Спасителю, совершая то, что онъ заповѣдалъ, чѣмъ прилагать свое нерѣдко

неловкое усердіе къ прославленію Его имени" (Фар. стр. 179). И мудрено, кажется, не согласиться, что это дѣйствительно лучше, но это не все для Редстока. Довольно отважный, узкій и упрямый какъ фанатикъ, онъ ничего не считалъ важнѣе того, что ему нравилось. Его не занимало, какъ достопочтеннаго Навиля, поставить религію основою для измѣненія началъ жизни, а ему хотѣлось, чтобы религія скроилась по его вкусу. Никакихъ иныхъ плановъ у него не было и нѣтъ, а просто ему такъ показалось, такъ понравилось и онъ такъ учитъ. Можетъ ли это его ученіе положить новое прочное начало въ жизни, — это ему все равно. Впрочемъ, нѣкоторые увѣряютъ, будто онъ увѣренъ, что съ принятіемъ его вѣры свѣтъ измѣнится и люди станутъ лучше.

Если онъ такъ вѣритъ, то, разумѣется, съ его вѣрою дѣлать нечего; но только слова его на вѣру принимать не благоразумно.

Вообще л. Редстокъ послѣ бесѣды съ индійскимъ миссіонеромъ почувствовалъ на себѣ печать помазанія, которое налагало на него обязанность заботиться о привлеченіи ко Христу душъ, находящихся пока во мракѣ, хотя онѣ и получили крещеніе. Онъ положилъ себѣ урокъ „дать имъ понять, насколько Богъ возлюбилъ міръ. По истинѣ я опять долженъ извиниться, что я не совсѣмъ понимаю, что я пишу, но я за одно отвѣчаю, что я вѣрно передаю слова л. Редстока, которыя его почитателямъ кажутся не только весьма понятными, но и необыкновенно сильными и увлекательными. Они увѣрены, что Редстокъ въявь имъ показываетъ, „насколько Богъ возлюбилъ міръ“; а безъ него имъ этого не видно было. Откуда бывало не зайдутъ, — все имъ этого не видно; а тутъ вдругъ все и показалось... Что съ этимъ дѣлать, — я не знаю, — пренія тутъ не помогутъ; а развѣ не попробовать-ли имъ обра-

титься къ просто народному средству? народъ говоритъ:

— „Когда что-нибудь покажется,—перекрестись“.

Простонародныя средства наивны, а иногда помогаютъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

V.

Дойдя до своихъ открытій о всеобщемъ оправданіи вѣрою, л. Редстокъ, все еще остававшійся въ то время въ военной службѣ, началъ распространять свое мнѣніе между офицерами и солдатами. Этого не знали его русскіе противники, а это дало бы имъ еще большую возможность налегать на то, что онъ „непризванный проповѣдникъ“. Говорятъ, будто полковые сослуживцы Редстока, питавшіе къ нему до этихъ поръ наилучшія чувства, вдругъ стали къ нему охлаждаться, потому что онъ рѣзко измѣнилъ свой образъ жизни, какъ-то: оставилъ музыку, на томъ основаніи, что „на небѣ услышитъ лучшіе звуки“, и пересталъ читать всякія свѣт-

скія книги, находя, что „жизни человѣческой недостаточно для изученія одной Библіи“. Все это, конечно, чудачества, которыя свойственны очень многимъ и, между прочимъ, нѣкоторымъ нашимъ раскольникамъ, но мало вѣроятности, чтобы товарищи могли охладѣть къ такому, кажется, несомнѣнно доброму и благородному человѣку, какъ лордъ Редстокъ, именно только за это. Странно разлюбить хорошаго человѣка за то, что онъ пересталъ слушать музыку и возымѣлъ особенныя понятія объ оправданіи. Нѣтъ; тутъ должна была имѣть мѣсто совсѣмъ другая причина, можно скорѣе повѣрить тому, что довольно интересный, какъ курьезный маньякъ, лордъ Редстокъ можетъ быть даже занимателенъ принимаемый въ малыхъ дозахъ, но въ большихъ пріемахъ онъ скученъ и непереносимъ; тутъ вся вина, вѣроятно, заключалась въ его непомѣрномъ досужествѣ, которое такъ велико, что

онъ не знаетъ устали и готовъ сколько угодно говорить одно и то же. Военнымъ людямъ, среди которыхъ богословская мысль обыкновенно не очень сильно работаетъ, такой маньякъ своего собственнаго богословія естественно показался надоѣдливъ и они стали уклоняться отъ его ретивой докуки. Такъ это можно угадывать, но нѣкоторые говорятъ, что это такъ именно и было.

Но Редстокъ не долго вопіялъ въ пустынѣ, въ которую обратились для него шеренги полка волонтеровъ, въ которомъ онъ служилъ. Провидѣніе послало ему не только терпѣливую, но и въ добавокъ постоянную слушательницу и помощницу въ лицѣ молодой особы, съ которою онъ въ это время сочетался бракомъ. По многимъ отзывамъ, эта особа, при отличавшей ее нѣкогда рѣдкой красотѣ наружной, обладала превосходными свойствами красоты душевной. Молодая лэди имѣла хорошій умъ и твер-

дую волю: она вышла за Редстока по любви и всегда питала къ нему неограниченную преданность. При этомъ она была очень благочестиво воспитана и, какъ говоритъ цитируемое мною письмо, „жила какъ будто-бы всегда подъ окомъ всевидящаго Бога“. Извѣстно, что въ Англіи такія утѣшительныя явленія возможны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что такая, почти пуританская дѣвушка, встрѣтивъ этого экзальтированнаго проповѣдника, отдалась ему со всей силою своей глубокой и цѣльной натуры. Союзъ ихъ благословенъ полнымъ согласіемъ, счастіемъ и доброчадіемъ. Избравъ другъ друга, какъ прекрасно говорятъ наши крестьяне, „по разуму и по мыслямъ“, они никогда не нуждались въ постороннихъ содѣйствіяхъ къ укрѣпленію установившагося между ними согласія, и когда лордъ, дослужившись полковничьяго чина, объявилъ женѣ, что онъ намѣренъ выдти въ отставку съ

тѣмъ, чтобы всего себя отдать проповѣди Евангелія по своему взгляду, благонравная леди не только этому не воспротивилась, но даже одобрила желаніе супруга. Ее, повидимому, ни мало не пугала все больше и больше усиливающаяся манія мужа: слова Христовы, что „враги человѣку домашніе его“, лорда съ этой стороны не коснулись. Онъ съ согласія жены оставилъ довольно далеко уже доведенную служебную карьеру и вышелъ въ отставку съ тѣмъ, „чтобы проповѣдывать Евангеліе своимъ близкимъ и дальнимъ роднымъ“. Вообще онъ на первый разъ избиралъ мѣстомъ своей дѣятельности только родныя ему палестины, но потомъ, какъ увидимъ, ему тамъ стало тѣсно и его потянуло на страну далече. Солдаты, говорятъ, прощались съ нимъ, „рыдая и обнимая его колѣна, умоляли его не покидать ихъ“, чему и можно вѣрить, такъ-какъ любить строго-порядочнаго и добродушнаго л. Редстока гораздо лег-

че, чѣмъ у него поучаться, но, какъ мы знаемъ, онъ овладѣваетъ иными и на этомъ полѣ.

Получивъ отставку, лордъ Редстокъ прибылъ домой, и первое, что сдѣлалъ, продалъ всѣ предметы роскоши, доставшіеся ему послѣ его покойнаго отца, отпустилъ многочисленную прислугу, и оставилъ себѣ только самое необходимое, устроилъ благотворительное заведеніе, а самъ съ женой и съ дѣтьми началъ вести кочевую жизнь. Сначала онъ странствовалъ по Великобританіи, то здѣсь, то тамъ проповѣдуя оправданіе вѣрою во Христа весьма многочисленной публикѣ, собиравшейся послушать оригинальнаго проповѣдника. Онъ имѣлъ успѣхъ, но, впрочемъ, далеко не всегда равный: въ иныхъ мѣстахъ его охотно слушали, въ другихъ же ему не везло и надъ нимъ смѣялись. Пророку въ отечествѣ своемъ, какъ извѣстно, худо, и вотъ л. Редстокъ сталъ смотрѣть на

континентъ. Ближайшая страна, которая его занимала, была сосѣдняя Францiя, переѣздъ въ которую изъ Англiи такъ простъ и легокъ, а къ тому-же здѣсь было еще и то удобство, что лордъ былъ нѣсколько знакомъ съ французскимъ языкомъ, на которомъ онъ, впрочемъ, до сихъ поръ говоритъ не совершенно свободно и не безъ довольно курьезныхъ ошибокъ. Вымоливъ себѣ своего Филиппа, онъ, какъ надо думать, еще не умолилъ о ниспосланiи ему дара языковъ, что должно въ значительной степени радовать опасающихся „разоренiя" Редстокомъ русской церкви. Его квадратный аглицкiй ротъ нашего круглаго русскаго слова не вымолвитъ.

Проповѣдникъ и его супруга, живучи въ Англiи, вели самый скромный образъ жизни, да, кажется, и не могли жить иначе. Въ родственникахъ по плоти Редстокъ не нашелъ никакого сочувствiя своему оригинально-

му намѣренію; напротивъ, всѣ родные и старые знакомые отвернулись съ негодованіемъ не только отъ самого полковника, котораго считали немножко помѣшаннымъ, но и отъ жены его, которая не возражала „сумазбродной идеѣ“ мужа оставить служебную карьеру и сдѣлаться, какъ у насъ говорятъ, „непризваннымъ проповѣдникомъ“. Не менѣе недружелюбно смотрѣли на него и нѣкоторые представители англиканской церкви. Я нигдѣ не могъ добиться: въ чемъ именно они порицали его ученіе, но говорятъ, что будто-бы они только находили въ избранной полковникомъ Редстокомъ проповѣднической миссіи нѣчто ему несвойственное и неотвѣчающее его подготовкѣ и средствамъ, и, кажется, никакъ нельзя сказать, чтобы разсуждавшіе такимъ образомъ представители англиканской церкви не имѣли съ своей точки зрѣнія надлежащихъ основаній. Но тѣмъ интереснѣе, что все это ни мало не помѣ-

шало успѣхамъ л. Редстока въ обществѣ, гдѣ онъ быстро началъ пріобрѣтать друзей и единомышленниковъ въ дѣлѣ вѣры и мнѣній. На сторонѣ его очутились нѣкоторые лорды, обладавшіе болѣе или менѣе значительнымъ состояніемъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ: увлеченные словомъ и примѣромъ Редстока, они приняли его малопонятныя убѣжденія, или, какъ у насъ говорятъ, „его вѣру“, и стали отъ этого не хуже, а лучше. Подражая своему апостолу, каждый изъ нихъ началъ дѣйствовать „во славу имени Христова“, и каждый по своимъ способностямъ и средствамъ началъ приносить бѣднымъ людямъ матеріяльную и нравственную пользу. Этимъ способомъ Редстокъ разомъ затравилъ двухъ зайцевъ за одинъ угонъ: взявъ на свою сторону аристократовъ и заставивъ ихъ служить бѣдности „во славу имени Христова“, онъ измѣнилъ этихъ людей настолько, что бѣдный плебсъ, этотъ

„амъ-га-аретсъ“ (невѣжда въ законѣ), къ которому они пошли съ вещественною помощью и благочестивыми разговорами о всѣхъ уравнявшемъ и всѣхъ одинаково къ себѣ призывающемъ Спасителѣ міра, не могъ не замѣтить самаго осязательнаго—благопріятной и благотворной перемѣны въ этихъ людяхъ, державшихся высокомѣрно и холодно съ нищими, доколѣ этими высокомѣрными людьми управляла одна формальная сторона религіи. Разъясняя себѣ причину такой перемѣны въ барахъ, простолюдины дошли до знакомства съ Редстокомъ, имя котораго съ тѣхъ поръ начало получать счастливую для него извѣстность и въ низшихъ классахъ, гдѣ успѣхъ Редстока былъ тѣмъ легче обезпеченъ, что здѣсь догматическія тонкости еще менѣе изучены и редстоковскія богословскія мнѣнія объ оправданіи, вообще, впрочемъ, нестоящія въ рѣзкомъ разладѣ съ общими протестантскими мнѣніями на

на этотъ счетъ, не представляли ничего смущающаго совѣсть слушателей и принимались не толкко свободно, но даже почти незамѣтно. Такъ, начавъ съ англійской аристократіи, онъ оріентировался и въ средѣ народной, хотя справедливость требуетъ сказать, что непосредственно у простыхъ людей онъ никогда не былъ такъ „великъ", какъ у нѣкоторыхъ людей высшихъ классовъ: простолюдины видѣли въ немъ просто добраго человѣка. Какъ онъ толкуетъ Писаніе, — это ихъ менѣе занимало, чѣмъ то, что онъ „отлично передѣлываетъ баръ". Межъ тѣмъ, среди аристократіи явились люди, открывшіе въ Редстокѣ „даръ необычайный", и начали прославлять его такимъ „сосудомъ избранія", что только черезъ него влитая въ купель христіанскаго крещенія вода и святится. Въ нелѣпой крайности этой много страннаго и несомнѣнно прямо свидѣтельствующаго о томъ „знаменіи времени",

которое зорко подмѣтилъ въ направленіи современной религіозности И. С. Беллюстинъ, указывая на довольно общія теперь стремленія поддаваться всякимъ увлеченіямъ, лишь-бы они уводили въ даль отъ церковнаго единенія. И эти въ своемъ родѣ почти, пожалуй, были правы; у Редстока дѣйствительно есть „необычайный даръ“, но онъ заключается не въ его богословствованіи, а въ его способности „передѣлывать баръ“. Идеи его шатки, но чувства его прекрасны и онъ своими успѣхами превосходно оправдываетъ слова Тэна, что „людей поднимаютъ не идеей, а чувствомъ“. „Изучая чувство Редстока, я самъ чувствую, что этотъ человѣкъ влюбленъ въ Христа“, сказалъ мнѣ одинъ близко его знающій человѣкъ, и это должно быть правда. Редстокъ именно влюбленъ, а это чувство такъ увлекательно.

VI.

Великосвѣтскіе успѣхи сослужили свою службу Редстоку, — фонды его такъ быстро поднялись, что онъ скоро могъ уже вмѣнять всѣ нападки присныхъ за уметье и началъ держать постоянныя бесѣды регулярно по два раза въ день, а въ промежутки навѣщалъ своихъ новообращенныхъ, больныхъ и нуждающихся въ помощи, которымъ иногда помогалъ самъ, изъ своего кошелька, иногда же подвигалъ къ тому другихъ. Извѣстность его возрасла до того, что онъ сталъ появляться въ Лондонѣ и другихъ городахъ Англіи и о днѣ своихъ митинговъ заранѣе возвѣщалъ печатными афишами. Богословы этому только удивлялись и пожимали плечами,

а народъ къ нему валилъ. Собранія публики для слушанія лорда иногда были такъ многолюдны, что онъ бралъ для своихъ бесѣдъ или театръ, или манежъ, или залу политехнической школы, и все это было полно. Съ бесѣды его одни возвращались растроганными, другіе смѣялись надъ нимъ, но кругъ людей, заинтересованныхъ его проповѣдью, все увеличивался. Кромѣ того, для болѣе близкихъ людей онъ говорилъ въ домѣ своей матери или въ одномъ изъ сектантскихъ обществъ. Впрочемъ, о немъ можно сказать, что онъ всегда и вездѣ проповѣдывалъ и проповѣдуетъ: въ саду, на дворѣ, на улицѣ,—кто бы ему ни попался, всякій получитъ свою долю не сребра и золота, а словъ. Ѣдетъ онъ съ камбенемъ (извощикомъ), онъ ему проповѣдуетъ; встрѣтитъ нищаго или рабочаго—проповѣдуетъ; даже стоящіе на своихъ постахъ полисмены (городовые) и тѣ, на сколько имъ это удобно въ ихъ должностномъ положе-

ніи, вынуждены бываютъ послушать „прилипчиваго лорда“, какъ его называютъ насмѣшники. Какъ влюбленный, онъ лепечетъ объ одномъ и томъже повсюду, и это опять лучшій признакъ его влюбленности. Но понятно также, что этакой чудакъ многимъ несторпимъ и очень многіе бѣгутъ отъ его докучливой навязчивости, но за то другіе его слушаютъ и берутъ отъ него его назидательныя книжечки, которыя онъ даритъ направо и налѣво. Не довольствуясь раздачею этихъ книжекъ своею собственною рукою, лордъ Редстокъ приспособляетъ къ этому своихъ подростающихъ дѣтей. И тѣ въ часы прогулокъ продолжаютъ отцовское дѣло.

Поводъ заговорить съ человѣкомъ Редстоку. даетъ все: разсказываютъ анекдотъ, которому я, впрочемъ, имѣю слабость не вѣрить, потому что мнѣ помнится, будто я его читалъ въ какакой-то англійской дѣтской книжкѣ, заглавія которой теперь не могу при-

помнить. Но, впрочемъ, не однѣ великія событія повторяются.

Дѣло въ томъ, что будто-бы лордъ Редстокъ шелъ однажды по одной изъ аллей парка и увидѣлъ на землѣ оторванный и затоптанный листокъ изъ Евангелія; онъ его сейчасъ-же поднялъ и прочелъ на немъ слова изъ III гл. Іоанна, ст. 18. „Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную". Случай зналъ, чѣмъ ему потѣшить Редстока, такъ-какъ это самый излюбленный имъ текстъ для начала проповѣди. Но не будемъ этимъ смущаться, случай то же бываетъ догадливъ. Лордъ, поднявъ листокъ и очистивъ его, сейчасъ-же сталъ оглядываться по сторономъ и, замѣтивъ невдалекѣ работника, который стоялъ, облокотясь на свою метлу, подошелъ къ нему съ вопросомъ:

— Не хочешь-ли ты получить вѣрный банковый билетъ?

— Отчего не хотѣть,—билетъ дѣло хорошее, отвѣчалъ работникъ.

— Прекрасно, такъ вотъ возьми эту бумажку и ты по ней получишь сокровище, дороже котораго нѣтъ у самой нашей королевы.

Работникъ, конечно, былъ грамотный, онъ взялъ бумажку, прочелъ евангельскій стихъ и, взглянувъ съ недоумѣніемъ на лорда, сказалъ:

— Я ничего не понимаю.

Этого досужему лорду было достаточно, чтобы завладѣть этимъ человѣкомъ. Сообщавшій мнѣ это говорилъ: „тутъ онъ ему объяснилъ спасеніе Кровію Христовой, и текстами Библіи опровергъ всѣ его сомнѣнія“. Что это были за „сомнѣнія“, я о томъ ничего не знаю, но, вѣроятно, дѣло шло о сомнѣніяхъ: будетъ-ли человѣку горемычному на этомъ свѣтѣ сколько нибудь лучше въ вѣкѣ будущемъ, или „здѣсь въ поту мокнуть, а тамъ въ смолѣ кипѣть?“ У меня нѣтъ основаній думать, чтобы это было

что-нибудь болѣе серьезное, но не въ томъ дѣло. А прошло послѣ этого происшествія съ листкомъ много лѣтъ и Редстокъ, разумѣется, позабылъ уже и лицо этого работника, и свою съ нимъ продѣлку; но работникъ не забылъ лорда, и однажды, когда Редстокъ говорилъ среди толпы рабочихъ, изъ этой толпы вышелъ пожилой человѣкъ и сказалъ:

— А вѣдь мы съ вами знакомы, сэръ!

— Гдѣ и когда мы видѣлись? спросилъ удивленный Редстокъ.

— А помните, я одинъ разъ, давно тому, мелъ дорожки въ Гайдъ-Паркѣ, а вы мнѣ дали билетъ на такое сокровище котораго нѣтъ и у королевы?

Редстокъ вспомнилъ.

— Ну и что-же, спросилъ онъ, не пригодился-ли вамъ мой подарокъ?

— Какъ-же, какъ-же, сэръ, очень пригодился; я къ нему, знаете, подобралъ все, чего не доставало: купилъ, знаете, цѣлую книжечку, чтобы до-

биться, что это такое за сокровище, про которое вы мнѣ сказали?

— Ну не правда-ли, что вы его нашли?

— Нашелъ, сэръ, непремѣнно нашелъ, и очень васъ благодарю. А вы тогда со мною славную штуку выкинули! Нечего сказать, ни за чтобы тогда не повѣрилъ, что мнѣ отъ нея будетъ до сихъ поръ такъ хорошо житься.

— А отчего-же вамъ съ тѣхъ поръ стало лучше жить?

— А оттого, сэръ, что я съ тѣхъ поръ никогда не унываю, а когда мнѣ или моимъ семейнымъ очень уже тяжело придется, я говорю и себѣ и дѣтямъ: „стопъ машина!"—говорю, нечего рюмить,—тутъ оттерпимся, а тамъ уже терпѣть не будемъ, потому что за насъ страдалъ и умеръ Сынъ Божій и мы всѣ омыты Его кровію. Очень, очень благодарю васъ, сэръ, за вашъ билетъ и не помѣняюсь имъ ни на что съ королевою.

Эта утѣшительность, этотъ, если такъ можно выразиться, религiозный bon courage, имѣетъ едва-ли не самое главнѣйшее значенiе въ глазахъ великосвѣтскихъ почитателей лорда, которымъ тяжка и непрiятна мысль объ отвѣтственности за гробомъ. Этотъ bon courage, внушаемый имъ Редстокомъ, разумѣется, на его собственную отвѣтственность, не можетъ ихъ не радовать, если только „предавшись въ неискусенъ разумъ“ они не видятъ въ этомъ легкомыслiи оскорбленiя здравому разуму, ищущему „правды царствiя Божiя“. Рабочимъ-же людямъ и вообще „пасынкамъ судьбы“ это, разумѣется, еще сподручнѣе, тѣмъ болѣе, что тутъ и безъ того помимо воли иногда срывается такое слово: „нѣтъ-де, здѣсь мы уже столько мучились, что не можетъ быть, чтобы и тамъ еще были для насъ мученья: Богъ такъ несправедливъ не будетъ“. Вотъ въ эту-то ноту намученной души и попадаетъ камертонъ англiй-

скаго запѣвалы и находитъ въ ней готовый отзвукъ. Но только напрасно наши русскіе редстокисты думаютъ, что нашъ русскій народъ весь поголовно отъ того смутенъ и печаленъ, что боится отвѣтственности за грѣхи свои. Лучшіе, скромые, благочестивые люди дѣйствительно этого боятся, но какъ ихъ утѣшить, если они, подобно апостолу Павлу, стремясь къ цѣли, не почитаютъ себя достигшими (Филип. 3, 12—15); но есть и другіе, гораздо болѣе смѣлые и веселые: эти вѣрятъ, что они уже здѣсь оттерпѣлись, а тамъ „господа будутъ въ котлахъ кипѣть, а они будутъ подъ нихъ дрова подкладывать“. Есть этотъ bon courage и у русскихъ.

VII.

Изъ благотворительныхъ заведеній, учрежденныхъ Редстокомъ, болѣе всѣхъ заслуживаетъ вниманія „пріютъ для молодыхъ бродягъ“ (Grotto boys), которымъ лордъ всегда сильно занятъ и самъ пополняетъ его новыми пришельцами. Гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ бездомнаго мальчика, онъ сейчасъ зоветъ его въ пріютъ, кормитъ, поитъ, учитъ его и внушаетъ ему свою куражирующую религію — „благую вѣсть“ всепрощенія. Иногда онъ ходитъ ночью по улицамъ и здѣсь вербуетъ безпріютныхъ, иногда же выпрашиваетъ себѣ у начальства молодыхъ воришекъ, осужденныхъ на смирительный домъ, и опять учитъ ихъ честно жить и ве-

село вѣрить. Въ этомъ пріютѣ и Редстокъ, и его друзья ревностно занимаются нравственнымъ перевоспитаніемъ молодыхъ бродягъ, изъ которыхъ каждый долженъ здѣсь оставаться никакъ не менѣе года: въ это время его учатъ грамотѣ, какому-нибудь ремеслу, но главное—занимаются ихъ „е-в-а-н-г-е-л-и-з-а-ц-і-е-ю". Нѣкоторые думаютъ, что это такая наука, которая собственно замѣняетъ преподаваніе, извѣстное подъ названіемъ „Закона Божія"; но это не то: евангелизація—это собственно просвѣщеніе Евангеліемъ, какъ бы напитываніе имъ и обрадованіе и успокоеніе духа „благой вѣстью", что Христосъ за насъ уже отстрадалъ и мы „если Его любимъ и имѣемъ", то уже мы омыты, очищены, искуплены Его кровію и страдать не будемъ. Вотъ вся забота, вотъ все попеченіе! Пусть Навиль, Голлардъ, Шафъ и Фарраръ съ ихъ поражающею эрудиціею и громадными талантами пишутъ что

хотятъ о лицѣ „Сына Маріи"; пусть они стремятся одолѣть обуревающія человѣчество сомнѣнія; пусть они трудятся сколько хотятъ объяснить совершенство Божіе въ совершенствѣ „человѣка печали",—плотника изъ Назарета, глядя на котораго человѣкъ можетъ вознестись духомъ къ самому Отцу вѣковъ,—это все пустяки; а вотъ ты объяви, что ты „возлюбилъ, воспѣлъ и обрѣлъ" и вотъ это и есть самое важное для человѣчества. Alliľouija, allilouija, et je vous fais mon compliment. Обрѣли нѣчто! Но воvвернемъ назадъ въ пріютъ Редстока,—въ пріютъ „счастливыхъ христіанъ". Выдержавъ здѣсь годовой искусъ, бродяжки выходятъ, конечно, многое дурное оставивъ и пріобрѣтя не мало хорошаго. Ихъ потомъ заботятся пристраивать по мѣстамъ, и это, разумѣется, самое важное и самое богоугодное.

Семья лорда Редстока весьма многочисленна: у него въ живыхъ во-

семь человѣкъ дѣтей. Въ прошломъ 1875 году у него умерла его старшая дочь, дѣвушка 16 лѣтъ, о кончинѣ которой друзья этой семьи разсказываютъ нѣчто удивительное. Смерть этой дѣвушки немножко напоминаетъ два года тому назадъ изумившую многихъ въ Петербургѣ кончину молодой и благонравнѣйшей княжны М—ской, которая, будучи совершенно здорова, предсказала свою смерть, молилась съ весьма извѣстнымъ въ Петербургѣ священникомъ Ал. К—мъ и умерла, какъ будто ушла на отрадное свиданіе съ лучшимъ другомъ. Дочь Редстока умирая тоже утѣшила своихъ родителей, говоря: „радуйтесь за меня, я иду къ моему Спасителю, я не чувствую никакихъ страданій отъ этой радости“. И та и другая кончины превосходны, хотя кончина княжны М—ской какъ-то теплѣе и въ одно и то же время и поразительнѣе, и проще.

Старшему сыну проповѣдника 18

лѣтъ и онъ учится въ коллегіи, а въ каникулярное время уже проповѣдуетъ уличнымъ мальчикамъ. Остальныя дѣти всѣ малъ-мала-меньше, но и о нихъ мнѣ нѣкто совсѣмъ не въ шутку говорилъ, что будто и они всѣ проповѣдуютъ, которое своимъ нянькамъ, которое... своимъ кукламъ. Безъ шутокъ и рѣшительно безъ всякихъ шутокъ говорятъ, что въ этой семьѣ дѣти даже играютъ въ миссіонерство: одни изображаютъ дикарей, другія проповѣдниковъ; они сначала противятся, потомъ слушаютъ, убѣждаются, потомъ евангелизуются, потомъ обрѣтаютъ, возлюбляютъ и воспѣваютъ. Конечно, это немножко странно, но по увѣреніямъ извѣстнаго духовидца Сведенборга, души малютокъ, воспитываемыя ангелами, тоже приблизительно играютъ въ подобныя игры: онѣ репетируютъ воскресеніе Христа изъ гроба и проч. Мы, русскіе, однако, гораздо ближе, чѣмъ иные иностранцы, можемъ понимать такую

семью проповѣдниковъ, такъ какъ у насъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развито кустарное призводство, всѣ члены семействъ поголовно занимаются однимъ производствомъ: въ Холуѣ и во Мстерахъ напр. иконописаніемъ, а въ Кимрѣ шитьемъ сапоговъ. Такъ и тутъ, проповѣдь выходитъ чѣмъ то въ родѣ русскаго кустарнаго производства. Опять и въ этомъ нѣтъ ничего худаго и новѣйшіе экономисты даже начинаютъ очень хвалить кустарей, но только опасно, не обратилось бы это упражненіе въ проповѣдничествѣ въ холодное искусство для искусства; какъ бывало въ схоластическую пору въ кіевскихъ училищахъ, когда сначала одинъ стоялъ за католицизмъ, а другой за православіе, а потомъ они перемѣнялись, и отстаивавшій православіе началъ стоять за католицизмъ, и наоборотъ. Зачѣмъ этотъ отрокъ Редстокъ высылается на проповѣдь къ уличнымъ мальчикамъ? Или отецъ его не знаетъ, что „безу-

міе виситъ на сердцѣ юнаго". (Притчи 22, ст. 16). Или этихъ мальчиковъ не кому учить кромѣ его сына? Или это нужно ему для практики? О, Боже мой, какъ это нужно! И что такое можетъ сказать онъ, сытый, вымытый и выхоленный барченокъ, босоногому оборвышу, который знаетъ въ жизни такіе казусы, о которыхъ благовоспитанный ребенокъ и понятія имѣть не можетъ? Что же можетъ сдѣлать съ основательно испорченнымъ сорванцомъ этотъ игрушечный проповѣдникъ?

Сама лэди Редстокъ, эта нѣкогда замѣчательная красавица, теперь уже подурнѣла и ослабѣла отъ многочадства: она ведетъ тихую, пуританскую жизнь, какъ выше замѣчено, сообразную съ ея темпераментомъ; ей, по русской пословицѣ, какъ „доброй женѣ, домосѣдство не въ муку". Но лѣтомъ, когда семейство выѣзжаетъ на морскія купанья, куда изъ далекихъ и ближнихъ городовъ прибываютъ да-

мы разнаго духа и образа мыслей, и она кустарничаетъ, и она атакуетъ съ проповѣдью дамъ, и тоже очень успѣшно выводитъ ихъ изъ всякаго терпѣнія. Тогда почтенной леди отъ нихъ изрядно достается: съ нею не только не церемонятся, насколько можетъ не церемониться выведенная изъ себя англичанка, но часто ей дѣлали грубости очень крупныя. И ей, какъ и ея мужу, это нерѣдко достается, но они искусились принимать это съ большимъ терпѣніемъ, внутреннее достоинство котораго я опредѣлить не берусь; но какъ мнѣ о немъ передавали, то мнѣ это смиреніе не нравится. Супруги Редстоки прежде надокучатъ человѣку, выведутъ его своимъ приставаніемъ изъ терпѣнія, а когда раздосадованный ими человѣкъ ихъ обругаетъ, они или смиренно молчатъ, или еще смиреннѣе шепчутъ молитву, и затѣмъ опять ищутъ другую жертву, чтобы взять ее на допросъ: „имѣете-ли вы Христа?“ „Нашли-ли

вы Христа?“ Все это продолжается до тѣхъ поръ, пока другой и третій за нѣжную заботу объ ихъ душахъ сначала отвѣчаютъ: „имѣю, сколько мнѣ надо, сэръ“. „Не ваше дѣло, сэръ“. „Позаботьтесь сами о себѣ, сэръ“, и наконецъ „провалитесь вы, сэръ“...

Тогда миссія совершена, жертва смиренія принесена и Редстоки всѣхъ половъ и возрастовъ воспѣваютъ.

Все это можетъ казаться преувеличеннымъ и даже невѣроятнымъ: по крайней мѣрѣ это такъ казалось мнѣ самому; но... повторяю: я самъ этого не наблюдалъ и лѣплю мой разсказъ съ чужихъ словъ,—со словъ людей, которымъ никто изъ знающихъ ихъ никогда не считалъ нужнымъ не вѣрить; но если они говорили ложь, то и я тожь. Повѣрять ихъ мнѣ было негдѣ и нечѣмъ, да и едва ли стоило того: подобныя исключительныя семейства, какъ Редстокъ, невѣроятны и даже, пожалуй, невозможны у насъ, но не въ Англіи, гдѣ люди не боятся быть

оригинальными и не видятъ необходимости походить другъ на друга, какъ стертыя солдатскія пуговицы.

VIII.

Въ англійскомъ обществѣ многіе упрекали и теперь упрекаютъ Редстока за то, что онъ слишкомъ часто покидаетъ свою семью и мало занимается воспитаніемъ дѣтей, и это, несмотря на относительную сдержанность англійской печати, проскользнуло какъ-то въ нѣкоторыхъ газетахъ; но говорятъ, будто это неправда, будто Редстокъ разстается съ семьею только, когда отправляется въ Россію, гдѣ всегда чувствуетъ на себѣ вредное вліяніе петербургскаго климата, и потому не хочетъ подвергать опасности жену и дѣтей. Впрочемъ, это ихъ семейное дѣло.

Характеръ Редстока представляютъ живымъ и очень впечатлитель-

нымъ, но очень сдержаннымъ. Онъ, говорятъ, въ совершенствѣ владѣетъ собою во всѣхъ случаяхъ жизни, не исключая и тѣхъ, когда выведенные изъ терпѣнія люди рекомендуютъ ему „провалиться“. Впрочемъ, такъ какъ это случается довольно часто, то можетъ быть его спокойствіе скорѣе можно отнести не къ выдержкѣ, а къ привычкѣ. Лордъ по окончаніи каждаго митинга становится у дверей и, пропуская мимо себя расходящихся слушателей, еще напутствуетъ ихъ „мольбою“.

— „Позаботьтесь о вашей душѣ“.

— Довольно уже, сэръ, довольно.

— „Позаботьтесь о вашей душѣ“.

— Будетъ, будетъ этого, сэръ,— слышали: вы о своей позаботьтесь.

— „Позаботьтесь“.

— Да провалитесь вы... сэръ!

И все въ такомъ родѣ, а иногда и гораздо покрѣпче; но какую-бы грубость ему ни сказали, онъ одинаково отвѣтитъ:

— „Позаботьтесь о вашей душѣ“, да и только! Русскіе почитатели лорда приходятъ въ неописанный восторгъ отъ этой „кротости“. Болѣе отвѣчающее этому слово „смиреніе“ имъ не нравится, потому что оно, по ихъ мнѣнію, напоминаетъ „что-то монашеское“... Они бѣдные и не замѣчаютъ, что вся эта назойливая продѣлка ихъ апостола цѣликомъ напоминаетъ намъ самыя знакомыя русскія сцены, которыя можно наблюдать у часовень, у лавокъ и даже въ трактирахъ.

— „На построеніе такого-то храма, будьте укладчики“! (поклонъ).

— Извините, матушка.

— „Будьте укладчики“ (поклонъ).

— Проходите, матушка, проходите, мелкихъ нѣтъ.

— Будьте...

— Да проходи ты... (заключительная фраза варьируется различно).

— „Ну спаси васъ Господи и помилуй“ и тогда поклонъ еще ниже.

Мотивы, конечно, нѣсколько различные, но въ характерѣ смиренія много сходства. Сначала надокучить, вывести человѣка изъ терпѣнія, а потомъ „смириться“ и „спаси Господи“. Только у нашихъ все это выходитъ какъ-то простодушнѣе и даже веселѣе; такъ, напримѣръ, въ одной газетѣ былъ разсказанъ случай, что одинъ гостинодворецъ, сплавляя собирательницу, сострилъ:

— Проваливай, мать Митрофанія! проваливай!

— Спаси тебя Богъ, купецъ Овсянниковъ! отвѣчала инокиня, выдержавъ до конца и свой тонъ смиренія и весело давъ ловкую сдачу наглецу, котораго сама же вывела изъ терпѣнія.

Но нашъ простодушный характеръ обладаетъ удивительною способностью сохранять нѣкоторую веселость и въ перебранкѣ, и даже въ самомъ лицемѣріи,—у англичанъ-же это не такъ: они гораздо насъ сердитѣе и

сердясь не шутятъ, что доказываетъ отчасти и самъ л. Редстокъ, который любитъ, чтобы его слушали внимательно и оказывали ему преданность и уваженіе, — уваженіе и преданность.

Если онъ замѣчаетъ, что кто-нибудь слушаетъ его безъ уваженія и во время его бесѣды хотя бы очень тихо перекинется словомъ замѣчанія съ сосѣдомъ, то онъ остановитъ рѣзко и прочтетъ мораль ни мало не слабѣе той, какую выслушала однажды при всѣхъ въ орловскомъ соборѣ покойная княгиня Трубецкая (урожденная Витгенштейнъ) отъ покойнаго же архіепископа орловскаго и сѣвскаго Смарагда Крыжановскаго. Въ словахъ лордъ Редстокъ необыкновенно остороженъ, особенно съ незнакомыми ему людьми, а если кто-нибудь старается заставить его высказать свое мнѣніе о какихъ-нибудь догматахъ какой-бы то ни было церкви, то онъ или совсѣмъ молчитъ и не отвѣчаетъ, или,

если уже къ нему очень пристанутъ, то коротко скажетъ:

— „Я не могу объ этомъ говорить, это не мое дѣло, я только могу объяснять Слово Божіе, приводя и для этого въ немъ же находящіеся тексты“.

Какъ человѣкъ воспитанный и притомъ очень осторожный, онъ ни о комъ никогда не говоритъ дурно. По крайней мѣрѣ никто не слыхалъ, чтобы онъ кого-нибудь осуждалъ, хотя бы въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ. Самое сильное, что отъ него слыхали насчетъ чьей-нибудь плохой личности, о которой онъ не могъ не получить самаго невыгоднаго мнѣнія, это слѣдующее: „да; мнѣ кажется, что съ этой стороны нельзя ожидать многаго для славы Божіей“, и больше ни слова.

Примѣръ его въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ необыкновенно благотворно, и въ жаркомъ редстокистѣ, къ какой бы онъ ни принадлежалъ націи, вы

всегда найдете слѣдъ его вліянія, выражающійся умягченіемъ нрава и снисходительностью, нерѣдко граничащею съ истинно-христіанскимъ добродушіемъ. Я уже выше сказалъ, что Редстокъ большой мастеръ передѣлывать баръ и имѣетъ право на большую за это похвалу отъ всякаго безпристрастнаго человѣка. Я очень сожалѣю, что не могу указать нѣкоторыхъ изъ его такъ-называемыхъ „даніиловыхъ чудесъ“ укрощенія, по они слишкомъ хорошо извѣстны петербургскому „свѣту“. Стараясь, однако, въ этомъ очеркѣ какъ можно полнѣе передать личность лорда и его вліяніе на его русскихъ поклонниковъ, я долженъ сказать по неводу его „даніиловыхъ чудесъ“, что они далеко не такъ чудны, напримѣръ, какъ бывали чудеса въ этомъ родѣ іезуита Грубера (въ царствованіе императора Павла Петровича). Груберъ подводилъ подъ свое вліяніе людей, стоявшихъ во всеоружіи своей силы

и на высотѣ положенія, Редстокъ же съ такими дѣла еще не имѣлъ: онъ укрощаетъ и обращаетъ къ Богу тѣхъ, укрощеніе которыхъ началось уже раньше и которые прежде встрѣчи съ Редстокомъ готовы были куда-нибудь обратиться. Словомъ, онъ не имѣлъ дѣла съ высокопоставленными людьми, которые еще стоятъ, гдѣ поставлены, а занимался преимущественно тѣми, которые уже кувырнулись и, быстро скатясь внизъ по наклонной плоскости, не могли найдти себѣ никакого „предѣла". Онъ имъ и положилъ „предѣлъ",— сказалъ: „любите Христа", и они стали любить, это ихъ заняло и они стали гораздо лучше, чѣмъ были и чѣмъ можно было отъ нихъ ожидать. Это, конечно, хорошее дѣло, но въ немъ однако не все принадлежитъ Редстоку, который самъ тутъ значитъ не больше, какъ трость скорописца, а самъ скорописецъ есть подчиняющій себѣ человѣческіе умы духъ времени. Павшіе вельможи,

„лишившись своего авантажа и захудѣвъ“, всегда искали: къ чему имъ примѣниться, чтобы было „поважно и вольготно“. Но въ разныя времена эти „скатившіеся турмана“ (какъ называлъ ихъ сатирикъ Екатеринина вѣка) полагали себѣ утѣхи въ различномъ. Это даже довольно интересно для характеристики общественныхъ нравовъ. Старинный, зобатый, тучный турманъ боярскаго рода, закатясь куда-нибудь подъ Уралъ, брался за Іоанна Златоуста и изучалъ его глубоко и дѣлалъ это очень искренно и основательно, и Іоаннъ Златоустъ его умудрялъ и улучшалъ, если только случай не возводилъ умудреннаго снова на высоту, гдѣ у него опять кружилась голова и онъ забывалъ бесѣды Златоуста. Въ Екатеринино время, когда впервые было выговорено пустомысленное слово „направленіе“, турмана падали на энциклопедистовъ; потомъ позже они садились за классиковъ, еще позже за Ѳому Кем-

пійскаго (чѣмъ занимался и Сперанскій), потомъ силою направленій натуры такъ измѣнились, что ни Златоустъ, ни Ѳома ихъ уже не пользовали, энциклопедисты казались очень смѣлы, а классиковъ люди разучились читать; а схватиться за что-нибудь все-таки было необходимо. И вотъ скатившійся по склону новый сановникъ пробовалъ запастись волюмомъ Тацита во французскомъ переводѣ; но и это казалось тяжело представителю новаго „серьезнаго направленія“. Онъ выписывалъ изъ Тацита три, четыре фразы, которыя могъ примѣнить къ себѣ, и затѣмъ бросалъ книгу и предавался заботамъ о собственной реставраціи. Но время еще подвигалось и выдвигало и низвергало новыя величія: появились особы, которыя, очутясь не у дѣлъ, занимались спиритизмомъ, но не обыкновеннымъ, малодушнымъ спиритизмомъ, а особеннымъ, важнымъ, которымъ хотѣли оказать услу-

гу человѣчеству, доказавъ вращеніемъ столовъ безсмертіе человѣческаго духа. Прошелъ, однако, и сей родъ „искавшихъ знаменія“ и появился еще новый ассортиментъ людей, которые начинаютъ вѣрить въ Бога съ той минуты, какъ теряютъ вѣру въ себя. Тутъ появился Редстокъ и оправдалъ своимъ появленіемъ общее политико-экономическое положеніе, что какъ запросъ родитъ предложеніе, такъ и предложеніе вызываетъ запросъ. Слушать его—значило тоже за что-то схватиться и къ чему-то пристать. При томъ же онъ много не требуетъ, и для достиженія всего съ нимъ не надо ни ума, ни жертвъ, чего-же лучше? Успѣхъ Редстока въ русскомъ „свѣтѣ“ былъ подготовленъ и обезпеченъ духомъ времени, создавшимъ людей подходящаго ему типа.

Что ни время, то и птицы,
Что ни птицы, то и пѣсни.

IX.

Внѣ проповѣдныхъ бесѣдъ, въ простомъ общежитейскомъ обхожденіи съ друзьями, которыхъ Редстокъ имѣетъ не мало, онъ, говорятъ, веселъ, и даже будто-бы столь откровененъ, что охотно разсказываетъ о своихъ слабостяхъ, не скрывая никакихъ ошибокъ своей молодости. Впрочемъ, направленный на него памфлетъ представляетъ это нѣсколько иначе. Редстокъ также проситъ друзей замѣчать за нимъ все дурное, что можетъ вкрасться въ его поступки, и безъ стѣсненія указывать ему его пороки, — за что, какъ увѣряютъ его друзья, никогда будто не сердится.

Впрочемъ, ему, я думаю, и не за что сердиться, такъ какъ друзья его

люди очень воспитанные и осторожные и хорошо знаютъ, „что льзя и то, чего не можно“ говорить.

Наружность Редстока одна изъ неудачныхъ: онъ не только далеко не красивъ и не изященъ, но даже совсѣмъ не имѣетъ того, что называется „представительность“. Редстокъ средняго роста, коренастъ и мускулистъ; фигуру его можно удачно опредѣлить русской поговоркою „плохо скроенъ, да крѣпко сшитъ“. Онъ рыжеватъ съ довольно пріятными, кроткими, голубыми глазами: глаза его какъ будто напоминаютъ слегка глаза Юма, но въ нихъ нѣтъ той затаенности, которая мало-мальски наблюдательнаго человѣка поражаетъ, когда онъ смотритъ въ глаза знаменитаго медіума (нынче, впрочемъ, уже вышедшаго изъ моды и „захудавшаго“). Взглядъ Редстока чистъ, ясенъ и спокоенъ. Лицо его по преимуществу задумчиво, но иногда онъ бываетъ очень веселъ и шут-

ливъ и тогда смѣется и даже хохочетъ звонкимъ и безпечнымъ дѣтскимъ хохотомъ. Манеры его лишены всякой изысканности и даже можно сказать, что имъ въ довольно значительной степени недостаетъ благовоспитанности, такъ напр., онъ никогда или почти никогда не сидитъ, какъ всѣ люди, а безцеремонно выбираетъ мебель поспокойнѣе и еще безцеремоннѣе по ней валяется. Полагаютъ, что онъ эту неблагопристойную манеру усвоилъ себѣ уже здѣсь, въ Россіи, гдѣ его особенно избаловали нѣкоторыя его почитательницы. Такъ-ли это или не такъ, но во всякомъ случаѣ онѣ, пользуясь предоставляемымъ имъ правомъ замѣчать лорду его слабости и недостатки, могли-бы, конечно, оказать ему большую услугу, замѣтивъ, что это его кувырканье и валянье по диванамъ весьма неблагопристойно и на многихъ дурно дѣйствуетъ. Онъ и взаправду долженъ не обижаться тѣмъ,

что многіе невольно принимаютъ это за рисовку усталостію въ трудахъ проповѣди. Его искренній другъ непремѣнно долженъ ему замѣтить, что это не только не прилично, но и „къ славѣ Божіей“ не служитъ, такъ какъ въ Евангеліи есть, конечно, хорошо извѣстное Редстоку мѣсто о томъ, какъ долженъ держать себя человѣкъ благочестивый и богомольный. — Привѣтъ у него при встрѣчѣ съ знакомымъ заученый и всегда одинъ и тотъ-же: это: „какъ вы себя душевно чувствуете?“ — Затѣмъ второй вопросъ: „что новаго для славы имени Господня?“ Потомъ онъ тотчасъ-же вынимаетъ изъ кармана Библію, и раскрывъ то или другое мѣсто, начинаетъ читать и объяснять читаемое. Передъ уходомъ изъ дома, прежде чѣмъ проститься съ хозяевами, онъ становится при всѣхъ на колѣни и громко произноситъ молитву своего сочиненія, — часто тутъ-же импровизированную: потомъ онъ при-

глашаетъ кого-нибудь изъ присутствовавшихъ прочесть другую молитву и слушая ее молится. Его постоянныя почитательницы и слушательницы, разумѣется, читаютъ молитву по-англійски или по-французски, но если приглашеніе его относится къ кому-нибудь не молящемуся на этихъ языкахъ, то тотъ читаетъ молитву по-своему: лордъ тогда молится шепча про себя свою молитву и только въ концѣ гласно читаемой молитвы громко произноситъ: „Аминь". Молитвы при немъ стараются читать, или заученныя со словъ Редстока, или собственнаго сочиненія, „вылившіеся изъ души". Всѣ эти молитвы, впрочемъ, ничѣмъ особеннымъ не замѣчательны, а также не заключаютъ въ себѣ ничего еретическаго, какъ это нѣкоторымъ угодно представлять, Богъ ихъ вѣдаетъ ради какихъ соображеній. Это просто прошеніе о ниспосланіи мира, свѣта и любви въ миръ человѣческій. (Въ кон-

цѣ этой книги прилагается цѣлый сборничекъ такихъ излюбленныхъ великосвѣтскихъ молитвъ). Молитва всегда обращается къ Богу-Отцу, къ Троицѣ, или къ Іисусу Христу и никогда ни къ кому другому, такъ какъ призываніе Св. Дѣвы, апостоловъ и святыхъ, лордъ Редстокъ не признаетъ нужнымъ и позволительнымъ, держась текста „единаго имамы ходатая", Господа Іисуса Христа (взглядъ обще протестантскій). Въ молитвахъ, кромѣ прошеній слышится иногда восторженный лепетъ хвалы, всегда, конечно, далеко неравный глубокимъ созерцательнымъ восторгамъ иныхъ молитвъ извѣстныхъ церковныхъ сочинителей и пѣснопѣвцевъ, но всегда невинный и, пожалуй, даже трогательный. Это не спокойное возношеніе преданной и смирно любящей души, а это лепетъ страстнаго экстаза души влюбленной; но тѣмъ это и понятнѣе. Молитвы въ этомъ жанрѣ необыкновенно

нравятся редстокистамъ и кто будетъ столько грубъ и жестокъ, чтобы осуждать ихъ за это и ставить имъ въ вину, что они жарко молятся этими словами, а не болтаютъ безъ толку, холодно другія слова, порою вовсе непонятныя? А наши дамы положительно многихъ церковныхъ молитвъ и каноновъ не понимаютъ, чему, впрочемъ, нисколько нельзя и удивляться, потому что ихъ не понимаютъ даже мужчины и притомъ тѣ самые мужчины, которые учились церковно-славянскому языку и даже, можетъ быть, писали о его особенныхъ красотахъ. Красоты его при немъ и остаются тамъ, гдѣ онѣ есть, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ и знатоку трудно добраться смысла. Какъ ни красивъ Великій канонъ Андрея Критскаго, но всѣмъ-ли онъ былъ понятенъ во всѣхъ мѣстахъ, пока не появились переводы о. Богословскаго и Евгр. Ловягина? О другихъ извѣстныхъ своею непонятностію (въ родѣ пѣ-

сни „любити убо намъ яко безбѣдное страхомъ“ и т. п.) уже и говорить нечего. За что-же тутъ укорять дамъ, что онѣ не молятся этими совершенно имъ непонятными молитвами, и ищутъ себѣ другихъ, болѣе понятныхъ? Ихъ не учили читать по Часослову и Псалтырю; въ курсѣ ихъ школъ нѣтъ славянской грамматики, — чего-же будемъ съ нихъ спрашивать? Нынѣшнее-же изложеніе многихъ нашихъ молитвъ дѣйствительно трудно для пониманія, и нечего скрывать, что многіе, молясь этими молитвами, значительной доли словъ ихъ не понимаютъ. При томъ-же не всѣмъ одинаково по сердцу молитвы, печатаемыя въ сунодальномъ молитвословѣ. Это дѣло вкуса, темперамента и вообще индивидуальности. Не привередливыя дамы, а очень серьезные люди, напримѣръ, всѣмъ молитвамъ нынѣшняго Молитвословапредпочитаютъ старыя (XII в.) молитвы св. Кирила Туров-

скаго, а другіе переводятъ для себя молитвы Берсье (которыя и печатаются въ концѣ этой книги). Что-же тутъ за бѣда и на что это указываетъ? По моему, это всего болѣе указываетъ на необходимость пересмотрѣть и исправить нашъ православный молитвенникъ, который устарѣлъ и многимъ кажется невыражающимъ тѣхъ чувствъ, какія они желаютъ выразить въ молитвѣ. Это давно чувствуется и это достойно вниманія. Иначе нечего удивляться, что одни набожные люди еще такъ недавно платили по 5—6 р. за истрепанные виленскіе молитвословы съ молитвами св. Кирила, а другіе переводятъ для себя молитвы Берсье и другихъ иностранныхъ духовныхъ писателей новой школы. По правдѣ сказать, у насъ для этого очень давно ничего не дѣлается и если это дѣло еще долго останется такъ, какъ оно есть, то нельзя и предсказать: кто у насъ что зачитаетъ и на какой гласъ запоетъ?

Одно только ясно, что это во всякомъ случаѣ будетъ читка и пѣніе не по молитвослову, одобренному Сѵнодомъ. Впрочемъ, что было, то видѣли, и что будетъ, то кто-нибудь увидитъ; а мы возвращаемся къ нашему молящемуся лорду. Нѣкоторые изъ русскихъ, участвовавшіе въ собраніяхъ Редстока читали при немъ и наши принятыя церковью молитвы, но только молитвы, обращенныя къ единому Богу въ Троицѣ, какъ-то „Отче нашъ“, „Царю Небесный“ и „Пресвятая Троице“. Конечно, принемъ по-русски можно прочесть все, что вздумается, но у насъ этимъ никто не злоупотреблялъ, да и редстокистки очень наблюдаютъ, что бы не было какъ-нибудь призвано имя святаго или Дѣвы Маріи. Но въ Парижѣ съ этимъ разъ случился смѣшной казусъ. Мнѣ сказывали, что будто тамъ одинъ молодой католическій священникъ (не знаю, шутникъ онъ или не шутникъ), забравшись на бесѣду Редстока и буду-

чи приглашенъ имъ прочесть молитву, прочелъ на латинскомъ языкѣ молитву къ св. Цециліи. Всѣхъ это ужасно смутило, а лордъ всталъ съ колѣнъ и отряхнувъ носовымъ платкомъ пыль, спокойно спросилъ у одной изъ своихъ слушательницъ:

— Кто эта дама (cette dame), которую этотъ господинъ кличетъ?

У насъ его отъ такого казуса пока еще Богъ миловалъ. Наши редстокисты и редстокистки дѣйствительно иногда проступаются и во дни своихъ именинъ служатъ потаенно молебны тезоименитымъ святымъ, но только они дѣлаютъ это очень секретно и даже другъ другу объ этомъ не сказываютъ; а если какъ-нибудь попадутся, то не выдаютъ другъ друга.

Редстокъ испытывалъ наши молитвенныя призыванія святыхъ и Дѣвы Маріи прежде своего пріѣзда въ Россію, и когда ему перевели: „Господи, аще не быхомъ святыя твоя имѣли молитвенники, — како убо смѣли

быхомъ пѣти“ и проч. И „неумолчимъ Богородице силы твоя глаголати, — аще-бы не ты предстояла молящи, кто-бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ“; а также: „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды развѣ тебе Владычица“, то онъ, говорятъ, горько заплакалъ и сказалъ, что онъ „никогда не могъ вообразить, что христіанинъ можетъ это выговорить“.

Вообще съ святыми и съ Приснодѣвой онъ на молитвѣ не сходится, какъ каждый протестантъ. (См. Молотокъ на разбіеніе камня (Ст. Яворскаго полуустав. экзем. стр. 43).

X.

Въ потребностяхъ для себя Редстокъ удивительно умѣренъ: онъ ѣстъ очень мало и иногда цѣлые дни пробавляется чашкою чая съ хлѣбомъ. Вина онъ никакого не пьетъ, развѣ изрѣдка положитъ нѣсколько капель въ воду, и то когда чувствуетъ усталость. Одѣвается онъ чрезвычайно просто и даже нѣсколько странно. На немъ всегда что-то въ родѣ рейдкнехтскаго полуфрака, съ высокимъ жилетомъ подъ самое горло и черный галстухъ. Перчатокъ онъ не носитъ, а обувь его самая грубая съ низкими каблуками и самой толстой подошвой, которая стучитъ непріятно. Онъ почти никогда не ѣздитъ, а всегда ходитъ пѣшкомъ, что

ему, конечно, и гораздо удобнѣе, такъ какъ онъ любитъ „приставать“, — останавливать, говорить и дарить, какъ мы видѣли „билеты на вѣрный выигрышъ“. Этой привычкѣ своей Редстокъ не измѣнилъ и въ Россіи, гдѣ контингентъ его слушателей не принадлежитъ къ пѣшеходамъ. Впрочемъ, съ нимъ они отступали отъ своихъ привычекъ и онъ задавалъ добрый променадъ тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ была храбрость ему сопутствовать. Многимъ это, можетъ быть, принесло какую-нибудь пользу хоть въ отношеніи здоровья... Конечно, и это не худо: въ каретѣ здоровья не найдешь.

Въ Петербургѣ Редстокъ, разумѣется, былъ лишенъ возможности „приставать на улицахъ“, такъ какъ, выше сказано, что онъ еще себѣ до сихъ поръ не вымолилъ дара языковъ и привязчивость его могла быть не всегда вѣрно понятна и еще рѣже достойно оцѣнена; но за то онъ здѣсь

коробами покупалъ „Новый Завѣтъ“ сvнодальнаго изданія, всегда въ переплетахъ. Молча, но съ лаской во взорѣ, онъ совалъ въ руки встрѣчному человѣку книжечку „Новаго Завѣта“ и шелъ далѣе, чтобы сдѣлать такой же подарокъ другому. Этотъ его выборъ, его сообразительность, кому сунуть книжку, а кого обойдти мимо; этотъ его добрый взоръ влюбленнаго человѣка, желающаго взглядомъ передать свое завѣтное чувство, — его кивки, ужимки и доброе ворчанье вмѣсто словъ непонятныхъ чужому народу,—все это такъ симпатично и тепло, что нѣкто наблюдавшій Редстока за этимъ занятіемъ зимнимъ вечеромъ у пекарни Филиппова, на углу Невскаго и Троицкаго переулка, говорилъ мнѣ:

— Знаете, батюшка мой: пусть о немъ что хотятъ разсказываютъ, а какъ я на него посмотрѣлъ, какъ онъ это все капошится... ей, право чувствую, что онъ человѣкъ добрый.

Снѣгъ мокрый валитъ, люди спѣшатъ, бѣгутъ, его толкаютъ. Одинъ разносчикъ ему при мнѣ кажется и нарочно добраго стукача далъ, а онъ все какъ индюхъ на одномъ мѣстѣ топчется, да нѣтъ, нѣтъ снаровитъ и сунетъ кому-нибудь книжечку. Нѣтъ; ей, право мужикъ добрый, — зачѣмъ его ругаютъ.

И это далеко не единственный о немъ отзывъ.

— Язычка-то ему нашего только Господь не далъ, говорили мнѣ простые люди, видѣвшіе его въ ночлежномъ пріютѣ; а смотритъ добро, и книжки жертвуетъ и все видать говорить хочетъ.

— Ну, и что же?

— Ничего, скажи ты, не выходитъ: губами шлепаетъ, а языка нѣтъ.

Впрочемъ и безъ языка онъ всѣмъ нравился.

Бездонные карманы длиннополой бекеши Редстока здѣсь всегда передъ выходомъ его наполнялись этими кни-

жечками, и когда лордъ возвращался, карманы его были уже пусты. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ еще купилъ два короба книгъ „Новаго Завѣта“ и поручилъ ихъ генералъ-адъютанту С. Е. К—ву и графинѣ В. для даровой раздачи простымъ людямъ. Опять нельзя за это его не похвалить, и людямъ хорошую книгу подарилъ и синодальной типографіи доходъ далъ.

XI.

Объ образованіи лорда Редстока выше было сказано, что онъ окончилъ университетскій курсъ, но дѣлалъ ли онъ кромѣ этого что нибудь болѣе для своего образованія, мнѣ это неизвѣстно, да и объ этомъ какъ-то никто не упоминаетъ. Самъ онъ говоритъ, что все его образованіе есть Библія, но едва ли его можно считать знатокомъ Библіи, хотя онъ и много лѣтъ съ нею возится. Что же касается тѣхъ драгоцѣнныхъ археологическихъ изысканій и филологическихъ и эгзегетическихъ изслѣдованій, которыми обогатилась въ послѣднее время библейская наука, то Редстокъ не обнаруживаетъ никакого съ этимъ знакомства. Онъ даже совсѣмъ игно-

рируетъ ученую библейскую критику гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ покойный митрополитъ кіевскій Филаретъ Амфитеатровъ, который объ извѣстномъ „обозрѣніи псалмовъ Павскаго (печ. въ п. б. 1814 г. при св. Сѵнодѣ) только рукою махалъ и говорилъ:

— „Слышать не хочу: все это Давидъ написалъ.“

Добрый старецъ такъ и скончался, считая герменевтическій и филологическій опытъ Герасима Павскаго верхомъ дерзости. Къ счастію для него вѣкъ его былъ вѣкомъ безмолвія, и дерзости въ родѣ опыта Павскаго его смущали не часто, но теперь времена другія, а Редстокъ не въ томъ положеніи, чтобы ему что нибудь мѣшало слѣдить за библейской литературой, но вѣроятно онъ держится правила, что „здравъ умъ наученія не требуетъ“.

Знатоку писанія съ Редстокомъ говорить рѣшительно не о чемъ; тѣ, ко-

торые пробовали это, знають, что не стоить за это браться: Редстокъ библистъ pour les dames и съ ними ему удобно. — Ни въ литературѣ, ни въ наукѣ Редстокъ не проявилъ себя ни чѣмъ замѣчательнымъ; душевныя его свойства мы уже болѣе или менѣе знаемъ, а объ умѣ его у насъ совсѣмъ не принято говорить. Одно достовѣрно, что умнымъ человѣкомъ лорда Редстока никто ни считаетъ, и сами его почитательницы противъ этого не возражаютъ, но говорятъ только, что онъ „превыше ума". Послѣ этого, разумѣется, несовершенной человѣческой критикѣ уже и мѣста быть не можетъ; но въ Англіи на счетъ умственныхъ способностей лорда Редстока высказывались гораздо рѣшительнѣе и при томъ довольно разнообразно. Сами его родные считаютъ его односторонне помѣшаннымъ и это мнѣніе, раздѣляемое весьма многими, прокрадывалось и въ печать, которая въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи

весьма осторожна. Но говорятъ, что родные къ лорду Редстоку несправедливы, чему очень возможно вѣрить, такъ какъ „враги человѣку домашніе его“, а органы печати, распространявшіе такое мнѣніе о Редстокѣ въ Англіи, принадлежатъ „дурному направленію“, т. е. это—органы, которымъ не по вкусу христіанская проповѣдь лорда.

Статься можетъ, что все это правда и что Редстокъ былъ напрасно названъ въ Англіи помѣшаннымъ, какъ у насъ онъ потомъ былъ напрасно оклеветанъ въ раздаяніи сакраментовъ, чего онъ по всеобщему удостовѣренію людей, которые не отступали отъ него во все время пребыванія въ Россіи, ни когда не дѣлалъ *). Но вообще во всемъ, что приходится

*) Этотъ слухъ былъ пущенъ о Редстокѣ тѣмъ самымъ изданіемъ, которое требовало высылки лорда изъ Россіи. „Свѣтъ“ былъ очень оскорбленъ этимъ и заготовлялъ протестъ противъ этого обвиненія. Я читалъ этотъ протестъ: онъ былъ очень кратокъ

слышать о Редстокѣ, никогда не встрѣчается ничего такого, чтобы говорило въ пользу присутствія въ немъ большаго ума. Напротивъ многое обличаетъ въ немъ неясность и нелогичность мысли и путанницу понятій (что и будетъ ниже показано), а порою онъ представляется даже какъ бы и въ самомъ дѣлѣ немножко скорбнымъ головою. Къ обстоятельствамъ послѣдняго рода относятъ напр. его печатное заявленіе въ одной французской газетѣ, что онъ надѣется, что „Императоръ Россіи запоетъ съ нимъ новую пѣсть Агнцу“. Но, мнѣ кажется, едва ли въ этой эксцентрической выходкѣ можно видѣть неоспоримое доказательство его помѣшанности и особенно напирать на это, какъ на неслыханную и будто-бы „для всей страны оскорбительную дерзость“.

и скроменъ, но когда дошло дѣло до подписи, всѣ одинъ за другимъ отказались его подписать, — что и утвердило другихъ во мнѣніи, будто Р. дѣйствительно раздавалъ Причастіе. Н. Л.

Нельзя не принимать въ разсчетъ очень большую односторонность Редстока, не выходя изъ которой ему стало уже трудно теперь соображать нѣкоторыя тонкія вещи. Не смотря на то, что онъ живетъ въ мірѣ, онъ многое позабылъ, и все касающееся политики и иныхъ болѣе или менѣе сложныхъ отношеній, это отъ него такъ же далеко, какъ отъ какого нибуть ѳиваидскаго отшельника, давно удалившагося отъ міра и позабывшаго вся яже въ мірѣ. Добрая русская простота приласкала его и приголубила, — онъ и зафантазировался, и унесся мечтою до упомянутой выходки... Но и тутъ я долженъ сказать, что мнѣ очень хорошо объ этомъ извѣстно: Редстокъ выдумалъ это съ бухты-барахты, а было неосторожное лицо изъ его великосвѣтскихъ поклонницъ, которое взманило его надеждою проповѣдывать передъ Государемъ, къчему и были сдѣланы нѣкоторыя попытки, конечно неудавшіяся, — чего разу-

мѣется и надо было ожидать. Но виноватъ ли въ этомъ мало понимающій дѣло иностранецъ Редстокъ, или вина въ этомъ гораздо больше должна пасть на тѣхъ русскихъ, которые подавали ему эту несбыточную надежду? Ихъ это „Господь предалъ въ неискусенъ умъ“, а они вскружили голову своему Редстоку, который по ихъ милости и выскочилъ шутомъ на всю Европу.

XII.

Представлять эту наивную выходку какъ „возмутительную дерзость и оскорбленіе страны“ еще менѣе справедливо. Никакой тутъ не было мысли сдѣлать дерзость и во всей странѣ этою наивною выходкою утописта никто не подумалъ оскорбляться. Исключеніе составлялъ только одинъ журналистъ, пожелавшій при этомъ случаѣ уподобиться Критію, который по словамъ Сократа „получивъ свиной свербежъ захотѣлъ почесаться объ Евѳедема, какъ поросенокъ о камень“. (Ксенофонтъ, „О достоп. дѣлахъ“ кн. I гл. 2). Сомнѣніе невозможно, что и тутъ дѣло шло только о томъ, чтобы было о кого почесаться.

Выходкѣ этой существуетъ впро-

чемъ еще одно сколько смѣшное, столько же и характеристичное объясненіе, показывающее до чего Редстокъ попуталъ своихъ дамъ на текстахъ.

Извѣстно, что по 14 гл. Апокалипсиса „новую пѣснь Агнцу будутъ пѣть дѣвственники, которые „не осквернились съ женами“ (гл. 14 ст. 4), о Редстокѣ же извѣстный памфлетный романъ сообщилъ нѣчто такое, что компрометировало бы его по чистотѣ отношеній его къ женщинамъ. Вотъ будто лордъ и пожелалъ такъ издали и тонко показать, что намеки памфлета, или лучше сказать пасквиля, его не касаются и что онъ чувствуетъ себя въ такомъ положеніи, въ которомъ можетъ сливать свой голосъ съ сорока четырьмя тысячами голосовъ, достойныхъ пѣть „новую пѣсть Агнцу“.

Впрочемъ все это такъ какъ-то перетонено, что можетъ оборваться подъ самою слабою рученкою любаго изъ

самыхъ маленькихъ дѣтей Редстока. Но за всѣмъ тѣмъ лорду Редстоку никакъ нельзя отказать въ умѣньи выбирать людей нужныхъ для его цѣлей и въ большомъ тактѣ, съ которымъ онъ овладѣваетъ ими и заставляетъ ихъ пѣть и плясать по своей дудкѣ. Этого нельзя сдѣлать безъ ума. Если и правда, что это все изшатавшіяся головы, которымъ все надоѣло, все прискучило, и онѣ „метнулись къ религіи отъ тяжкой скуки настоящаго времени“, то вѣдь скука намъ не первоновинка: всегда въ Россіи, по выраженію поэта, была „жизнь мелка и только скука глубока“, однако почему же тутъ религія понравилась непремѣнно въ формѣ вѣроученія Редстока? Положимъ, что скука послѣднихъ лѣтъ была даже какая-то особенная— давящая и нудящая душу даже до отвращенія къ жизни. Не станемъ объ этомъ спорить, потому что это такъ и было, и еслибы не живое возбужденіе лучшихъ человѣческихъ чувствъ

участіемъ къ судьбѣ единовѣрныхъ намъ славянъ на востокѣ, то трудно даже представить, до чего бы мы доспѣли съ овладѣвшею цѣлымъ обществомъ истомою, но все-таки вѣдь этотъ лордъ, съ его суконнымъ языкомъ, ухватками ярмарочнаго коробейника и сапожищами, которыми онъ стучитъ, какъ лошакъ копытами, право не самая лучшая забава и лекарство отъ скуки. Напротивъ, этотъ „вѣстникъ, посланный къ людямъ, имѣющимъ высокій ростъ и лоснистую кожу“ (Исаія 18, 2) можетъ только усилить всякую скуку. Это не блестящій отецъ Гіацинтъ, не вкрадчивый и ловкій Панелли, а это, какъ я сказалъ, очень тяжелый и неуклюжій человѣкъ, который ни мало не льститъ ни нравамъ, ни привычкамъ того общества, гдѣ онъ преуспѣваетъ, какъ проповѣдникъ. Но не уменъ ли лордъ Редстокъ на столько, что онъ понялъ, какъ идея аристократизма изжилась въ самомъ гнѣздѣ его, въ аристокра-

тической Англіи; что и тамъ она, сама въ себя извѣрилась, а въ другихъ мѣстахъ, даже опошлилась, и употребляя слова покойнаго графа Ал. Толстаго, „испилась, проврралась, вся изворовалась“? Не пошелъ ли этотъ вѣстникъ къ „людямъ высокаго роста съ лоснящеюся кожею“ не для того, чтобы ихъ призвать къ учительству (какъ они это думаютъ), а для того, чтобы спасти ихъ отъ тьмы кромѣшной, путемъ общенія съ здравою народною почвою? Время этому благопріятствуетъ: „верхи демократизируются“, говоригъ одинъ нашъ очень умный писатель, Ѳ. М. Достоевскій и онъ говоритъ правильно: нельзя не видѣть, какъ они „демократизуются“ не въ силу книжныхъ теорій, а силою вещей, которая вытекла естественно изъ всего длиннаго ряда предшествовавшихъ историческихъ событій и должна дойдти до своихъ историческихъ цѣлей. Если есть какое-нибудь основаніе пола-

гать, что добрый человѣкъ Редстокъ это понялъ, то какъ не признать за нимъ ума, иначе же придется допустить, что онъ въ своемъ родѣ трость скорописца и ослица Валаамова, черезъ которую помимо ея воли и способностей дѣйствуетъ воля высшая ума человѣческаго. Есть нѣчто дивное въ томъ, что успѣваетъ дѣлать Редстокъ съ тѣми во всѣхъ отношеніяхъ скудными средствами, съ какими кажется ничего бы нельзя сдѣлать, а тѣмъ болѣе повліять на холодныя, себялюбивыя натуры людей съ лоснящейся кожею и гнать ихъ въ норы и трущобы, гдѣ страдаетъ и гибнетъ злополучная нищета. Каковъ бы онъ ни былъ, но никакой другой проповѣдникъ ничего бы подобнаго съ этими людьми не сдѣлалъ. Уменъ ли онъ или не уменъ, но онъ одинъ съумѣлъ какъ-то поднять эту давно невоздѣлываемую лядину и въ едва всковырянные холодные пласты ея бросилъ во всякомъ случаѣ

не злое сѣмя. Правда, что видѣли мы на ней гораздо лучшихъ пахарей, которые имѣли при себѣ и гораздо чище отвѣянное сѣмя, и они пробовали пахать и сѣять, но у нихъ ничего не вышло; а у него выходитъ. Отчего это? я не буду этого розыскивать,—пусть это рѣшаютъ другіе, но желаю сказать вотъ что. Мнѣ кажется, что органъ, требовавшій высылки Редстока, не свободно соображалъ значеніе пользы и вреда, которые можетъ причинять этотъ человѣкъ, и всего напраснѣе напиралъ на его „непризванность“. Это очень старо и болѣе не дѣйствуетъ на умы. Журналистъ, если бы былъ начитаннѣе, могъ бы привести сюда и извѣстное выраженіе Григорія Богослова („Почто твориши себя пастыремъ, будучи овцою“), и 64 правило 6-го Вселенскаго собора („не подобаетъ міряшину брать на себя учительское достояніе“); но и это не подѣйствуетъ: что дѣлать, когда отступленіе въ на-

ши времена съ силою нудится во всѣ христіанскія исповѣданія“ (Юнгъ Штиллингъ. Побѣдная повѣсть, 1815 года, стр. 380)? Не къ этимъ вещамъ теперь время придираться, когда и иные богословы и тамбовскіе и кіевскіе мужики научились отвѣчать на это, что „и Христосъ де не носилъ бѣлаго эфуда левитовъ“. Недавно генералъ-суперъ-интендентъ Бюксель въ Берлинѣ разослалъ подчиненному ему духовенству пастырское посланіе, въ которомъ пишетъ: „Мы не должны отъ себя скрывать, что упадокъ церковной жизни необыкновенно великъ. Онъ не вызванъ, а только обнаруженъ новѣйшими церковными законами. Многіе церкви и алтари посѣщаются лишь немногими и большинство народонаселенія заботится исключительно о временномъ и земномъ. Молитва въ домахъ замолкла. Слово Божіе не читается и еще менѣе исполняется. Число некрещенныхъ дѣтей и невѣнчанныхъ браковъ

до ужаса велико. Преступленія и безнравственность увеличиваются все болѣе и болѣе, благочестіе и уваженіе къ божественному и человѣческому порядку сокрушаются и суды Божіи не принимаются въ соображеніе и не понимаются... Теперь вопросъ не о богословскихъ разномысліяхъ, а о томъ: есть ли Богъ, есть ли у человѣка безсмертная душа и предстоитъ ли вѣчный судъ". Главное дѣло, что „вѣра христіанская дѣйствуетъ слишкомъ мало для добра, какъ откровенно призналъ Эрн. Навиль, это вина и стыдъ тѣхъ, которые ее исповѣдуютъ" (Вопросъ о Злѣ 261). Но въ винѣ этого рода православно-вѣрующій константинопольскій патріархъ Іоакимъ, собиравшій деньги въ пользу утѣснителей христіанства, не виновнѣе ли еретичествующаго Редстока? А между тѣмъ, вѣдь патріархъ Іоакимъ уже непремѣнно призванъ, а Редскокъ не призванъ... Пора бы, кажется, оставить этотъ старый прі-

емъ затыкать ротъ человѣку тѣмъ, что „вы-де непризваны“. Кому это открыто, кто къ чему призванъ?

Пасквилянтъ, съ яростію нападавшій за это на Редстока, игралъ въ руку тѣмъ православистамъ, которые говорили и писали о „непризванности“ Хомякова—„отставнаго офицера“... А пасквилянту-бы почитать „Житія св. воиновъ“, которые тоже въ „фіолеты“ не одѣвались... Ему-бы прочесть хоть одно письмо бл. Іеронима къ Екзуперанцію (115-е), который „подъ военнымъ плащемъ и наружностію дѣлалъ дѣло пророческое“ („Твор. бл. Іерон.“ т. III, 174). Да вообще, ему-бы лучше побольше читать и поменьше писать, чтобы не било всѣмъ въ глаза скандалезное невѣжество жалкаго ханжи, принявшаго на себя дѣло защиты православія.

Отъ такихъ защитниковъ вредъ, а не польза.

За симъ будемъ говорить о изумительной скудости средствъ лорда Редстока, дѣлающей необъяснимымъ успѣхъ его нроповѣди.

XIII.

Если „можно любить всѣ роды литературы, кромѣ скучнаго“, то то же самое можетъ быть сказано и о проповѣди: можно съ удовольствіемъ слушать живую католическую проповѣдь о. Гіацинта, серьозную, но обстоятельную рѣчь пастора Мазинга, проблематическія паренія паст. Дальтона, задушевное и простодушное слово И. Палисадова, но слушать съ какимъ бы то ни было удовольствіемъ лорда Редстока нельзя, такъ какъ онъ лишенъ всякаго дарованія и малосвѣдущъ въ Писаніи. Напротивъ, у него есть все, чтобы быть самымъ неувлекательнымъ проповѣдникомъ: копотливость и мѣшкатность, подрывающія довѣріе къ тому,

знаетъ ли онъ, что хочетъ сказать, и при этомъ полнѣйшее отсутствіе дара слова и самая непріятная дикція (особенно, когда онъ говоритъ по-французски). Онъ никогда не приготовляетъ своей рѣчи и она, должно признаться, отъ этого ничего не выигрываетъ: сначала онъ минутъ пять тихо молится, потомъ минуты три перелистываетъ Библію и потомъ нѣтъ-то-нѣтъ заговоритъ. По словамъ самыхъ пламенныхъ поклонницъ лорда „бесѣда его въ началѣ всегда вяла и утомительна“. Имъ однако кажется, что „чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ сильнѣе затрогиваетъ души, облегчая каждому путь ко спасенію вѣрою во Христа, и живо представляя ту безвыходную скорбь, которая ожидаетъ всѣхъ, не избравшихъ узкій путь“. Я ставлю эти слова во вносныхъ знакахъ, потому что беру ихъ изъ письма одной дамы, которая такъ мнѣ описывала Редстока. „Онъ, продолжаетъ та же дама, никогда не

стращаетъ мученіями въ адѣ; но объясняя безмѣрную къ намъ любовь Бога, на которую люди отвѣчаютъ равнодушіемъ и жестокостью сердца, онъ заставляетъ всякаго внутренно сознаваться, какая въ насъ низкая неблагодарность — и тѣмъ шевелитъ благороднѣйшія чувства въ сердцахъ слушателей". Передаю эти слова въ подлинникѣ, чтобы люди, лучше меня понимающіе дѣло, сами судили, что нравится въ проповѣди Редстока. Я твердо увѣренъ, что среди нашего духовенства непремѣнно найдется не мало благоразумныхъ и благородныхъ людей, которые поймутъ необходимость уяснить это и употребить въ пользу тѣхъ, которые, подобно двумъ первымъ ученикамъ Спасителя, тронулись съ мѣста и побрели за Нимъ на домъ. Онъ обратился къ нимъ и спросилъ: „что вамъ надобно?" (Іоан. 1, 38). Самый простой вопросъ, которому надо подражать: надо узнать: что имъ надобно, и

сдѣлать для нихъ то, что можно. Послѣ бесѣды, образецъ которой будетъ представленъ ниже, Редстокъ обыкновенно встаетъ съ своего мѣста и предлагаетъ кому угодно уѣхать, а кто хочетъ остаться, тѣмъ предлагаетъ еще продолжать бесѣду. Это вторая интимная часть бесѣды съ „вѣрными“ опять начинается съ того, что лордъ проситъ ихъ сперва углубиться въ тихой молитвѣ и какъ сказано въ цитуемомъ мною письмѣ, „тутъ онъ еще съ большею силой убѣждаетъ взглянуть душой на Распятаго, постичь эту любовь, и принимая Его въ сердце, откинуть всякую свѣтскую суету, и жить для славы Его, какъ настоящія Его искупленныя чада“. Эта своего рода эсотерическая часть понятна мнѣ не болѣе чѣмъ всякому, который прочелъ приведенныя мною слова; но меня увѣряли, что эсотерическая часть ни чѣмъ существеннымъ не разнится отъ первой, экзотерической и просто

составляетъ ея продолженіе. Проповѣдь дѣлится на двѣ части, потому что лорду хочется много говорить, а у нѣкоторыхъ его слушателей нѣтъ мочи его долго слушать. Такимъ образомъ эту вторую часть напрасно считать особенною эсотерической бесѣдою, а это просто продолженіе или „бесѣда терпѣливыхъ“. Наши русскіе мало стѣсняются и рѣдко остаются дослушивать лорда. Тотчасъ по маломъ отпустѣ они спѣшатъ вонъ и только-что выйдутъ за двери, какъ начинаютъ заниматься очистительною критикою о проповѣдникѣ. Лордъ это сноситъ терпѣливо. Знающіе люди увѣряютъ, что будто въ Англіи это совсѣмъ не такъ: тамъ будто бы вторая часть бесѣды особенно почитаема. Вотъ какъ описываютъ мнѣ эту вторую часть въ Англіи: „пока всѣ наклонены въ молитвѣ, лордъ обращается къ публикѣ и проситъ всѣхъ познавшихъ Христа громко молиться. Самъ же онъ переходитъ

отъ одного молящагося къ другому и тихо спрашиваетъ; „желаете ли отдаться Христу?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, молится съ этимъ человѣкомъ и прочитываетъ ему тексты изъ Библіи, потомъ онъ отправляется къ другому. Въ то же время, познавшіе Христа, т. е. давно обращенные христіапе (?!), подходятъ съ своей стороны къ разнымъ лицамъ (вѣроятно пребывающимъ еще въ какой-нибудь церковной ереси) и убѣждаютъ ихъ принять Христа въ сердце и идти къ Нему. (Какъ тѣ, бѣдные, въ этомъ что-нибудь понимаютъ!) Часто случается, что вдругъ чья-нибудь растроганная душа станетъ громко читать молитву, благословляя Господа за дарованный духовный свѣтъ“. Этотъ нервическій экстазъ, понятно, принимается со всеобщимъ восторгомъ. Затѣмъ эзотирическая бесѣда прекращается напоминаніемъ, что всѣ христіане обязаны нравственно поддерживать другъ

друга, посѣщать немощныхъ и собираться въ извѣстные дни на общественную молитву и чтенія Слова Божія, „дабы не оскудѣла вѣра“.

Это послѣднее, конечно, очень понятно, и очень хорошо, но все прочее именно „превыше ума“.

XIV.

Во время бесѣды лордъ Редстокъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ театральнымъ пріемамъ протестантскихъ проповѣдниковъ, а говоритъ натурально, просто и скучно. Онъ также очень дурно держитъ себя во время бесѣды. Если онъ говоритъ съ каѳедры, то наваливается на бортъ ея всѣмъ своимъ туловищемъ, что выходитъ весьма не красиво; но если не валяться, то хоть приваливаться составляетъ для него потребность. О краснорѣчіи его говорить нечего, потому что его нѣтъ, и почитатели его объ этомъ не спорятъ, но они находятъ, что отъ этого дѣло даже будто-бы больше выигрываетъ. Что касается до техники бесѣдъ, то почи-

татели Редстока ставятъ ему въ нѣкоторую укоризну одно, что онъ нерѣдко вводитъ въ проповѣдь весьма незанимательные анекдоты и мало идущія къ дѣлу сравненія.

Конечно, отъ этого не свободенъ былъ и Стефанъ Яворскій; а у извѣстнаго польскаго проповѣдника, іезуита Млодзяновскаго, его „утки и прибаутки" даже составляли силу его замѣчательныхъ проповѣдей, за которыми „слухачи" и плакали и смѣялись, но никогда ихъ не забывали; только у Редстока все это не интересно и вяло, какъ онъ самъ.

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ ввести для редстокистовъ маленькій анекдотъ о веселомъ проповѣдникѣ, котораго я самъ видѣлъ и который утѣшалъ безъ сравненія утѣшительнѣе Редстока. Мой проповѣдникъ былъ мужикъ, раскольникъ, Иванъ Иванычъ Андросовъ. Скрываясь отъ правительства, онъ жилъ на пчельнѣ,—ломалъ медъ и читалъ „книги

кожаны", а въ воскресенье по вечерамъ сходились къ нему люди—кто съ какимъ горемъ, и онъ ихъ утѣшалъ и проповѣдывалъ, отпуская всѣ грѣхи. Вотъ приходитъ къ нему разъ одна дама и говоритъ:

— Иванъ Ивановичъ, я много Бога оскорбляла.

— Ну такъ что за важность, только впередъ не оскорбляй.

— Да я, Иванъ Ивановичъ, Его и порицала и когда у меня сынъ Саша умеръ, такъ даже Его бранила.

— Ну что за бѣда,—только не брани.

— Да, но проститъ-ли мнѣ это Богъ?

— Разумѣется, проститъ, ступай съ Богомъ, уже прощена.

— Нѣтъ, ты мнѣ это Писаніемъ докажи.

— Эхъ дура, воскликнулъ ласково Иванъ Ивановичъ,—да на что тебѣ, бабѣ, Писаніе? Или ты не знаешь, что Христосъ ученикамъ не книгу

разогнулъ, а умъ раскрылъ? Ну дай и я тебѣ попробую твой умъ раскрыть безъ Писанія. Видишь вонъ на колодѣ у яблони солдатъ Афонька сидитъ?

— Вижу, батюшка Иванъ Ивановичъ, вижу.

— А видишь, какъ его мальчонка-сынишка за букенбурды трепетъ?

— Вижу.

— Что-же Аѳонька на него не сердится?

— Нѣтъ, смѣется.

— Отчего-же онъ смѣется, а не бьетъ его?

— Любитъ, видно, и самъ позволяетъ баловаться.

— Ну вотъ и безъ Писанія значитъ поняла. Онъ, батюшка, возлюбилъ тебя и позволилъ тебѣ по глупости твоей баловаться, а кабы Онъ тебя не любилъ и этого не позволилъ, такъ развѣ-бы ты дура посмѣла?

— Ахъ, Иванъ Иванычъ!

— Что, матушка?

— Успокоилъ ты меня, какъ гору съ плечъ снялъ.

— Ну и ступай теперь спокойно къ себѣ на насѣсть, да смотри сиди смирно и не пакости.

Дама ушла пресчастливая-счастливая и много разъ потомъ меня благодарила, что ее свели черезъ нѣкоторыя протекціи къ этому проповѣднику.

— Всю жизнь, говоритъ, теперь счастливо провожу, потому что если и проступлюся, наглуплю, сейчасъ вспомню, что Онъ меня любитъ и прощаетъ.

Этотъ Иванъ Ивановичъ и солдатъ Аѳонька съ сыномъ, при искусномъ умѣ Андросова, пользовали ее лучше, чѣмъ вся редстоковская возня съ Библіей и горы текстовъ.

Но вѣдь Иванъ Ивановичъ, разумѣется, былъ самородный мудрецъ и „съ природой одною онъ жизнью дышалъ“, а лордъ Редстокъ толкователь. Надо-же ему толковать!

Далѣе я опять пользуюсь моимъ правомъ выписывать кажущіяся мнѣ интересныя мѣста изъ письма моей знакомой: „не удивляйтесь, пишетъ она, что привлекаетъ слушателей къ лорду Редстоку. (А я все-таки этому удивляюсь). Если вы вникните въ положеніе дѣлъ, то все это поймете. Въ англиканской церкви, какъ и у васъ въ православной, есть нѣчто въ родѣ литургіи,—установленный порядокъ молитвъ и богослуженія, обязательная проповѣдь (авторъ письма полагаетъ, что у насъ есть такая проповѣдь: я привожу все это мѣсто безъ поправокъ). По однимъ воскреснымъ днямъ, все это совершается три раза въ день, съ небольшими измѣненіями; въ будни-же служатъ безъ проповѣди. Въ той церкви какъ и въ православной, священнослужитель, исполнивъ должное, высказавъ свои проповѣди, надъ которыми ломалъ себѣ голову цѣлую недѣлю, вполнѣ доволенъ собой, и не забо-

тится, какое все это имѣло вліяніе на души публики. Слушатели чувствуютъ въ немъ учителя холоднаго, строгаго, съ постоянной угрозой гнѣва Божія и вѣчнаго ада. Имъ наскучили и литургія и тѣ-же молитвы; но они это исполняютъ изъ страха, по привычкѣ, ради общаго мнѣнія. Конечно, пасторъ обязанъ навѣщать тяжело-больныхъ и умирающихъ, но нѣтъ между ними ничего общаго — нѣтъ любви и участія. Онъ чиновникъ, получающій жалованье, и потому за деньги исполняетъ свой долгъ. Тогда какъ проповѣдники свободные, въ родѣ лорда Редстока (ихъ тамъ очень много и всякаго званія), не только получаютъ возмездія, но встрѣчаютъ безпрестанныя оскорбленія, и ничто это ихъ не останавливаетъ. Они заботятся о каждомъ (вѣроятно, своемъ), посѣщаютъ, убѣждаютъ, молятся съ ними, не ожидая призыва, заботятся лично о состояніи ихъ душевномъ, словомъ, они

себя не жалѣютъ и совершенно къ ихъ услугамъ. Вотъ что привлекаетъ къ нимъ, самые равнодушные къ вѣрѣ тронуты этимъ самоотверженіемъ, и говорятъ: „должно быть въ нихъ истинная вѣра, что они такъ дѣйствуютъ, какъ никто изъ духовенства“. Кто менѣе всего, рѣже всего, посѣщаютъ эти бесѣды, это католики. Аббаты не дремлютъ, они постоянно слѣдятъ за паствой, всякаго прихожанина знаютъ въ лицо, призываютъ къ частой исповѣди, налагаютъ эпитемьи, словомъ — пасутъ ихъ кнутомъ, не заботясь, по сердцу ли имъ это или нѣтъ“.

„Лордъ Редстокъ не врагъ церквей, онъ находитъ, что во всѣхъ установленныхъ церквахъ есть свои хорошія и свои слабыя стороны. По его мнѣнію болѣе или менѣе вездѣ главное зло: равнодушіе духовенства къ паствѣ, и къ утвержденію въ душахъ вѣры для славы Божіей и спасенія людей. Въ церквахъ формализмъ пре-

обладаетъ надъ сущностью вѣры до того, что совсѣмъ убиваетъ духъ. Слово Божіе тамъ если и слышится, то оно звучитъ какъ въ пустынѣ. Редстокъ самъ ходитъ въ Low-church (низкая церковь), гдѣ нѣтъ формъ и украшеній, но онъ причащается св. Таинъ во всѣхъ церквахъ, гдѣ это исполняется какъ воспоминаніе крестной смерти І. Христа, словомъ, вездѣ, кромѣ церквей католическихъ и вашихъ православныхъ“. Самъ онъ, какъ всѣ увѣряютъ, никогда никого не причащалъ и это взведено на него въ одной изъ петербургскихъ газетъ совершенно напрасно, по излишнему усердію, а не опровергнуто до сихъ поръ, какъ я выше сказалъ, по мелкодушію и смѣшной трусости его поклонниковъ.

О римско-католической церкви л. Редстокъ говоритъ съ большимъ сожалѣніемъ и скорбію. По его словамъ: „церковь, запрещающая чтенія Слова Божія, не есть церковь Христо-

ва. Не удивительно, что столько ложныхъ догматовъ и ученій истекаютъ изъ Рима и приняты людьми, отъ которыхъ скрываютъ единый источникъ истины. Все ихъ повиновеніе законамъ церкви происходитъ отъ страха анаѳемы и мученій ада, но любви къ Богу ихъ не научаютъ и любви Его они не познали".

Лордъ Редстокъ считаетъ себя въ мірѣ, или лучше сказать, въ ладу не только со всѣми церквами, но даже и со всѣми сектами, гдѣ „признаютъ одного Христа", какъ Спасителя и „Единаго ходатая" за міръ человѣческій. Конечно это не касается сектъ изувѣрскихъ, подобныхъ нашей скопческой, о которой онъ едва ли даже имѣетъ понятіе, это касается болѣе сектъ англійскихъ, которыя при относительно неважныхъ разницахъ держатся одинаковыхъ убѣжденій на счетъ спасенія души вѣрой въ І. Христа. Это для него самое важное; затѣмъ всѣ тѣ, которые получаютъ кре-

щеніе только по достиженіи совершеннолѣтія, какъ баптисты, и тѣ которые не имѣютъ совсѣмъ пасторовъ, какъ плимутскіе братья,—и всѣ другіе: индепенденты, нонконформиты, которые не принимаютъ всѣхъ articles англиканской церкви, а только нѣкоторые, всѣ они равны для Редстока, поколику всѣ они одинаково вѣруютъ въ спасеніе вѣрою. Лордъ Редстокъ по приглашенію, а иногда по собственному усердію, говоритъ въ собраніяхъ всѣхъ этихъ сектантовъ; но болѣе всѣхъ онъ сочувствуетъ плимутскимъ братьямъ, у которыхъ нѣтъ пасторовъ, а есть только избранные, способные къ дѣлу проповѣди, и діаконы для раздачи хлѣба и чаши, которою совершается причастіе „въ воспоминаніе Господа Іисуса“. Квакерамъ онъ не сочувствуетъ, хотя иногда говоритъ и у нихъ. По его мнѣнію у квакеровъ „мало духовной жизни, и много времени теряется въ ожиданіи возбужденія духовнаго чув-

ства къ молитвѣ и къ поученію". Лордъ Редстокъ, какъ не разъ сказано, словоохотливъ и всегда готовъ проповѣдывать, а потому для него возбужденіе не нужно. Также онъ не сочувствуетъ ирвингіанамъ, хотя держится одного съ ними мнѣнія на счетъ втораго пришествія Іисуса Христа, котораго онъ ожидаетъ ежесекундно. Апокалипсисъ онъ толкуетъ, сколько я могу судить, заимствуя нѣчто у Ламотъ Гіонъ, а нѣчто у Юнга Штиллинга, и подбавляя къ этому нѣчто такое, источниковъ чего указать невозможно. Вѣроятно это—доморощенное. У ирвингіанъ лордъ Редстокъ находитъ въ ихъ богослуженіи много формальностей, а въ ихъ молитвенныхъ храминахъ лишнія символическіе приборы и облаченія, что по его мнѣнію всегда вредно дѣйствуетъ на умъ и чувства, мѣшая имъ сосредоточиться на одной мысли и обрѣсти всю полноту и совершенство въ устремленіи своего духа къ Отцу ду-

ховъ, „ему же достоитъ кланяться въ духѣ и истинѣ“. Словомъ, въ этомъ отношеніи Редстокъ боится того же, чего боялись многіе, „да не око скитающееся сотворитъ и разумъ скитатися“. Ему, я думаю, должны бы придти очень по сердцу многія мѣста изъ аскетической книги. О „добротолюбіи“ и преимущественно „Объ умной молитвѣ“.

XVI.

О восточномъ православіи Редстокъ съ русскими рѣшительно никогда не говоритъ. Ниже будетъ сказано, какъ трудно его на это вызвать; но о русской націи или лучше сказать о русской породѣ онъ самаго высокаго мнѣнія. Вотъ его собственныя слова объ этомъ изъ письма, которымъ я пользуюсь: „это почва плодородная и воспріимчивая, но въ русскомъ духовенствѣ мало энергіи и ревнія къ славѣ Божіей, въ нихъ много страха, ради котораго они или безмолвствуютъ или лукавятъ, — они виноваты въ томъ сонномъ равнодушіи къ вѣрѣ, которое поражаетъ въ русскихъ людяхъ“. Отсюда, я полагаю, всякому ясно, что лордъ Редстокъ конечно

знаетъ русскихъ людей только одного высшаго класса, по отношенію къ коимъ мнѣніе его о равнодушіи къ вѣрѣ нельзя назвать несправедливымъ. Тамъ и „обязанные вѣрить, по словамъ Арсенія Мацѣевича, давно насилу вѣрили“. Но вѣдь вѣры не здѣсь ищутъ. Кто хочетъ видѣть вѣру, тотъ долженъ знать, гдѣ ее искать. Редстокъ не могъ наблюдать ни своеобразной религіозности нашего раскола, ни темной, но глубокой и теплой, полной смиренія вѣры нашего простонародія, гдѣ рядомъ съ самыми нелѣпыми понятіями и представленіями (въ родѣ тѣхъ, какія описаны въ прошлогоднемъ отчетѣ епископа пензенскаго Григорія) живетъ „непоколебимая вѣра въ Бога“. Ему даже неизвѣстенъ весь такъ называемый средній классъ, — это „главная жила страны“, какъ говорилъ нѣкто хорошо понимавшій Россію. Онъ положительно не видѣлъ серьезныхъ русскихъ людей, съ которыми можно

говорить о вѣрѣ и получать отъ нихъ свободные и резонные отвѣты. Онъ все только обращался съ дамами, и вдругъ произноситъ свое сужденіе о русской религіозности. Это по истинѣ очень странно! Изъ русскаго духовенства л. Редстокъ знаетъ немногихъ, да и то весьма слегка: въ Петербургѣ онъ видѣлъ на своихъ бесѣдахъ бывшаго нашего парижскаго священника І. В. Васильева и ректора дух. академіи І. Л. Янышева, но и съ ними сколько нибудь замѣчательныхъ богословскихъ разговоровъ не было. О. Васильевъ, кажется, дѣлалъ даже усиліе вызвать его на такого рода разговоръ, но Редстокъ отъ этого рѣшительно уклонился. Говорятъ, будто онъ сказалъ отцу Васильеву, что „я-де кромѣ Библіи ничего не знаю и потому въ разговоры о догматахъ вступать не могу“.

Если только это дѣйствительно было такъ, то это болѣе, чѣмъ странно: неужто лордъ Редстокъ того мнѣнія,

что съ о. І. Васильевымъ только и можно говорить, что о катихизисѣ! Изъ заграничныхъ русскихъ священниковъ онъ встрѣчался съ тремя, изъ которыхъ память покойнаго о. Евгенія Попова (лондонскаго), вся семья Редстоковъ чтитъ какъ память друга. Но говорятъ, что о. Евгеній Поповъ, часто посѣщая семью Редстоковъ, никогда не заводилъ съ нимъ никакихъ споровъ о вѣрѣ, а посѣщалъ ихъ просто, какъ благонравное и благочестивое семейство, стремящееся жить по христіанскому идеалу. Одинъ изъ священниковъ нашихъ въ Германіи коротко говоритъ о Редстокѣ, что „это шутъ гороховый", но и этотъ нравственно его не охуждаетъ и вреда въ немъ не видитъ; парижскій же священникъ о. Прилежаевъ, по словамъ друзей Редстока, „имѣетъ о немъ невыгодное мнѣніе". Мнѣ въ прошломъ 1875 году не довелось объ этомъ поговорить въ Парижѣ съ о. Прилежаевымъ, но сторонніе люди разсказы-

ваютъ слѣдующее: Редстокъ, гуляя въ Парижѣ по парку Монсо, недалеко отъ русской церкви повстрѣчалъ свящ. Прилежаева, который послѣ непродолжительнаго разговора съ проповѣдникомъ пригласилъ его зайти осмотрѣть русскій храмъ. Выше уже было сказано, что Редстокъ не только совершенно равнодушенъ къ внѣшнимъ украшеніямъ молитвенныхъ зданій, но даже считаетъ ихъ неполезными и прямо вредными, съ той точки зрѣнія, что „да не око скитающееся сотворитъ и разумъ скитатися". Однако, не желая огорчить о. Прилежаева, лордъ принялъ его приглашеніе и они вошли вмѣстѣ въ храмъ. Священникъ показалъ Редстоку все, на что считалъ нужнымъ обратить его вниманіе. Редстокъ смотрѣлъ и даже разспрашивалъ о значеніи того или другаго предмета и выслушивалъ объясненія съ глубокою почтительностью, свойственною его доброму воспитанію. Затѣмъ они оба вы-

шли. Редстокъ поблагодарилъ священника за его любезность и уже намѣревался уходить, но тутъ-то и произошло то, о чемъ л. Редстокъ всего менѣе думалъ. О. Прилежаевъ прощаясь остановилъ будто бы гостя и спросилъ его:

— Вы однакожъ ничего не сказали: нравится ли вамъ нашъ православный храмъ?

— Нѣтъ; онъ мнѣ совсѣмъ не нравится, отвѣчалъ искренній лордъ, и такимъ образомъ, какъ говоритъ наше народное присловіе, „послѣднимъ поклономъ всю обѣдню испортилъ".

Впрочемъ, имѣя хотя самое поверхностное понятіе о Редстокѣ и вообще о людяхъ его взгляда на вѣру, отъ нихъ и невозможно ожидать другаго отвѣта, если только они искренны и хотятъ отвѣчать правду.

XVII.

Политическія убѣжденія л. Редстока самыя смирныя,—они даже не англійскія, а просто евангельскія: Редстокъ открытый врагъ всякой непокорности властямъ, каковы бы онѣ ни были, „аще и зли суть“; коммунизмъ онъ осуждаетъ, какъ ученіе вредное, несбыточное и только подающее поводъ къ смутамъ и безпорядкамъ. „Нѣтъ власти которая бы не была отъ Бога и всѣ люди обязаны этому вѣрить и должны терпѣть свое правительство и молиться о его просвѣтленіи; а непосредственно наблюдать только за собою и укрѣплять себя молитвой и чтеніемъ Слова Божія“. Словомъ: его политика совершенно христіанская, и ничего нѣтъ смѣшнѣе

какъ связывать его съ коммунистами. Тотъ, кому это пришло въ голову, по справедливости можетъ быть названъ сочинителемъ. О томъ русскомъ нигилизмѣ, что нѣкоторые еще имѣютъ охоту розыскивать, Редстокъ не имѣетъ и понятія, а атеистовъ, мнѣ кажется, онъ боится. Съ атеистами лордъ Редстокъ не имѣетъ никакихъ дѣлъ и отказывается отъ всякихъ съ ними преній.

— „Это не мое дѣло, говоритъ онъ; мнѣ не дано средствъ убѣждать такихъ людей и мнѣ за это браться не слѣдуетъ. Они мнѣ будутъ ставить открытія науки, которыя можно видѣть или понять, а я имъ долженъ буду говорить о невидимомъ Богѣ, въ котораго надо вѣровать, даже не постигая Его: такъ ничего нельзя достичь“.

Этой странности въ лордѣ Редстокѣ, конечно, нельзя иначе объяснить, какъ тѣмъ, что онъ имѣлъ когда-либо сильныя и памятныя ему неудачи

съ атеистами и опытомъ убѣдился въ своей несостоятельности съ ними бороться. Осуждать его за это, разумѣется, нечего,—напротивъ ему дѣлаетъ честь, что онъ понялъ свое безсиліе и откровенно въ немъ сознается; но удивительно то, что этотъ человѣкъ, имѣющій, конечно, уже не малую практическую опытность въ дѣлѣ проповѣди, такъ боится науки атеистовъ! Ни Навиль, ни Шафъ, ни Голлардъ, ни Фарарръ, нигдѣ не показываютъ такой трусости и изъ устъ просвѣщеннаго христіанина дико слышать этотъ страхъ предъ результатами науки, которая сама въ себѣ вовсе не атеистична; а главенство значенія невидимаго передъ видимымъ отнюдь не такъ трудно доказывается, какъ думаетъ объ этомъ достопочтенный лордъ. Кто бы что ни говорилъ о современномъ состояніи церковныхъ вопросовъ, при всемъ этомъ никакъ нельзя забывать, что наше время выдвигаетъ въ христіан-

ствѣ весьма замѣчательный типъ людей „вѣрующихъ, по выраженію Фаррара, сознательной безусловно". Это всѣ люди науки и часто такіе люди, которые прежде чѣмъ „повѣрить сознательно и безусловно", были атеистами или просто деистами. Какъ жаль было бы, еслибы ихъ въ прежнемъ ихъ состояніи вѣрующіе люди оскорбили нежеланіемъ имѣть съ ними общенія и бесѣды. Еслибы вмѣсто страха и пассивности предъ атеистами мы встрѣтили желаніе избѣгать разговора съ людьми, набравшимися „кваса фарисейскаго",—мы это скорѣе бы поняли; но атеистъ вовсе не безнадежное лицо для проповѣдника. Если же всѣхъ невѣрующихъ избѣгать и бояться, то пожалуй останется побѣждать такихъ, что будетъ стыдно за побѣду. У насъ говорятъ: тотъ пономарь дорогъ, который въ лапоть звонитъ, а въ колоколъ-то всякій съумѣетъ звякнуть.

Собственныя вѣрованія Редстока

прямы и просты: онъ принимаетъ воплощеніе Христа, Его чудеса, смерть и воскресеніе и вообще все до Него касающееся точно и буквально, какъ сказано въ Евангеліи и по собственнымъ его словамъ „все принимаетъ слѣпо какъ дитя, и не разсуждая“. Точно также какъ онъ это принимаетъ, такъ старается и передать другимъ, кто его слушаетъ. Такимъ образомъ несогласій съ общехристіанскимъ вѣрованіемъ у него тутъ нѣтъ никакихъ.

XVIII.

Оправданіе человѣка вѣрою въ искупительную смерть Іисуса Христа, составляющее главный пунктъ Редстокова ученія, онъ доказываетъ тѣми самыми текстами, какими доказываютъ это всѣ протестантскіе проповѣдники. Все это, разумѣется, давно извѣстно и переизвѣстно. По словамъ Редстока „кого вѣра во Христа перерождаетъ въ новаго человѣка, тотъ можетъ быть увѣреннымъ, что его добрыя дѣла угодны Богу, даже чаша воды, поданная во имя Его“. Съ этой минуты наши добрыя дѣла теряютъ всякую цѣнность въ нашихъ глазахъ, потому что мы поняли, что они искупить насъ не могутъ, а что они только выраженіе нашей сми-

ренной вѣры и нашей глубокой любви за полученное спасеніе Его кровію. Предъ Богомъ эти добрыя дѣла съ той поры получаютъ цѣнность, потому что они прославляютъ Его милосердіе и безмѣрную любовь, и Онъ ихъ принимаетъ какъ плоды нашей благодарности и какъ смиренное исповѣданіе нашей немощи въ дѣлахъ спасенія.

Достоинство этихъ выводовъ очевидно. Подведите сюда слѣдующее мѣсто: „кто возлагаетъ свое упованіе на Будду, тотъ достигаетъ блаженныхъ селеній, какъ-бы ни было тяжело бремя его грѣховъ. Пресмыкающееся насѣкомое, не могущее пройдти ни одной стадіи, можетъ сдѣлать тысячи ихъ, сидя на тѣлѣ человѣка. Такъ бываетъ и съ человѣкомъ, возложившимъ свое упованіе на Будду“ (Wutke S. 560—561). Не одинъ-ли тотъ-же духъ чувствуется въ обоихъ этихъ ученіяхъ? Итакъ, вотъ къ чему сводится живое и дѣй-

ственное христіанство, призванное „обновить самыя начала жизни“... Но вѣдь и въ мертвящемъ буддизмѣ это составляетъ наносъ, для котораго, какъ дознано оріенталистами, нѣтъ основы въ древнихъ сутрахъ.

Второе пришествіе Спасителя Редстокъ ожидаетъ ежедневно, не стѣсняясь словами Писанія, что „прежде будетъ проповѣдано во всѣхъ концахъ земли Евангеліе“. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что тутъ не сказано „будетъ принято“, но только „будетъ проповѣдано“,—а оно-де теперь будто-бы уже „вездѣ проповѣдано“. Это такъ выходитъ по его свѣдѣніямъ, въ которыхъ, однако, Редстокъ точнаго отчета не даетъ. Впрочемъ, глубоко самъ въ этомъ убѣжденный, онъ никому не навязываетъ своихъ на этотъ счетъ вѣрованій, такъ какъ „это не касается до спасенія души“. Но самъ лордъ, заканчивая свои бесѣды, часто говоритъ слушателямъ:

— „Если Господь нашъ еще замедлитъ придти къ намъ, то при помощи Божіей, слѣдующій разъ я буду говорить тогда-то“. До сихъ поръ обыкновенно такъ случалось, что онъ всегда проповѣдывалъ, когда назначалъ.

Въ Библіи, съ которою безпрестанно возится л. Редстокъ, онъ весьма небольшой знатокъ, что и каждый легко можетъ замѣтить, слѣдя за тѣмъ, какъ онъ подъискиваетъ нужные ему тексты. Одна моя знакомая дама, призванная слушать проповѣдь лорда, такъ изстрадалась за него по поводу этого его „скитальчества по Библіи“, что вынесла ему самый неожиданный приговоръ.

— Великій Боже, какъ несправедливъ созданный Тобою родъ человѣческій! воскликнула она, возвратясь съ проповѣди Редстока. Какъ жестокосерды люди, которые рѣшаются порицать этого проповѣдника! Какъ онъ бѣдный лазитъ по своей Библіи, какъ

отчаянно онъ стремится растолковать другимъ то, чего онъ самъ не понимаетъ. Бѣдный Мельмотъ скиталецъ—онъ простъ до святости.

— Но вы, однако, поняли, что онъ говорилъ вамъ?

— Нѣтъ, рѣшительно ничего не поняла, кромѣ того, что онъ, какъ моя бабушка говорила, должно быть святъ да неискусенъ.

Вотъ и соображайте какъ вамъ угодно: хвалятъ его или надъ нимъ смѣются, но онъ дѣйствительно такой мудреный человѣкъ, что его какъ-то никакъ нельзя похвалить безъ того, чтобы это не выходило немножко смѣшно.

Сопоставлять это несчастное знакомство съ Библіей не только съ знаніями покойнаго митрон. Филарета Дроздова или Павскаго, но даже Болингброка или Вольтера, разумѣется, нечего и думать. Фернейскій пустынникъ или какъ у насъ его называли, „опасный невѣръ“, могъ спо-

рить съ учеными раввинами, хотя и былъ ими побѣждаемъ, а этотъ можетъ только занимать дамъ и такихъ джентльменовъ, при которыхъ богословствовать совсѣмъ не опасно.

Всѣ каноническія книги Библіи онъ признаетъ за боговдохновенныя, но безусловно отбрасываетъ „апокрифическія книги“, въ числѣ которыхъ, разумѣется, первыми страждутъ книги Макавейскія, Товіи, Сираха и пророка Варуха, гдѣ есть хоть слово о молитвѣ за умершихъ. Относящіяся къ этому-же предмету мѣста въ 31 гл. 1-й кн. Царствъ (кн. п. Самуила), 1-й гл. 2-й кн. Царствъ; 2-й гл. кн. Руѳь; 46 Быт. и 11 Исх. онъ объясняетъ тѣмъ, что „это-де все имѣло мѣсто въ Ветхомъ Завѣтѣ до пришествія Христова“. Если-же поставить ему на видъ молитву Павла объ Онисифорѣ (гл. 5 ст. 10), то я не знаю, что онъ будетъ говорить; но у него, впрочемъ, есть для этого безцѣнный пріемъ. Редстокъ сознается, что въ

Библіи есть мѣста, которыя онъ не можетъ понять и потому отказывается ихъ объяснять: „я не знаю этого, говоритъ онъ, и не понимаю еще самъ. Господу не угодно было еще открыть мнѣ смыслъ этихъ словъ. Я спрашивалъ у многихъ христіанъ, изучившихъ Слово Божіе болѣе меня, но всѣ ихъ объясненія мнѣ показались неясными и неправдоподобными“. Такъ, напр., если ему сказать, что въ 32 ст. 12 гл. ап. Матѳея читаемъ: „иже речетъ на Духа св. не отпустится ему ни въ семъ, ни въ будущемъ вѣкѣ“. „Что-же это о прощеніи въ будущемъ вѣкѣ,—не нелѣпость-же“? (См. Камень Вѣры). Но вы его логикою не возьмете. Онъ какъ себя зарядилъ, такъ и стрѣляетъ.

Критика его такова-же, какъ и его логика. Отметая многія книги Библіи и всѣ преданія, лордъ нимало не смущается тѣмъ, что въ самыхъ апостольскихъ твореніяхъ занесены

преданія, которыхъ нѣтъ въ записяхъ Ветхаго Завѣта (напр., споръ архистратига Михаила съ діаволомъ о тѣлѣ Моисея соб. посл. ап. Іуды 9, объ отношеніяхъ къ Исаву и Іакову въ ихъ утробной жизни и о преимуществахъ дающаго передъ принимающимъ. Дѣян. ап. 20, 35 и др.). Онъ ихъ, если нужно, будетъ цитировать и, или не скажетъ, что это преданія, или-же объяснитъ, что эти преданія освящены тѣмъ, что уже попали въ кодексъ. Многоученый Фарраръ и Шафъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о жизни Іисуса Христа не разъ обращались къ древнимъ христіанскимъ преданіямъ (особенно высокопочтенный Фарраръ) и преданія эти оказывали имъ безцѣнныя услуги, дозволяя при ихъ помощи проникать въ глубь вѣковъ и объяснять многое, считавшееся до сихъ поръ необъяснимымъ; но Редстокъ всего этого сторонится и боится, какъ одержимый.

Фарраръ въ своемъ превосходнѣй-

шемъ изслѣдованіи ссылается также на Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, св. Бернарда и другихъ; но Редстокъ и до этой слабости себя не допускаетъ. У него дѣло проще: Богъ спасъ родъ человѣческій черезъ І. Хр. и теперь объясняетъ это людямъ черезъ Редстока. Болѣе имъ никого и ничего знать не надобно.

XIX.

Какъ протестантъ, Редстокъ, разумѣется, признаетъ только два таинства, крещеніе и причащеніе, но и имъ онъ не придаетъ всего того значенія, какое принято въ протестанствѣ. Отчего если и тамъ встрѣчается много сбивчивости, то тутъ уже совсѣмъ толку не найдешь. Крещеніе, по мнѣнію Редстока, есть „публичное исповѣданіе своего желанія вступить въ стадо Христово, а причащеніе—воспоминаніе нашего искупленія смертію І. Христа“. У протестантовъ это, конечно, не такъ, и даже не такъ это у нашихъ духовныхъ христіанъ и штундистовъ, но только у послѣднихъ все это формулировано гораздо точнѣе. Протестантское уче-

ніе объ этомъ извѣстно всякому, у „духовныхъ-же христіанъ“ говорится такъ: „Обученіе Слову Божію есть истинное крещеніе; крещеніе-же погруженіемъ въ воду или обливаніемъ есть теперь пустой обрядъ, который съ пришествіемъ Іисуса Христа отмѣненъ, ибо самъ Христосъ сказалъ: „Іоаннъ крестилъ водою, а послѣ сего вы будете крещены Духомъ Святымъ“. (Исповѣданіе духовныхъ христіанъ, женевское изданіе 1865 г., стр. 25). Эти люди ясно и на чистоту говорятъ: „мы никакихъ таинствъ не признаемъ, ибо всякая тайна открыта съ пришествіемъ Іисуса Христа“ (ib. стр. 113).

Въ послѣдовательности у нашихъ мужиковъ протестантскаго духа есть положительныя преимущества передъ ученіемъ Редстока, что мы сейчасъ и увидимъ еще яснѣе изъ свода ихъ мнѣній о молитвѣ за умершихъ.

Молитву за умершихъ лордъ Редстокъ, какъ всѣ протестанты, нахо-

дитъ безполезною: „во всей-де Библіи объ этомъ нигдѣ не сказано ни слова: Библія есть слово Божіе, а къ Слову Божію никто не имѣетъ права ничего прибавлять или убавлять“. Но наши „духовные христіане“ и штундисты, между которыми не мало изрядныхъ знатоковъ Библіи, молятся за усопшихъ, чтобы имъ были отпущены грѣхи“ (ibid. стр. 117), ибо зная Библію, они знаютъ, что у Бога Авраама, Исаака и Іакова нѣтъ мертвыхъ, потому что онъ Богъ живыхъ.

Лордъ Редстокъ по незнанію православнаго ученія считаетъ молитву за усопшихъ „догматомъ или таинствомъ“, и изъ его русскихъ учениковъ до сихъ поръ никто ему вѣроятно не растолковалъ, что это отнюдь не догматъ и не таинство, изъ семи числа установленныхъ соборами, а это таинственная, но неодолимая потребность духа любви, который самъ молится своими „воздыханіями

неизглаголанными“ объ усопшихъ. Кто же можетъ запретить духу любви совершать свои дѣла и воздыхать къ Отцу духовъ о прощеніи тѣхъ, кого мы любили? Кто можетъ отнять у духа нашего эту присущую ему потребность и какое надо имѣть узкое, буквоѣдское возрѣніе и сухое сердце, чтобы сказать матери, потерявшей сына: „не молись о немъ, — это ему не поможетъ. Припомни притчи о Богачѣ и Лазарѣ: тамъ нѣтъ переходовъ. Если онъ здѣсь обрѣлъ, позналъ, получилъ и воспѣлъ, — ему хорошо; а если чего не домыслилъ, а просто въ церковь ходилъ, да еще пѣлъ „не имамы иныя помощи, развѣ тебе Владычице“, такъ дѣло кончено. О немъ болѣе не думай, а скорѣе сама познай, получи и воспой“... Нѣтъ; любящій духъ возмутится противъ этихъ словъ которыя „яко сосцы сухи“ (Алф. дух. ч. I, гл. 3), только усугубляютъ муки томящей тоски и это возмущеніе будетъ самый естествен-

ный отвѣтъ на приведенное ученіе. У насъ оно всегда встрѣтитъ самый сильный отпоръ не отъ догматизаторовъ, которымъ л. Редстокъ приписываетъ вину моленія за усопшихъ, а отъ всякой живой, любящей души человѣческой. Что же касается до увѣреній лорда, что „эти молитвы безполезны“, то почему это ему извѣстно? Пусть онъ насъ проститъ: мы ему не вѣримъ, и когда онъ намъ укажетъ на слова Лазаря, что тамъ нѣтъ переходовъ, то мы попросимъ его вспомнить о грѣхѣ, который „не простится въ будущей жизни“ (Матѳ. 12, 32). Если этотъ одинъ не простится, то не ясно ли, что другіе могутъ быть прощены?

Я выше приводилъ извѣстнаго мнѣ раскольника Андросова, а теперь приведу всѣмъ извѣстнаго поэта Лермонтова, который не былъ богословомъ, да и не очень прилежалъ къ вѣрѣ, но какъ онъ силою генія проницательнѣе и глубже понималъ этотъ вопросъ!

Вспомнимъ, что его Демонъ говоритъ Тамарѣ о судѣ Божіемъ и о мукахъ ада:

„Проститъ Онъ можетъ, хоть осудитъ“.

„Совершится судъ по правдѣ, а потомъ послѣдуетъ манифестъ по милости“, какъ сказано въ одной масонской книгѣ. Во всей этой простотѣ сравненій нѣтъ оскорбленія величію Божію и очень много ума и прелести. Тутъ все чувствуешь, что это живыя души рвутся постичь своего Отца въ духѣ Его, межъ тѣмъ, какъ этотъ бѣдный Редстокъ, закопавшись въ текстахъ, тонетъ въ нихъ какъ мышь въ просѣ и не въ силахъ выбраться къ ясному свѣту духовнаго постиженія.

Онъ дошелъ уже до такого состоянія, что и не замѣчаетъ, какой онъ ужасный буквалистъ, позабывшій, что „письмя мертвитъ, а духъ животворитъ, — духъ же идѣ же хощетъ, дышитъ и можетъ испытать „глубины Божія безъ Писанія“.

Есть люди, которые говорятъ, что

ученіе Редстока о безполезности молитвы за усопшихъ „всего болѣе на руку дамамъ, которыя спѣшатъ разстаться со всякою тѣнью скорби по усопшихъ, дабы поскорѣе на всей свободѣ утѣшиться живыми“. Это даже было сказано въ печати; но на это заключеніе столь же гадкое, сколько и несправедливое,—гадкое потому, что оно имѣетъ отвратительный букетъ лакейской, гдѣ всегда живутъ самыя низкія понятія о человѣческой природѣ и комбинируются самыя грязныя подозрѣнія, — и несправедливое потому, что скорое забвеніе усопшаго или довѣчная о немъ память не зависятъ ни отъ толковъ Редстока, ни отъ поминаній, въ которыя имя усопшаго вписывается, но въ памяти сердца часто изглаживается. И забыть скоро и никогда не позабыть, это зависитъ отъ свойствъ души человѣка и глубины его чувствъ и привязанностей, которыя могутъ быть глубоки и серьезны у женщины свѣт-

ской, и могутъ быть ничтожны и у женщины самой простой и несвѣтской. Кто полагаетъ, что развращенность нравовъ держится преимущественно въ „свѣтѣ“, тотъ совсѣмъ не знаетъ современнаго русскаго „свѣта“. Тамъ утраченъ этотъ „темпераментъ“ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нѣкоторыя великосвѣтскія дамы начали проходить курсъ бухгалтеріи и въ секретныхъ ящикахъ ихъ будуаровъ появились своего рода гросбухи.

Редстокъ положительнѣйшимъ образомъ принесъ пользу многимъ русскимъ свѣтскимъ женщинамъ въ томъ отношеніи, что онъ спасъ ихъ отъ этого практическаго направленія и вмѣсто тяготѣнія къ маклерскому куртажу, заставилъ ихъ толковать и думать о Христѣ и изъ любви къ Христу дѣлать добро ближнему.

Кто наблюдалъ направленіе умовъ и положеніе дѣлъ въ обществѣ за эти послѣдніе годы, когда людямъ оставался выборъ только между курта-

жемъ и мертвою скукою, тотъ вѣроятно согласится со мною. Я не утрирую положеніе вещей, а представляю дѣло такъ, какъ оно было, и отсюда позволяло себѣ заключать, что почтенный лордъ, появясь въ нашемъ „большемъ свѣтѣ“, дѣйствительно спасъ тамъ нѣсколько душъ и направилъ ихъ не къ злу, а къ добру.

Пусть все его богословствованіе слабо и несостоятельно, — какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ — но твердя постоянно о Христѣ онъ освоилъ мысль своихъ слушательницъ съ „единымъ спасающимъ именемъ“. Какъ бы онѣ Его ни понимали и такъ или иначе толковали себѣ оправданіе, „спасающее имя“ спасло ихъ и отъ куртажа, и отъ скуки, и потомъ „приразилось имъ какъ болячка“, по выраженію схимника Парѳенія. Надъ ними повторилось то, о чемъ говорилъ Данте: бродя около таверны будешь видѣть пьяницъ, и самъ когда нибудь зайдешь съ ними и напьешься, а хо-

дя близь храма встрѣтишь богомольцевъ и зайдешь и помолишься. Отъ скуки ли, не отъ скуки ли обращаясь съ тихимъ, скромнымъ и религіознымъ Редстокомъ, онѣ привыкли говорить о религіи и нынче считаютъ ее потребностію.

Никто не докажетъ мнѣ, что это точно такъ было и прежде, хотя конечно и прежде нѣкоторыя изъ этихъ дамъ выѣзжали по воскресеньямъ въ церковь Департамента Удѣловъ...

XX.

Успѣхъ лорда Редстока въ высшемъ петербургскомъ обществѣ сначала должно объяснять тѣмъ, что онъ лордъ. Проповѣдующій лордъ—это, какъ вы хотите, оригинально и такъ у насъ необыкновенно, что дамы и джентельмены полюбопытствовали его послушать. Но онъ никогда и ни разу не произвелъ на слушателей могущественнаго и сильнаго впечатлѣнія, и репутація его, какъ проповѣдника, могла бы очень скоро пасть, если бы не было при немъ горячей, пламенной и фанатически ему преданной женщины, которая и открыла его въ Лондонѣ, и вызвала въ Россію, и поддержала его здѣсь своею само-

отверженною ему преданностію. Кромѣ того, за что Редстокъ обязанъ своему имени въ самомъ началѣ его появленія въ Петербургъ, весь остальной его успѣхъ долженъ быть приписанъ не столько ему, какъ этой энергической женщинѣ. Она не только собирала ему аудиторію, но она маскировала скуку его бесѣдъ своимъ кипучимъ оживленіемъ; она страдала за него, видя какъ изъ него не летитъ выспрь крылатое слово; страдала за слушателей, наконецъ, за саму себя и на другой день опять верстала людей въ слушатели, увѣряла всѣхъ и себя саму, что это было хорошо, и такими неутомимыми усиліями ввела въ моду Редстока, которому безъ нея здѣсь не было бы никакого хода и значенія.

Теперь его положеніе упрочено, во первыхъ тѣмъ, что дамы долго присматриваясь къ Редстоку нашли, что „онъ очень красиво молится“. Кто захочетъ вспомнить, что имѣло ме-

жду прочимъ свое значеніе для митрополита Платона Левшина, тотъ конечно не станетъ оспаривать, что это пригодится и Редстоку. А во вторыхъ онъ теперь уже не будетъ хромать, потому что у него въ Петербургѣ не одинъ костыль, а два и оба стояросовые. Прошлою зимою на одну изъ дамъ за его бомоленіемъ было наитіе, и эта вторая нынѣ служитъ Редстоку какъ и первая. Куда онъ уйдетъ на этихъ двухъ костыляхъ, я не знаю, но во всякомъ случаѣ, хода его должны быть шибче.

Что же онъ сдѣлалъ съ своими слушательницами худаго и добраго?

Во первыхъ онъ преподалъ имъ нѣсколько протестантскихъ и нѣсколько просто сумбурныхъ мнѣній объ оправданіи. Во вторыхъ, не говоря ничего прямо, навелъ на мысль, что восточная церковь держится кое чего противнаго будто бы духу истиннаго христіанства. Научилъ ихъ не призывать въ молитвѣ Дѣву Марію

и святыхъ и избаловалъ увѣреніями, что онѣ непремѣнно спасены.

Обо всемъ этомъ онѣ прежде совсѣмъ не думали и не заботились, а били баклуши, сплетничали или маклеровали. Не мое дѣло судить: насколько то или это лучше.

Далѣе: твердя имъ „благовременно и безвременно“ о Томъ, кто шелъ всюду, не боясь замараться никакимъ обществомъ, Редстокъ освоилъ своихъ слушательницъ съ мыслію, что если онѣ „возлюбили и получили Христа“, то должны быть добры и служить меньшимъ братьямъ. Тѣ это приняли и кое-что дѣлаютъ. Можетъ быть не совсѣмъ то, что бы имъ всего приличнѣе было дѣлать? Очень можетъ быть. Редстокисты весьма явно идутъ въ своей дѣятельности по хорошо намъ знакомому пути заблужденія, которое проявлялось въ иное время и при возбужденіяхъ другаго характера. Эти слова относятся къ движенію охватившему русское общество

послѣ Крымской войны. Тогда всѣ хотѣли учить и литераторствовать въ излюбленномъ направленіи и заморились въ этихъ усиліяхъ, а жизнь повела дѣла своимъ путемъ. Редстокисты дѣлаютъ то же самое: при своемъ благочестивомъ невѣжествѣ они стремятся писать, издавать и проповѣдывать. Писанія ихъ—это невинный, но и не полезный вздоръ, вертящійся все около одного и того же вопроса объ оправданіи. Издательство ихъ не можетъ принести никакой пользы, проповѣдью-же своею только они сами и могутъ забавляться. Они ходятъ читать Евангеліе въ ночлежные пріюты и теперь пробираются въ лагери и казармы. Пусть такъ: отчего же такъ не читать Евангелія? но имъ этого мало и вотъ нѣкоторые изъ нихъ получили отвагу идти на „евангелизацію“ раскольниковъ... Можете себѣ вообразить: что они могутъ говорить съ раскольниками и куда полетятъ отъ нихъ пухъ и перья, если за лю-

баго изъ нихъ (не исключая и самого ихъ учителя) возмется Ларіонъ Григорьевъ или другой начитанный человѣкъ изъ старообрядчества... Манера брать съ верховъ скоро остудитъ ихъ рвеніе и они поймутъ, что „не бо отъ горнихъ на нижняя нисходити должны, но отъ дольнихъ на вышняя" (Алф. д. ч. 1. гл. I). Учить вѣрить, это дѣло не ихъ силъ и они въ этомъ скоро убѣдятся. Русскаго человѣка нечего учить вѣрить и терпѣть, — онъ самъ въ этомъ дѣлѣ профессоръ:

Цѣлый вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть;
Вотъ гдѣ надо-бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

Тутъ нужно совсѣмъ другое, совсѣмъ другое; но того-то, что нужно, этого-то и нѣтъ и за то и возможны опасенія, что господа редстокисты очень скоро прискучатъ народу и онъ отъ нихъ станетъ отворачиваться.

У русскаго народа хорошая и теплая вѣра, хотя онъ въ большинствѣ и

не свѣдущъ въ Писаніи; но тамъ, какъ говорилъ св. Димитрій Ростовскій (слово на день женъ мѵроносицъ), „за нуждою и утѣсненіями часто некогда думать о Богѣ“. Тамъ скорѣе всего поразумѣются съ тѣми, кто поможетъ спасаться отъ нужды и утѣсненій, а не съ тѣми, кто будетъ разводить разводы объ оправданіи.

Дѣлъ больше, господа; больше добрыхъ дѣлъ для бѣднаго человѣка. Исполните совѣты апостола Іакова (гл. 2) прежде совѣтовъ Редстоковыхъ и когда явятся ваши добрыя дѣла, тогда и просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣками. Сочинителей же о вѣрѣ и безъ васъ довольно.

XXI.

Но возвращаемся снова къ Редстоку, чтобы покончить съ его шаткими ученіями.

О „вѣрѣ дѣйствительной“ или о единой, спасающей вѣрѣ, которою особенно занятъ Редстокъ, онъ говоритъ очень много и, по своему обыкновенію, приводитъ въ пользу своихъ положеній массу текстовъ, извѣстныхъ каждому знакомому съ ученіемъ протестантовъ. По словамъ Редстока, есть какая-то „вѣра знанія и дьяволы вѣрили Христу, потому что они знали, кто Онъ такой, когда видѣли Его во плоти, но они не признавали и не вѣровали, что Его воплощеніе и крестная смерть имѣютъ такую силу, что оправдываютъ весь

міръ отъ грѣха; вѣроятно, если бъ они увѣровали, то и они быть можетъ бросились бы къ Его стопамъ, но они считали себя выше міра, выше человѣковъ и не признавали въ Немъ, въ Его уничиженіи, страданіяхъ и смерти достаточнаго удовлетворенія правосудію Божію, чтобы поднять снова ихъ, падшихъ Ангеловъ. Вотъ почему они старались помѣшать и Его дѣлу спасенію человѣковъ, и искушали безгрѣшнаго, пользуясь тѣмъ, что Божество Его было какъ будто бы ограничено плотію. Но когда дьяволы убѣдились въ невозможности соблазнить Іисуса, то они отъ ужаса, съ трепетомъ исповѣдывали имя Его, думая при этомъ умилостивить Его, и хотя этимъ показать себя выше міра, который совсѣмъ Его не признавалъ за Сына Божія: они бѣжали отъ лица Его, и кричали, что нѣтъ между Нимъ и ими ничего общаго, просили не погубить ихъ, но позволить имъ удалиться“.

Благодушный лордъ остается въ увѣренности, что онъ дальнозорче всѣхъ дьяволовъ и перехитрилъ ихъ. „Но тѣ, продолжаетъ Редстокъ, которые вѣруютъ, что Христосъ Сынъ Божій, Искупитель человѣковъ, а между тѣмъ, безъ любви, безъ благодарности, безъ восторга, но съ холоднымъ равнодушіемъ, помнятъ его страданія и смерть ради спасенія человѣковъ, эти люди не имѣютъ вѣры дѣйственной, но вѣру знанія. Они всегда будутъ въ трепетѣ при мысли о часѣ смертномъ, потому что ихъ вѣра не можетъ дать душевный покой. Они боятся прогнѣвить Бога только ради вѣчнаго наказанія, и думаютъ, какъ діаволы, умилостивить Его нѣсколькими добрыми дѣлами и исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, посредствомъ которыхъ, какъ діаволы же, исповѣдуютъ Его имя передъ людьми. Въ сущности, они ни холодны, ни горячи, и Господь изблюетъ ихъ изъ устъ Своихъ, и обратитъ къ

нимъ слова: „воистину я никогда не знал вас“.

Я выписалъ эти слова изъ письма, которымъ часто пользуюсь, сшивая на живую нитку отрывочныя лоскутья моихъ скудныхъ свѣдѣній о л. Редстокѣ. Всякую критику считаю здѣсь неумѣстною: все тексты и тексты, а людямъ знающимъ св. Писаніе извѣстно, что противъ текстовъ, которые такъ любитъ л. Редстокъ, могутъ быть приведены и другіе тексты. Не стать же состязаться съ нимъ въ этомъ! Покойный А. С. Хомяковъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову (о значеніи страданія и молитвы) превосходно высказалъ безполезность такихъ преній, въ коихъ орудуютъ текстами, забывая духъ ученія. Заканчиваю мой отчетъ объ вѣроученіи Редстока еще одною выпискою: „о добрыхъ дѣлахъ внѣ христіанскихъ вѣрованій лордъ Редстокъ начисто отказывается разсуждать, говоря: я этого не знаю, потому что Господь

не нашелъ нужнымъ намъ это знать. Этого нѣтъ въ Библіи. (Почтенный лордъ, вѣроятно, потерялъ изъ своей Библіи 2 главу соборнаго посланія Апостола Іакова). Но кто вѣруетъ въ Бога и позналъ Его безмѣрную любовь и милосердіе къ человѣкамъ, тотъ знаетъ, что все, что Онъ рѣшитъ, будетъ совершенно (?!). Наше дѣло не упускать случая давать познать Христа незнающимъ Его".

Но здѣсь послѣ этихъ заключительныхъ словъ долгъ справедливости обязываетъ меня вступиться за лорда Редстока, которому его противники ставятъ его шаткое и несмысленное ученіе въ такую вину, какою онъ уже и не грѣшенъ. Писано было о немъ, будто онъ ничѣмъ не стѣсняетъ нравственности своихъ послѣдователей, „лишь бы только они познавали Христа", а тамъ-де дѣлай себѣ, что хочешь,—кровь Имъ пролитая на крестѣ все смоетъ... Такою инсинуаціей, къ которой особенно

прибавилъ жару извѣстный пасквиль на лорда Редстока брошена самая темная тѣнь, касающаяся частію и ходящихъ во слѣдъ его дамъ... Это была такая недостойная выходка, что одинъ благородный голосъ въ русской печати попытался остановить это безчинство. Благородный голосъ этотъ принадлежалъ православному русскому священнику Ивану Степановичу Беллюстину.

XXII.

Будучи не болѣе другихъ знакомъ съ лордомъ Редстокомъ, о. Беллюстинъ какъ бы почувствовалъ ложь на него возводимую и заступился за него съ превосходнымъ достоинствомъ и дѣлающимъ ему честь тактомъ. (См. „Церковно-Обществ. Вѣстникъ", 1876 г. № 42). Назвавъ „фарисействомъ" многіе нападки на Редстока, высокопочтенный о. Беллюстинъ съ прозорливостью сказалъ, что не можетъ быть, чтобы Редстокъ не налагалъ никакихъ нравственныхъ узъ на своихъ слушательницъ и не училъ бы ихъ жить по-христіански. О. Беллюстинъ не ошибся и понялъ дѣло въ точности. Редстокъ такъ не систематиченъ, такъ нелогиченъ,

и при этомъ такъ словоохотливъ, что у него зачастую ни вѣсть какой Цицеронъ съ языка слетаетъ; но лордъ Редстокъ порокамъ людскимъ и своимъ слабостямъ не-потатчикъ и онъ учитъ своихъ послѣдователей жить по-христіански. Объ этомъ человѣкѣ, которому нынче уже 50 лѣтъ, знающіе его люди говорятъ, что „онъ всегда былъ примѣрный сынъ и теперь примѣрный мужъ, и отецъ, и человѣкъ, и при своихъ оригинальныхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ онъ готовъ всегда на всякое доброе дѣло. Слушателей своихъ онъ убѣждаетъ „идти узкимъ путемъ“. Что же это такое значитъ? — не значитъ ли это жить не для себя, не для своего эгоизма? Послѣ этого вопросъ „о дѣлахъ“ не рѣшается ли самъ собою? Устраняясь отъ цитатъ и споровъ скажемъ это простымъ примѣромъ: бѣлка, скача по колесу вертитъ его и они оба вертятся, такъ что не разберешь: бѣлка ли вертитъ колесо, или колесо вер-

тить бѣлку. Но не все ли это равно: и колесо вертится и бѣлка вертится. Надо имѣть врожденную любовь къ спорамъ, чтобы на этомъ вертеться. Страстямъ же человѣческимъ лордъ отнюдь не потворствуетъ; но, напротивъ, онъ ставитъ нѣкоторые вопросы въ такія рамки, что это не можетъ нравиться не только людямъ развращеннымъ, но даже и просто многимъ либеральнымъ людямъ. Вотъ для образца его ученіе о бракѣ:

„Въ бракѣ онъ находитъ необходимою „полную и безприкословную покорность и послушаніе жены мужу", а со стороны мужа требуетъ любви, доброты и попечительности. Супруги во всякомъ случаѣ должны беречь друтъ друга и терпѣливо выносить взаимныя слабости и несовершенства и „ни подъ какимъ предлогомъ не сепарироваться". Разводъ онъ безусловно осуждаетъ, говоря, что разводъ былъ дозволенъ Моисеемъ только по жестокосердію людей. Христіанинъ

же жестокосерднымъ быть не можетъ — иначе онъ не христіанинъ (опять дѣла, какъ мѣрило вѣры). Христосъ далъ примѣръ любви до самопожертвованія; и христіане, Его слуги, Имъ искупленные, должны любить другъ друга точно также. Христіане никогда не рѣшатся на разводъ, потому что они живутъ со Христомъ въ душѣ“.

Я совсѣмъ становлюсь на сторону редстокистовъ: я не знаю: зачѣмъ тутъ нѣкоторыя слова; но мысль вижу и нахожу ее основательною. Даже въ тѣхъ случаяхъ, ради которыхъ разводъ разрѣшается не только гражданскимъ закономъ, но самою нашею церковью, основывающеюся на словахъ Іисуса Христа, сдѣлавшаго исключеніе „ради грѣха прелюбодѣянія“. Редстокъ противъ развода. Въ разрѣшеніи развода „грѣха ради прелюбодѣйнаго“ онъ видитъ только дозволеніе, а не наказъ. Позволено развестись, то-есть невозбранено, но не указано, не

повелѣно, а дано на свободу выбора, свобода же христіанской любви не можетъ позволить человѣку христіанскихъ убѣжденій обличать женщину въ позорящемъ ее грѣхѣ. И что же?— лордъ Рестокъ опять не либераленъ, но онъ великодушенъ... Не богословы и не юристы, а въ былое время при нѣсколько большей цѣльности во взглядахъ на дѣла чести, у насъ офицеры на это такъ смотрѣли и исключали изъ среды своей человѣка, который рѣшается обвинять жену. Редстокъ прямо учитъ, что разводиться не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ, а слѣдуетъ помочь женщинѣ справиться съ своимъ увлеченіемъ и стать на прежнюю правую ступень и никогда уже не упрекнуть ее прошлымъ, а простить ее совершенно, какъ Богъ прощаетъ. Конечно, это не совсѣмъ сходится съ понятіемъ того-же Редстока о томъ, что не указано, то еще не запрещено (какъ напр. молитва за усопшихъ), но я

думаю, уже всѣмъ ясно, что онъ богословъ весьма плохой, но человѣкъ, кажется, очень хорошій.

Поведеніе Редстока всегда цѣломудренно и онъ не только въ публичныхъ бесѣдахъ, но даже въ самыхъ интимныхъ разговорахъ никогда не касается никакихъ вопросовъ, гдѣ примѣшана хотя малѣйшая мысль нравственной нечистоты или неправильной жизни.

Таковъ Гренвиль Вальдигревъ л. Редстокъ въ его жизни и въ его вѣроученіи, которыя я старался по мѣрѣ силъ и возможности представить вниманію читателей. Еслибы кто-нибудь сталъ укорять меня за неполноту, неясность и даже можетъ быть не совсѣмъ благонадежную достовѣрность моего описанія, то я не буду за это ни въ малѣйшей претензіи, ибо я самъ знаю, что мой очеркъ не свободенъ отъ самыхъ разнообразныхъ недостатковъ. Я собралъ, гдѣ что могъ, объ этомъ великосвѣтскомъ

вѣроучителѣ, надѣлавшемъ у насъ много шума и достойномъ, по моему мнѣнію, правдивой оцѣнки. Мнѣ кажется, что л. Редстокъ интересенъ намъ не только какъ явленіе, но и какъ коеффиціентъ, показывающій умственную величину русскаго high-lif'а и его современные запросы въ высшей области человѣческаго духа: въ области богопознанія и вѣры. Кстати упомяну здѣсь также объ одномъ обстоятельствѣ, которое само по себѣ неважно, но которое показываетъ намъ: какъ дорожатъ великосвѣтскіе поклонники лорда Редстока добрымъ именемъ своего учителя. Порицатели Редстока въ предпослѣдній его наѣздъ на Россію зимою 1875—6 года доходили къ нему до такой ненависти, что прямо обвиняли его въ попрошайничествѣ и плутовствѣ. Они и разсказывали и печатали, что будто Редстокъ даже не хотѣлъ платить денегъ въ отелѣ, гдѣ квартировалъ, говоря, что съ проповѣдниковъ Слова

Божія брать денегъ не слѣдуетъ, ибо „достоинъ дѣлатель мзды своея". Сплетня эта ходила по городу и попала въ печать при посредствѣ того органа, который о. Беллюстинъ называлъ „фарисейскимъ". Друзья Редстока были этимъ обижены; они называли это „гнусною клеветою", — хотѣли протестовать, но, однако, не протестовали... Это, разумѣется, послужило во вредъ репутаціи Редстока, но сколько мнѣ извѣстно (а мнѣ это извѣстно довольно близко), великосвѣтскіе почитатели лорда уклонились отъ протеста за своего наставника вовсе не по сомнѣнію въ его честности, но по самому странному равнодушію и неумѣнію ни за кого заступиться. Благодаря ихъ безучастію, это обвиненіе такъ и присохло у насъ къ имени Редстока. Но тѣмъ не менѣе: ложь это или это дѣйствительная правда, такъ и не раскрылось и если это, какъ я думаю, — клевета, то дѣйствительно нельзя

достойно надивиться равнодушію къ ней со стороны тѣхъ, которые могли ее опровергнуть и не шевельнули для этого пальцемъ. Особенно интересны въ этомъ случаѣ женщины,— эти великосвѣтскія мѵроносицы Редстока, которыя, по словамъ газетъ, „задыхались отъ экстаза, пророчествовали, восклицали осанна“, и когда дѣло дошло до самого безъответственнаго заступничества за своего апостола, онѣ показали полное равнодушіе къ его доброму имени... Правъ, вѣроятно, Шербюлье, сказавъ: „grattez la femme et vous trouverez du marbre!“

По моему мнѣнію, это очень хорошее мѣрило активности людей того круга, въ которомъ вращался Редстокъ въ Россіи. Этотъ опасный ересіархъ, за терпимость къ которому „фарисействующій“, по словамъ о. Беллюстина, органъ нашей печати, счелъ нужнымъ сказать свои грубости русскимъ іерархамъ, благодаря

указанному безучастію своихъ ненадежныхъ друзей, выѣхалъ отъ насъ оскорбленный такъ, какъ умѣютъ оскорблять только въ Россіи, гдѣ не гнушаются, начавъ споръ съ вопросовъ вѣры или политики, свести его къ обвиненію противника чуть не въ воровствѣ серебряныхъ ложекъ.

Іерархи-же нашей церкви и правительственныя лица, которыхъ „фарисеи" звали напасть на эту муху съ обухомъ, обнаружили полное спокойствіе, достойное и духа времени, и ихъ высокаго общественнаго положенія, и пониманія истиннаго значенія этого наивнаго проповѣдника.

Теперь, когда намъ извѣстны жизнь и ученіе лорда Редстока, приведемъ въ самомъ точномъ переводѣ одну изъ его оригинальныхъ проповѣдей.

XXIII.

Лордъ Редстокъ гораздо менѣе катехизаторъ и моралистъ, чѣмъ проповѣдникъ оправданія „единою вѣрою", и потому его проповѣди объ этомъ оправданіи составляютъ самую важную часть во всей его дѣятельности. Какъ „нельзя, не видя океана, себѣ представить океанъ", такъ невозможно получить вполнѣ ясное представленіе о Редстокѣ, не выслушавъ сначала до конца хотя одну изъ его бесѣдъ,—въ полномъ ея объемѣ, т.-е. въ экзотерической и эсотерической части.

Я имѣю въ своихъ рукахъ двѣ бесѣды лорда, записанныя съ его словъ, самымъ точнымъ и аккуратнымъ образомъ и предлагаю ихъ вниманію

читателей, въ надеждѣ, что эти образцы ораторскаго таланта Редстока доставятъ не мало любопытнаго людямъ, интересующимся успѣхами этого оригинальнаго человѣка, несомнѣнно имѣющаго свое значеніе въ ряду весьма разнообразныхъ явленій современнаго религіознаго движенія въ нашемъ всколыхавшемся церковномъ обществѣ.

Одну изъ проповѣдей или бесѣдъ лорда (экзотерическую) я печатаю въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ какъ нельзя болѣе точно; а другую — эсотерическую, которая гораздо кратче и гораздо курьезнѣе, нахожу необходимымъ передать на томъ французскомъ языкѣ, на которомъ она была произнесена.

Познакомясь съ этою послѣднею бесѣдою, читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ, что я привелъ ее во французскомъ текстѣ, потому что какъ бы ни былъ удачно сдѣланъ ея переводъ, бесѣда эта потеряла бы въ немъ весь

ная нервность въ голосѣ и въ движеніяхъ. Дамы то присмирѣютъ и тихо. шушукаются, то какъ будто вдругъ вспомнятъ, что онѣ вѣдь не дѣвочки, которыхъ разсадили по мѣстамъ, и собравшись съ духомъ заговорятъ, но только ничего изъ этого не выходитъ: разговоръ опять сейчасъ же оборвется и упадетъ до шопота. Совершенно одно и тоже, что тамъ, въ этихъ „аристократическихъ" церквамъ, то и здѣсь въ салонѣ: глаза такъ невольно и ищутъ: гдѣ тутъ эти элегантныя зеленыя шелковыя ширмы, за которыми послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго шопота, послышится свистящій шорохъ шелковаго платья исповѣдницы и вполголоса произносимая духовникомъ разрѣшительная молитва.

Мужчины, какъ представители болѣе грубой и менѣе вѣрующей половины, немножко портятъ это благочестивое настроеніе; они съ самаго начала уже держатъ себя не со-

всѣмъ одобрительно: одни изъ нихъ, кои лѣтами постарше и чинами повыше, тихонько куртизанятъ съ дамами и стараются ихъ „занимать“. Въ другую пору это хорошо, тѣмъ болѣе, что искуство „занимать дамъ“ совсѣмъ утрачивается, но эти господа немножко пересаливаютъ: они простò смѣшатъ своихъ дамъ. Въ этомъ настроеніи особенно удачно трудится молодой генералъ, о которомъ не безъ основанія говорятъ, что онъ очень милъ и остроуменъ. По боязни казаться смѣшнымъ, онъ даетъ чувствовать, что привлеченъ сюда какъ-то почти насильно; но, какъ человѣкъ хорошо воспитаный, все это стерпитъ и за то позволяетъ собою всѣмъ налюбоваться. Болѣе молодые по нынѣшней модѣ избѣгаютъ продолжительнаго дамскаго сообщества и стремятся отлучиться, чтобы гдѣ-то покурить и прогуляться на счетъ молчаливо присутствующаго здѣсь новокрещенаго маленькаго еврейска-

го ех-раввина, довольно замѣчательнаго библиста, талмудиста и кабалиста (о которомъ что-то писали по поводу его феноменальной памяти).

И вотъ, наконецъ, все въ сборѣ: всѣ высмотрѣли и выбрали кому болѣе по нраву какое мѣсто, и располагаются у столиковъ, на которыхъ горятъ покрытыя абажурами лампы и разложены въ весьма излишнемъ изобиліи Библіи и книги Новаго Завѣта, на самыхъ различныхъ языкахъ, не исключая еврейскаго, такъ какъ здѣсь есть ех-раввинъ, предпочитающій обращаться съ Библіею на болѣе ему извѣстномъ еврейскомъ языкѣ.

Дамы берутъ эти книжечки, повертятъ ихъ въ рукахъ и опять положатъ. Мужчины и этого не дѣлаютъ. По нимъ видно, что они все это знаютъ и за важное не считаютъ, такъ какъ они читали кое-что о происхожденіи религій и могли бы „заговорить по шире, но только не хотятъ,

чтобы не смущать дѣтской вѣры“. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, съ нескрываемою ироніею посматриваютъ на развѣшанныя на стѣнахъ таблицы, изъ коихъ на каждой болѣе или менѣе затѣйно и красиво съ раззолоченными инишіалами напечатанъ какой-нибудь библейскій текстъ. Въ особенномъ ходу таблицы съ евангельскими текстами, преимущественно такого рода.

— „Fear not, little flock; for it is your Father's good pleasure to give you the kingdom“. St. Luke. XII, 32.

— „Fot God so loved the word, that he gave his only begotten Son, that whosoever believeth in him should not perish, but have everlasting life“. St. Joha. III, 16.

— „And whatsoever ye do, do it heartily, as to the Lord, and not unto man“. Colossians, III, 23 *).

---

*) «Не бойся малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство». (Лук. XII—32). «Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него

Игривый генералъ указываетъ своей ближайшей сосѣдкѣ на неудачный, по его мнѣнію, выборъ текстовъ. Онъ справедливо находитъ, что въ такомъ собраніи дамъ полезнѣе было бы написать на стѣнахъ „что-нибудь въ родѣ того, что постомъ поютъ „положи Господи храненіе устамъ моимъ“. Дамы смѣются и шаловливо грозятъ ему за это пальчикомъ; а нѣкто, высокій, неопредѣлимаго возраста человѣкъ, съ необыкновенно добродушнымъ лицомъ и свѣтлыми лучеиспускающими глазами замѣчаетъ, что предлагаемыхъ генераломъ словъ нельзя выставить, потому что „это церковное, а не библейское“.

Дамы изъ ортодоксальныхъ редстокистокъ это поддерживаютъ: онѣ всѣ находятъ, что „это церковное и

не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную». (Іоан. III. 3—16.) «И все, что вы не дѣлаете, дѣлайте отъ чистаго сердца, какъ для Господа, а не для человѣка». (Колос. 3, 23).

это невозможно“. Генералъ пасуетъ; но маленькій ех-раввинъ вслушивается въ этотъ разговоръ, и понявъ въ чемъ дѣло отыскиваетъ третій стихъ CXLI псалма и тычетъ пальцемъ на слова: „Eternel, garde ma bouche; garde l'ouverture de mes lèvres“.

По своей прозелитской ревности и по жидовской любви къ словопреніямъ, онъ сейчасъ же готовъ блеснуть своимъ знаніемъ Библіи и обличить грубое невѣжество великосвѣтскихъ библистовъ: онъ твердо держитъ на открытой страничкѣ свой палецъ, съ траурнымъ ногтемъ, но господинъ съ лучистыми глазами предупреждаетъ его рѣчь: онъ беретъ изъ рукъ раввина книжечку, пробѣжалъ текстъ и сейчасъ же ее закрываетъ, роняя при этомъ скороговоркою:

— Въ самомъ дѣлѣ!.. какъ странно; зачѣмъ это сюда попало? и съ этимъ онъ зажимаетъ книжечку въ своей рукѣ. Къ счастію его въ это самое время снизу раздается зво-

нокъ; хозяйка вскакиваетъ, шепчетъ: „Онъ пришелъ“ и бѣжитъ ему на встрѣчу. Общее движеніе: всѣ поправляются на мѣстахъ и онъ входитъ... Торжественная минута и картина! Онъ входитъ въ своемъ сѣроватомъ куцемъ рейтфракѣ; освѣдомляется у знакомыхъ, „какъ они душевно себя чувствуютъ“ и „что новаго для славы Божіей“ и затѣмъ, не теряя дорогаго времени приступаетъ къ дѣлу. Сначала онъ становится на колѣни передъ кресломъ; кладетъ локти на сидѣнье и наклонясь ницъ лицомъ читаетъ по-французски какой-то вольный перефразъ изъ молитвы „Царю небесный“. Всѣ слушатели тоже опускаются на колѣни сзади проповѣдника. При чемъ нѣкоторыя дамы тотчасъ же спѣшатъ разтрогаться и всхлипываютъ, другія же смотрятъ съ недоумѣніемъ то на этихъ плачущихъ, то на Редстока, у котораго при его согбенной позѣ весь его куцый рейтфракъ, или пиджакъ

проворно взобрался на спину по самую поясницу и стоящія сзади его дамы какъ будто нѣсколько удивлены этимъ пріемомъ.

Игривый генералъ это замѣтилъ. Слегка ступивъ на одно колѣно, и склонясь головою къ близь стоящей молодой, веселой дамѣ, онъ шепчетъ ей:

— Не находите ли вы, что пиджакъ лорда могъ быть на этотъ случай нежножко подлиннѣе?

Дама, едва сдерживая смѣхъ, кусаетъ губу и тихо ударяетъ сзади генерала своимъ сложеннымъ чернымъ вѣеромъ.

Ех-раввинъ тоже какъ-бы смущенъ: ему вѣрно памятуется наказъ Моисея о „надрагахъ льняныхъ, еже покрывати стыденія плоти отъ бедръ даже до стегнъ“ (Исх. 28, 42). Онъ знаетъ, что самъ Егова (Исх. 20, 26) изрекъ: „да не взыдеши по степенямъ ко олтарю Моему, яко да не открыеши сра-

моты твоея“, но что ему дѣлать?— онъ молчитъ.

Молитва окончена, лордъ встаетъ съ колѣней, за нимъ поднимаются дамы, нѣкоторыя уже съ замѣтно покраснѣвшими отъ слезъ глазами; пиджакъ лорда опускается на свое показанное мѣсто покрывая „стыденія плоти“ и нроповѣдь начинается. Вотъ она отъ слова до слова:

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

XXIV.

Лордъ раскрываетъ лежащую передъ нимъ Библію и говоритъ:

„Мы читаемъ въ книгѣ Бытія, гл. 3 ст. 9—10“. „И возвалъ Господь Богъ къ Адаму, и сказалъ ему: гдѣ ты? Онъ сказалъ (т. е. Адамъ): голосъ Твой я услышалъ въ саду и убоялся, потому что я нагъ, и скрылся“ (Лордъ читаетъ каждый текстъ по книгѣ).

„Мы знаемъ, что до паденія своего Адамъ и Ева, бывъ сотворены Богомъ по образу Его и по подобію, были существами совершенными. Они бесѣдовали съ Нимъ лицемъ къ лицу. Его слава, Его свѣтъ, Его голосъ не устрашали ихъ, какъ устрашали впослѣдствіи въ пустынѣ Израильтянъ, которые проси-

ли Моисея говорить съ Нимъ, потому что они сами не имѣли силы слышать голосъ Бога, „не то мы умремъ". Господь обращался съ первыми человѣками какъ съ возлюбленными дѣтьми Своими. Они были созданы для вѣчнаго блаженства, для постояннаго лицезрѣнія своего Творца; они постоянно ощущали присутствіе Его всемогущества, Его любви и Его нѣжной заботливости о нихъ. Но Господь сотворилъ сперва безплотныхъ духовъ, потомъ человѣка, одарилъ и духовъ, и людей свободною волею. Онъ не пожелалъ окружить Себя такими поклонниками, которые иначе бы и не могли дѣйствовать, какъ только по Его повелѣнію. „Богъ есть Духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ!" Поэтому, какъ безплотные духи, такъ и первые люди знали, что они могутъ преступить волю своего Творца, какъ только они этого пожелаютъ. Мы знаемъ, что сперва отпали отъ Бога без-

плотные духи,—а потомъ, позднѣе, и наши прародители“.

„Когда Адамъ согрѣшилъ, тогда свѣтъ истины тотчасъ померкъ въ его душѣ,—онъ былъ омраченъ грѣхомъ,—онъ вообразилъ, что можетъ скрыться отъ Всевидящаго Ока,—онъ скрылся между деревьями сада. Но Господь, желая и тутъ доказать человѣку, сколько Онъ о немъ заботится, сколько Ему пріятно видѣть его передъ лицемъ Своимъ, наслаждающимся всѣми дарованными благами, не дожидался воззванія къ Нему со стороны Адама, Онъ Самъ первый воззвалъ къ нему: „гдѣ ты? Гдѣ ты, любимое Мое твореніе, которому Я далъ все, которому доселѣ извѣстно было одно блаженство; ты, который постоянно восхвалялъ Меня твоимъ духомъ и въ истинѣ; ты, который жилъ въ исполненіи Моей воли и не помышлялъ совершать запрещенное Мною тебѣ одно дѣло—непослушаніе. Гдѣ ты?“ (пауза).

„Позвольте мнѣ, братія во Христѣ, предложить вамъ одинъ вопросъ: еслибъ въ эту минуту Господь сдѣлалъ каждому изъ васъ такое воззваніе: гдѣ ты? Какой отвѣтъ вы дали бы Ему?—„Гдѣ ты?“—на узкомъ ли пути, ведущемъ къ блаженству вѣчному, или на широкомъ—къ вѣчной погибили? „Гдѣ ты?“ — по правою Мою сторону или по лѣвую? „Гдѣ ты?“ между распинающими Христа или межъ омытыми кровію Его? „Гдѣ ты?“ въ числѣ мудрыхъ дѣвъ съ добрымъ запасомъ масла въ твоей лампадѣ, или въ числѣ безумныхъ? „Гдѣ ты?“ въ числѣ слугъ Господнихъ или слугъ маммоны? — Умоляю васъ, огланитесь на себя, одумайтесь, дайте себѣ въ этомъ ясный отвѣтъ, пока вы на землѣ, пока еще есть время“.

„Но вы, быть-можетъ, скажете: это было бы слишкомъ самонадѣянно съ моей стороны сказать, что я иду по узкому пути, что я стою по правую сторону Господа моего, что я запасся

масломъ для моей лампады, что я омытъ кровію Христа и считаю себя однимъ изъ слугъ моего Бога. Съ чувствомъ смиренія, я признаю себя грѣшникомъ, и только надѣюсь на милосердіе Божіе, такъ какъ я крещенъ и воспитанъ Христіанской Церковью".

„Позвольте же вамъ сказать, братія, что такое смиреніе ваше ложно, что оно внушено вамъ духомъ лжи,— тѣмъ духомъ, который и Адаму внушилъ мысль скрыться въ листьяхъ деревъ. Вы получили крещеніе, вы воспитаны въ христіанской церкви,— но гдѣ плоды этого? Вы изучили, иногда и читаете Слово Божіе, стало быть вамъ извѣстно, что человѣчество въ книгѣ жизни раздѣлено на двѣ части, и вы знаете чѣмъ одна различна отъ другой? Къ которой изъ нихъ вы себя причисляете? Не обманывайте себя: вспомните, что одинъ человѣкъ вошелъ въ чертогъ, гдѣ совершался брачный пиръ, онъ былъ званъ, но не облекся сперва въ брачную одеж-

ду—онъ думалъ, что ему достаточно своей, онъ разсчитывалъ на извѣстную всѣмъ доброту хозяина, онъ не принялъ одѣянія, которое восточные цари всегда давали своимъ гостямъ передъ ихъ входомъ во дворецъ — и онъ былъ выброшенъ вонъ. — Но вы скажете на это: какъ же я узнаю, гдѣ я стою? Конечно я молюсь Богу, утромъ и вечеромъ, хожу въ церковь, ежегодно причащаюсь Св. Таинъ, никому зла не желаю, а помогаю сколько могу своимъ ближнимъ.—Опять, братія, это только листья смоковничьи, а не брачная одежда. — Вы молитесь, но молитва — ни достоинство, ни качество, молитва прошеніе. Что же за заслуга прошеніе? Спрошу я васъ: когда нищій проситъ у васъ милостыню, — ставите ли вы ему это въ заслугу и станете ли вы хвалить его за это? Надѣюсь, не станете, да и не за что: онъ такъ поступаетъ потому, что чувствуетъ нужду, а самъ себѣ помочь не можетъ или не умѣетъ.

Точно также и вы молитесь Богу, потому что желаете получить то, чего вамъ не достаетъ. Это не заслуга. Вспомните слова Христа: „не всякій взывающій ко мнѣ Господи, Господи! внидетъ въ царствіе Небесное. Въ тотъ день нѣкоторые скажутъ мнѣ: Господи, развѣ мы не ѣли и не пили передъ лицемъ Твоимъ, развѣ Ты не пророчествовалъ на нашихъ улицахъ“ и проч. Но какой имъ отвѣтъ. Я никогда не зналъ васъ, идите отъ меня, дѣлающіе беззаконіе“ (пауза).

„Знаетъ ли васъ Христосъ, братія; знаете ли вы Его? — Вы скажете: кто же Его не знаетъ, мы вѣруемъ, что Онъ Сынъ Божій! — Но вѣдь и бѣсы это знали, и они громко признавали Его за Сына Божія, но тотчасъ же отъ трепета бѣжали, чтобъ скрыться отъ лица Его. — Позвольте же васъ еще спросить братія: вы ищете Его или скрываетесь отъ Него, какъ бѣсы, или какъ Адамъ, который послѣ паденія скрылся въ древесныхъ листьяхъ?

„Я знаю, что многіе изъ васъ ищутъ Его и скорбятъ сердцемъ, что не находятъ Господа Своего. Я знаю, что многіе изъ васъ нашли Его и радуются и веселятся душой, восхваляя имя Искупителя Своего, ходатая предъ Отцемъ Іисуса Христа, праведника. „Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши и не только за наши, но и за грѣхи всего міра.“ 1 посл. Іоан. глав. 2—1—2. „Прощены вамъ грѣхи ради имяни Его.“ 2—12. „А тѣмъ которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божіими, которые не отъ крови... но отъ Бога родились.“ Ев. І. гл. 1—12. 13. „Се, агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра“ ст. 29.

„Но я знаю также, что многіе изъ васъ не ищутъ Его и не хотятъ найти Его. Вы еще въ мірѣ, „который Его не позналъ“. Вы еще во „тмѣ, которой не объялъ свѣтъ“. Вы „Его не приняли“. Ев. І. 1 гл. 5—10—11“.

„Позвольте мнѣ сперва обратиться

къ тѣмъ, которые ищутъ Его и скорбятъ сердцемъ,—я къ вамъ обращусь съ этими словами: „что вы ищете живаго между мертвыми?“ Ев. Л. гл. 24—5. Вы думаете обрѣсть Его и услышать отъ Него: „миръ вамъ“. І. 24—36, если вы исполните нѣсколько добрыхъ дѣлъ, чаще будете ходить на общественную молитву, не будете дѣлать тѣхъ грѣховъ, которые считаются у людей за особенно тяжкіе,—словомъ, вы сшиваете опять смоковныя листья и покрываете ими наготу свою... Но эти листья вянутъ и сохнутъ и изъ подъ нихъ снова проглядываетъ ваша нагота; вы, какъ можете, чините этотъ лиственный покровъ, но онъ снова вянетъ и рвется, снова то тутъ то тамъ ветхо; снова прорѣхи; снова видна нагота; снова вамъ не чѣмъ закрыться... Вы ужасаетесь? А что если какъ разъ въ это самое время вдругъ раздастся голосъ: „Женихъ грядетъ!—какъ вы предстанете передъ Нимъ въ вашихъ лох-

мотьяхъ? (У слушателей тихое движеніе, проповѣдникъ продолжаетъ послѣ паузы) Иногда вы утѣшаетесь мыслію, что Богъ милосердъ, что за труды ваши Онъ найдетъ васъ достойными того мира, который Онъ обѣщаетъ и даруетъ своимъ чадамъ... Прекрасно! Но мира-то въ душѣ вы не чувствуете;—вы просите его и не получите, и все въ сердце вашемъ трепетъ и все скорбь въ вашей душѣ... и если Господь воззвалъ бы къ каждому изъ васъ: „гдѣ ты?“ Вы бы отвѣтили какъ Адамъ: „Господи! я убоялся гласа Твоего и скрылся“. Почему же это такъ, когда вы всякій свой день начинаете съ очень хорошими намѣреніями? Это потому, что путеводителемъ себѣ вы избрали свою или чью либо другую человѣческую теорію о святости жизни, и убѣдили себя, что своими похвальными, по вашему мнѣнію, дѣйствіями вы какъ будто по праву сдѣлаетесь достойными получить отъ Бога нѣкоторую по-

мощь и силу. Вамъ кажется, что лишь тогда этими совокупными средствами, при содѣйствіи всѣмъ извѣстнаго милосердія Божія вы только какъ нибудь и войдете въ царствіе Его. Если я скажу вамъ, что вы горько ошибаетесь, вы, быть можетъ, мнѣ не повѣрите, и будете правы,—я простой грѣшный человѣкъ, какъ всѣ, — но вопросимте у самого Бога: чего Онъ ожидаетъ отъ насъ и каково Его мнѣніе на счетъ рода человѣческаго на землѣ“?

„Бытіе VI — 5. „И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе людей на землѣ, что всѣ соображенія и помышленія сердца ихъ только зло во всякое время“. Быт. VIII—21. „Помышленія сердца человѣка зло отъ юности его“. 1 кн. царей: „нѣтъ человѣка, который-бы не грѣшилъ“. Іовъ XIV—4. „Кто создаетъ чистое отъ нечистаго? Никто“. Псаломъ XIV— 2—3. „Господь съ небесъ воззрѣлъ на сыновъ человѣковъ, чтобы видѣть,

есть-ли разумѣющій, ищущій Бога. Всѣ совратились съ пути, всѣ въ растлѣніи: нѣтъ творящаго добро, нѣтъ ни одного". Еклезіастъ VII—20. „Нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который-бы дѣлалъ добро и не грѣшилъ". Посл. къ Римл. Ап. Павла. V—12. „Посему какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ—смерть: такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили".

„Вотъ наше естественное положеніе предъ лицомъ Бога. Мы во грѣхѣ отъ юности нашей. Можетъ-ли молитва наша или добрыя дѣла омыть хотя единый грѣхъ? Ісаія I—15. „Когда вы простираете свои руки, Я удаляю отъ васъ взоръ свой: даже когда вы много молитесь, Я не слышу". Что-же, ужели мы погибли во вѣкъ, ужель ничѣмъ не можемъ умилостивить Бога нашего"?

„И на это найдемъ отвѣтъ: Исаія I—18. „Пріидите-же изслѣдуемъ съ

обѣихъ сторонъ, говоритъ Господь. Если грѣхи ваши какъ кармазинный цвѣтъ, то станутъ бѣлыми, какъ снѣгъ: если-же окрашиваютъ какъ червецъ, станутъ какъ волна". Но что-же мы принесемъ Богу какъ жертву для умилостивленія Его? ибо онъ сказалъ: Ис. I—11. „Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? Я пресыщенъ всесожженіями и не угодна Мнѣ кровь агнцевъ и козловъ". Намъ нечего Ему принести,—стало быть приношеніями нечего и думать Его умилостивить".

„Послушайте-же братія, какъ безмѣрна любовь Бога къ непокорнымъ созданіямъ Своимъ: Исаія XLIII—1. „Не бойся, потому что Я спасъ тебя,—ты Мой" 5. „Не бойся, ибо Я съ тобой" 25. „Я, Я, Самъ для Себя изглаживаю преступленія твои и не вспомню грѣховъ твоихъ". 1-е посл. Іоан. I—4. „И сіе пишемъ вамъ, чтобы радость ваша была совершенна". IV—14. „Отецъ послалъ Сына—Спа-

сителя міру". V—2. „Имѣющій Сына Божія имѣетъ жизнь, не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни". Позвольте теперь спросить васъ, братія: имѣете-ли вы прежде всего Сына Божія? Считаетъ-ли Его каждый изъ васъ своимъ Спасителемъ, своимъ Ходатаемъ, своимъ Искупителемъ? Отвѣчали-ли вы на Его воззваніе: „пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою Васъ"? Онъ призываетъ всѣхъ, и прямо призываетъ; а не говоритъ: „приносите еще съ собой ваши добрыя дѣла и молитвы, и когда запасетесь ими, Я тогда погляжу: достойны-ли вы быть Мною принятыми, несмотря на то, что вы труждались и были обременены". Нѣтъ; ничего этого нѣтъ въ Его словѣ: Онъ просто говоритъ: „пріидите всѣ"... „Онъ не переломитъ надломленной трости и не погаситъ потухающей свѣтильни". Ис. 42 — 3. „Се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра". Грѣхъ надломилъ вашу

душу, она потухаетъ, идите скорѣе къ Нему—„въ Немъ обрящете жизнь“.

„Но какъ идти ко Христу, что значитъ имѣть Сына Божія? спросите вы. „Взгляните на него со всѣхъ концовъ земли—и будьте спасены—говоритъ Господь“.

„Да, братія, взгляните сердцемъ, духомъ на сего распятаго Бого-человѣка—Его покинулъ Богъ-Отецъ, которому Онъ на землѣ всегда съ такою любовію повиновался; Его покинули ученики, которыхъ онъ призвалъ, освятилъ и обѣщалъ имъ престолы на небѣ; Его поругали, Его били и распяли Свои, потому что не приняли Его, и вотъ умирая позорной смертію, Онъ говоритъ: „Совершилось!“ Да, совершилось. Что-же это такое: „совершилось“—совершилось правосудіе Божіе; совершилось наказаніе грѣху міра, совершилось милосердіе Божіе,—искупленіе людей отъ вѣчнаго осужденія... И ты, человѣкъ, теперь „не бойся, только вѣруй“.

„Ужели, еслибы какія-бы то ни было добрыя дѣла или моленія, или исполненіе религіозныхъ обрядностей, могли совершить наше спасеніе, то ужели-бы Сынъ Божій покинулъ славу Свою, которую превѣчно раздѣлялъ съ Богомъ-Отцемъ и Духомъ Святымъ, и снизошелъ на нашу землю? Нѣтъ; одна Его кровь, одна она омываетъ грѣхъ міра“.

„Теперь взгляните на вашу наготу, на прокаженную душу, на ваше безсиліе бороться противъ грѣха, и сбросьте съ себя одѣяніе вашего издѣлія. Это препоясаніе изъ сухихъ листьевъ, которымъ вы даете громкое имя своихъ добрыхъ дѣлъ! Спѣшите просто на Его зовъ, преклоните колѣпа предъ Тѣмъ, кто такъ возлюбилъ васъ первый, и скажите Ему: „Величитъ душа моя Господа, и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасителѣ Моемъ! Вѣрую Господи! помоги моему невѣрію. Прими меня въ числѣ послѣднихъ слугъ Твоихъ“. —И

онъ облечетъ васъ въ брачную одежду, и Ангелы на небѣ встрепенутся отъ радости о васъ, и вы будете вписаны въ книгѣ жизни, ибо Сынъ освободилъ васъ отъ осужденія и рабства грѣха, и „гдѣ господинъ, тамъ будетъ и слуга Его". Молитвы-же ваши, изливаемыя прямо отъ сердца, будутъ только хваленіями и благодареніями, и такъ возлюбя Христа, вы возлюбите и ближнихъ, и будете трудиться для Славы Его. Тогда всѣ ваши труды и моленія, и всѣ добрыя дѣла и каждая чаша студеной воды, поданная требующему „во Имя Его", будутъ приняты Отцемъ Его и Отцемъ нашимъ, потому что кровію Христа мы „теперь чада Божіи!" И скорбь ваша превратится въ радость, и страхъ въ миръ душевный. Ибо вѣра возродила вашу душу. „Истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, то не можетъ увидѣть царствія Божія. Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего еди-

нороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную". Ев. I. III. 3—16.

„А вы, братія, христіане, вы, которые вкусили, сколь Господь благъ, помните, что Онъ, Спаситель вашъ, повелѣлъ вамъ „быть Его свидѣтелями"! Дѣян. I—8. „Вы соль земли". „Вы свѣтъ міра". „Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобъ они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго". „Да будете сынами Отца вашего Небеснаго". Матѳ. 5. 13—14—16—45. „Не бойся малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство!" Лук. XI—32. „Будьте-же и вы готовы: ибо въ который часъ не думаете, пріидетъ Сынъ Человѣческій"! Л. XII—40. „Горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ"! „Наблюдайте-же за собой". „Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противостоять всѣ противящіеся вамъ". „И будете

ненавидимы всѣми за Имя Мое“! Лук. XXI—15, 17.

„Въ заключеніе, позвольте спросить васъ: ненавидимы-ли вы свѣтомъ или въ ладу съ нимъ? О, если вы съ нимъ въ ладахъ,—бойтесь его суда; бойтесь прослыть глупцами, безумными, мистиками или фантазерами... Но плохіе вы въ такомъ случаѣ ученики Христа, и жалкіе вы Ему свидѣтели! Лучше я вамъ посовѣтую,—помните, что не высоко честили и самого Господа вашего и многихъ изъ лучшихъ Его послѣдователей! Вы знаете: „если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ все, что ему близко, не можетъ быть Моимъ ученикомъ. И кто не несетъ креста своего, и не идетъ за Мною, неможетъ быть Моимъ ученикомъ“! Лук. 14—20, 27. „Будьте-же исполнители слова, а не слушатели только обманывая самихъ себя“. „Храните себя неоскверненными отъ міра“. „Не злословьте другъ друга, братія“!

„Ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва". Посл. Іакова. „И такъ бодрствуйте на всякое время и молитесь"!

„Теперь обращусь къ другимъ, къ тѣмъ, которые самодовольно проживаютъ дни свои совсѣмъ безъ Христа, безъ мира душевнаго, безъ надежды на будущее! Вы зашли сюда, конечно, съ духомъ гордости; вы съ насмѣшкой и съ сожалѣніемъ смотрите на смиренныя души, ищущія Спасителя своего или нашедшія Его."

„Вы называете это экзальтаціей, сумасбродствомъ. Вы чувствуете себя не въ своей средѣ... вы, быть можетъ, остроумно критикуете простую смиренную рѣчь человѣка, слабо и плохо передающаго Слово Божіе... Вы, вѣроятно, находите, что тутъ ничего нѣтъ новаго!.. Да, въ этомъ вы правы: ничего новаго... Но вотъ уже XVIII столѣтій это не новое слово обновляетъ все ветхое: живитъ безжизненныхъ, будитъ заснувшихъ,

утѣшаетъ плачущихъ, прощаетъ грѣшныхъ и призываетъ глухихъ услышать благую вѣсть. Но вы не хотите идти на зовъ; вы боитесь быть въ числѣ этихъ, по вашему, простаковъ и безумцевъ. Вы говорите, что у васъ есть своя возстановленная религія, что вы молитесь по установленной формѣ, и чего-же еще надо! Но Господь читаетъ въ сердцахъ. Кому вы отдали ваше сердце—Ему или міру? По вашему—я знаю: выходитъ, что какъ будто вы даже одолжаете Бога, лепеча ему вашу молитву или оказывая какую-нибудь услугу вашему ближнему... Ужасное и жалкое состояніе!“

„Идетъ годъ за годомъ, одинъ за другимъ исчезаютъ съ лица земли ваши здѣшніе друзья, и смерть каждаго изъ нихъ васъ поражаетъ: вы какъ будто этого не ожидали; вы какъ будто думали, что смерть не должна касаться до нѣкоторыхъ людей. Настанетъ и ваша очередь уме-

реть... Быть можетъ скоро—быть можетъ гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете... Куда-же пойдетъ ваша душа? на вѣчный покой или въ вѣчный адъ? Но теперь, впрочемъ, принято говорить, что адъ не вѣченъ, что этого быть не можетъ... Какая ужасная дерзость! Какъ вы смѣете ставить Христа въ лжецы? Вѣдь это Онъ, Самъ Онъ вамъ это сказалъ, что будутъ муки вѣчныя! Что же если въ сію ночь возьмутъ у васъ вашу душу! Облеклись-ли вы въ брачную одежду? Все готово... сейчасъ, можетъ быть, сію минуту, пожалуй призовутъ одного или нѣсколькихъ изъ насъ! Одумайтесь, остановитесь, бѣдные братія; смѣйтесь надъ чѣмъ хотите, но можете-ли вы осмѣять Того, кто такъ возлюбилъ васъ, что положилъ жизнь Свою за васъ? Онъ ждетъ—онъ смиренно стоитъ и стучитъ въ дверь вашего сердца, говоря: „Чадо мое, дай мнѣ твое сердце“! (цитатъ неизвѣстный). Взгляни на руки Мои и вложи

твою руку въ ребра Мои: не оставайся долѣе невѣрующимъ—но вѣруй. „Блажени не видѣвшіе и увѣровавшіе!“ Но вы скажете: я не готовъ, прежде чѣмъ идти — слѣдуетъ мнѣ приготовиться. Всѣ ваши приготовленія — гниль. Онъ одинъ приготовитъ душу вашу и обновитъ ее. Или вы скажете: „погодите—я обдумаю это“. О, нѣтъ; о, умоляю васъ,—не раздумывайте, не уходите отсюда, не воззвавъ къ Нему—вѣдь вы не знаете, что можетъ случиться съ вами черезъ одинъ часъ, черезъ одну минуту! Вы такъ сообразительно и терпѣливо собираете себѣ сокровища на землѣ — ужель вѣчность не стоитъ, чтобъ вы о ней позаботились такъ-же сообразительно?“

„Дверь предъ вами растворена. Всякому дозволено войти въ чертогъ; но когда Хозяинъ затворитъ дверь— вы будете стоять за порогомъ и будете стучать напрасно... Дверь—Христосъ“.

„Идите къ Нему и принесите Ему ваши язвы: безвѣріе, непокорность, неблагодарность. Онъ все омоетъ Своей кровію и дастъ въ замѣнъ вѣру, смиреніе, любовь“.

„Идите къ Небесному Врачу, къ Спасителю вашему и нашему — къ единому Ходатаю человѣковъ. Не то, въ день страшнаго суда будетъ написано на вашемъ челѣ:

„И вы не захотѣли“! Лук. 13—34.

. . . .

XXV.

Экзотерическая часть проповѣди кончена и впечатлѣніе, произведенное ею на слушателей и особенно на слушательницъ самое разнообразное. Однѣ кажутся очень тронутыми и можетъ быть въ самомъ дѣлѣ тронуты: оно и понятно, такъ какъ они сейчасъ узнали, что „Господь возлюбилъ міръ и далъ за него Своего Сына“. Вы ясно видите, что это для нихъ совершенно неожиданная новость. Правда, что иные изъ нихъ какъ будто читали что-то такое въ этомъ родѣ въ своемъ дѣтствѣ, но это было такъ давно и съ тѣхъ поръ такъ хорошо позабыто — при томъ-же то „попъ говорилъ“ или въ русской книгѣ было напечатано; но попъ, что мо-

жетъ сказать хорошаго, а книга... Известно, что le papier souffre tout; а это лордъ сказалъ: это разумѣется гораздо достовѣрнѣе.

И радость ихъ весьма понятна: онѣ получили Христа и онѣ спасены!.. Ни что не позволяетъ вамъ думать, что они въ эту минуту притворствуютъ. Нѣтъ, онѣ увѣрены, что полчаса или четверть часа тому назадъ, при произнесеніи извѣстныхъ словъ Редстокомъ, между небомъ и салономъ, гдѣ онѣ собраны, произошелъ самый живой обмѣнъ сношеній о запискѣ нѣсколькихъ овецъ этого „малаго стада“ въ „книгу жизни“.

Они спасены и не замѣчаютъ, какъ они въ эти минуты похожи на католиковъ, только что получившихъ папскую индульгенцію не только на тѣ грѣхи, которые ими совершены въ прошедшемъ, но и на тѣ, кои по всей вѣроятности будутъ совершаться и въ будущемъ.

Это одна категорія, состоящая по

преимуществу изъ тѣхъ свѣтскихъ людей, которыхъ покойный Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ называлъ „жалкими, заблудившимися дѣтями“; — другая-же, имѣющая помазаніе раціонализма и гораздо болѣе многочисленная, находитъ, что вся эта проповѣдь Редстока просто скука, которою не стоитъ себя умнымъ людямъ неволить. Ихъ взглядъ таковъ, что „on ne sait ni qui meurt, ni qui vit, а пока живешь, надо искать того, что посущественнѣе!“ Среди этихъ дамъ тутъ же начинается движеніе и онѣ готовы къ отлету.

Редстокъ недоволенъ: нравда, онъ ничего не возражаетъ, mais il fait de plis; но дамы не обращаютъ на это вниманія и поднимаются какъ разъ въ то время, какъ тотъ хочетъ что-то говорить.

— Mesdames, mesdames, шепчетъ хозяйка: il proposa la question!

Но нетерпѣливыя дамы не внемлятъ и спѣшатъ sécouer le joug. Онѣ

уходятъ и тотчасъ же за порогомъ начинаютъ свою „очистительную критику“, въ которой зло достается и Редстоку, и тѣмъ, кто его „патронируетъ“.

Храбро держась самыхъ смѣлыхъ обобщеній, онѣ отъ разсужденій о Редстокѣ приходятъ къ безотраднымъ заключеніямъ, что для нихъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ достойныхъ проповѣдниковъ.

— Это ужасно, говорятъ онѣ находя, что Редстокъ прославленъ sans l'avoir mérité, а наши зарядили, что они будто одни во всемъ свѣтѣ хранятъ le symbole des Apôtres: и имъ этого невозможно выбить изъ головы.

— Да и ненужно выбивать, отвѣчаетъ другая: они уже получили benediction не стричь своихъ длинныхъ волосъ и бородъ, и теперь имъ остается только испросить benediction не обрѣзать ногтей, чтобы они уже совсѣмъ походили на дикихъ.

Этимъ требовательнымъ людямъ

не принесетъ утѣшенія ни длиннополый, ни куцый проповѣдникъ: но мы оставимъ ихъ ѣхать куда они знаютъ,—„гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“ и вернемся къ тѣмъ болѣе согрѣтымъ, которые „получивъ Христа“ остались слушать вторую часть редстоковской проповѣди, — часть эсотерическую,—гораздо болѣе непосредственную и курьезную.

Желая передать эту бесѣду какъ можно точнѣе, я излагаю ее по-французски, какъ она была проговорена самимъ Редстокомъ и записана для этого очерка самымъ аккуратнымъ образомъ.

Проповѣдникъ и его „малое стадо“ опять помолились; короткій пиджакъ опять совершилъ вкратцѣ свое восхожденіе и нисхожденіе; Редстокъ сѣлъ, привалился, развернувъ Библію и начинаетъ.

„Genèse, chap: 3, 8 „Et ils entendirent la voix de Iéhova Dieu, qui se promenait au jardin, dans l'après-midi, et Adam et sa fem-

me se cachèrent de la face de Iéhova derrière les arbes du jardin". 9) „Et Iéhova appelant Adam, lui dit: Adam, où est tu?" 10) Il repondit: „J'ai entendu ta voix dans le jardin et j'ai eu peur, parceque je suis nu!" (Библія закрывается и проповѣдникъ начинаетъ говорить отъ себя):

„Et bien, nous sommes tous comme cela! Car, si Christ venait au milieu de nous—(полушопотомъ)—disons ce soir, disons à neuf heures, serions nous contents? (Дамы начинаютъ шевелиться и смотрятъ, гдѣ часы и который на нихъ часъ?)

Вопросъ остается открытымъ. Л. Редстокъ всматривается проницающимъ взоромъ въ окружающихъ его дамъ, которыя не знаютъ, что ему отвѣчать, и хранятъ благоговѣйное молчаніе. Но вотъ одна изъ нихъ, даже не особенно живая, а, напротивъ, довольно апатичная, очень большая и очень тучная матрона, съ темнымъ лицемъ и необыкновеннымъ жировымъ возвышеніемъ на плечахъ, ко-

торое похоже на покрытые платьемъ эполеты, съ чего-то вдругъ вышла изъ своей апатіи и произноситъ басомъ *).

— Certainement! **)

Редстокъ такъ и подскочилъ и неожиданно рѣзкимъ, громкимъ голосомъ крикнулъ ей:

— Non!

Дамы вздрогнули и какъ бы мгновенно сознавъ, что онѣ дѣйствительно не были бы довольны, если бы Христосъ пришелъ къ нимъ въ этотъ вечеръ, бросили взглядъ нѣкоего укора на массивную, темнолицую даму съ эполетами, дескать: „Чего это выскочила? очень тебя спрашивали!“

— Avons-nous Christ ***)? снова спра-

---

*) И вотъ мы всѣ таковы! Потому что,—скажемъ такъ—если-бы Христосъ явился между нами въ этотъ самый вечеръ,—скажемъ такъ, напримѣръ,—сегодня... въ девять часовъ: были-ли бы этимъ довольны?

**) — Конечно.

— Нѣтъ.

***) — Имѣемъ-ли мы Христа?

шиваетъ лордъ и снова ждетъ отвѣта; но дамы были уже проучены и ни одна изъ нихъ не отвѣчала: за то многія, отъ переживаемой ими тревоги и волненія, начинаютъ всхлипывать и даже плакать, болѣе или менѣе граціозно закрываясь батистовыми платками. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаютъ это совершенно какъ Гретхенъ, плачущая у фонтана.

Редстокъ, повидимому, доволенъ произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ и продолжаетъ:

— Cherchez et vous trouverez! *) (пауза).

— Les oeuvres de l'homme sont mortes!! (покачивая головою, повторяетъ однимъ придыханіемъ). Oui, mortes!

(Вздохъ, пауза, тонъ перемѣняется и рѣчь идетъ въ духѣ добродушнаго разсказа).

— J'aiz connu un officier de la cavalerie,— il ne croyait pas, il n'avait pas le Christ.

---

*) — Ищите и вы найдете.
— Дѣла человѣка мертвы,—да, они мертвы.

Ses parents aussi ne croyaient pas (съ ужасомъ) ils n'avaient pas Christ! (грустно) Oui, ils n'avaient pas Christ!!! Personne!— Un jour, cet officier me demande:

— „Comment faire pour avoir Christ?"

— Je lui dis: Cherchez!

— „Comment?"

— Trouvez!

— „Comment et où chercher"?

— Frappez et on vous ouvrira!

Au bout de dix minutes, il avait trouvé Christ. (Общее удивленіе и нѣкоторыя дамы еще сильнѣе плачутъ). Mais ses parents restaient athées. (Еще сильнѣе плачутъ). Voilà qu'un jour il brisa par hasard un miroir, se blessa à la main jusqu'au sang! Alors il prit ce sang et en fit une empreinte sur le mur et il dit: *)

---

*) — Я зналъ одного молодого кавалерійскаго офицера, который не вѣровалъ и не имѣлъ Христа. Его родители тоже были невѣрующіе, — въ нихъ тоже не было Христа.—Да, въ нихъ не было Христа ни въ комъ! Однажды этотъ офицеръ спросилъ меня: «Что нужно сдѣлать, что бы имѣть Христа?» Я говорю: ищите!—«Какъ?»—Обрѣтайте. «Но какъ и гдѣ искать?»—Стучите и вамъ отворятъ...

(Торжественно) „Que ce sang soit pour vous, comme le sang de Christ!!! **(Пауза).** Trois semaines après, il etait mort!“ **(Дамы не знаютъ что теперь дѣлать?—проповѣдникъ продолжаетъ).** En regardant ce sang sur le mur, ils pensaient à leur fils.

(Пауза, за которою начинается новая исторія).

— Un jour, j'ai connu aussi une jeune fille, **(укоризненно)** qui aimait le monde

---

И черезъ десять минутъ онъ имѣлъ Христа. — Но его родители оставались атеистами. И вотъ въ одинъ день этотъ офицеръ по неосторожности разбилъ зеркало и поранилъ себѣ имъ до крови руку, при чемъ маленькій кровавый слѣдъ остался на стѣнѣ. Молодой офицеръ сказалъ:

«Да будетъ вамъ эта кровь подобіемъ крови Христа»... Три недѣли спустя онъ умеръ, и его родители, глядя на оставшуюся на стѣнѣ кровь молодаго человѣка, вспоминали о своемъ сынѣ...

Я зналъ также одну молодую дѣвушку, которая очень любила свѣтъ и балы. Она совсѣмъ не думала о Христѣ. Однажды мы были съ нею въ лѣсу и она меня спросила: «Что дѣлать чтобы имѣть Христа?» Я ей сказалъ: ищите. Она меня спросила: «Какъ» Я отвѣчалъ ей: обрѣтайте. Въ эту минуту проходила служанка возлѣ ограды. Я ее останавливаю: Если бы вѣчность была по ту сторону ограды, переступили-ли бы вы туда, спросилъ я ее. «Нѣтъ», отвѣчала она.

et les bals. Elle ne pensait jamais à Christ. Un jour j'etais avec elle dans un bois auprès d'une barrière; elle me demanda:

— „Comment faire pour avoir Christ".

Je lui duis: Trouvez!

En ce moment une servante passait près de la barrière. Je l'arrete:

— „Si l'Eternité était de l'autre côté de la bairrière, lui dis-je, la franchiriez-vous?"

Elle me dit: „Non!"

Alors je m'adressais à la jeune fille, je lui parlais et au bout d'une demie heure, elle avait Christ!!! *)

(Пауза, впечатлѣніе потрясающее):

L'Evangile est un message, un télégramme du Ciel!

Les oeuvres de l'homme sont mortes! dit Lévitique — Dans l'apocalypse Chap. III vers XVI „Comme tu n'es ni froide, ni bouillante, je te vomirai de ma bouche".

Dieu nous voit du Ciel. Christ est au Ciel, comme la famille impériale dans sa loge.

---

*) Тогда я обратился къ молодой дѣвушкѣ поговорилъ съ нею и черезъ полчаса она имѣла Христа.

Si Christ frappait à notre porte et nous demandait à souper, que Lui offrirons nous? Nos pèchés!!! (**съ ужасомъ**) Oui, nos pèchés!! Et bien, prions pour tous ceux, qui ne sont pas lavée, pour tous ceux, qui ne sont pas sauvés!!! *)

Редстокъ встаетъ съ мѣста, чтобы молиться, всѣ дѣлаютъ то же, при чемъ къ неудовольствію однихъ и къ забавѣ другихъ оказывается, что дама въ эполетахъ, сидя въ тѣни за жардиньеркой, слегка вздремнула. Это, впрочемъ, ни кого не смущаетъ: Редстокъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ на чужихъ проповѣдяхъ въ Англіи и

---

*) Евангеліе это есть посланіе,—это телеграмма съ Неба. Дѣянія людей мертвы, говоритъ Левитъ. Въ Апокалипсисѣ (гл. 3, стр. 16) «Поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ: то извергну тебя изъ устъ моихъ». Богъ видитъ насъ съ неба. Христосъ въ небесахъ, какъ царская фамилія въ своей ложѣ. — Если бы Христосъ постучался въ нашу дверь и попросилъ бы у насъ поужинать, что бы мы ему предложили? Наши грѣхи. Да, наши грѣхи! Помолимся же за всѣхъ тѣхъ, которые не омыты отъ грѣховъ, помолимся за всѣхъ, которые не спасены!

самъ тоже спитъ. Даже приглашенный однажды на богословское собраніе къ одному изъ нашихъ соотечественниковъ онъ преспокойно захрапѣлъ въ креслѣ и когда его разбудили, прямо заговорилъ объ оправданіи.

Но вотъ онъ оборачивается лицемъ къ спинкѣ кресла, на которомъ сидѣлъ, становится на колѣни, кладетъ локти на сидѣнье и склонясь головою, начинаетъ молиться, при чемъ нарочито куцый пиджакъ его еще рѣшительнѣе всбирается ему на спину, но стоящія сзади проповѣдника дамы уже привыкли къ этому и не опускаютъ внизъ взоры... Молитва кончена; Редстокъ всталъ, пиджакъ его опустился на свое мѣсто и проповѣдникъ держитъ окончательное слово:

— „Voulez vous savoir, si vous avez Christ? Ce soir, en vous couchant, prenez deux petits papiers, decoupez les en forme de drapau, écrivez sur l'un: „Je suis avec Christ“, sur l'autre: „Je ne suis pas avec

Christ“; mettez les sur le bord de votre lit, et en vous reveillant lisez-les.—Amen! “*)

Эсотерическая бесѣда кончена; проповѣдникъ остается только съ избранными лицами, а остальная публика расходится, и у нея начинаются своего рода „сцены у параднаго подъѣзда“, которыя прекрасно характеризуютъ ихъ настроеніе и выносимыя ими отсюда впечатлѣнія.

---

*) Хотите ли вы знать: имѣете ли вы Христа? Сегодня ложась спать возмите два маленькіе кусочка бумаги и вырѣжте ихъ въ видѣ знамени. Напишите на одномъ: «Я со Христомъ», а на другомъ: «Я не со Христомъ». Положите эти бумажки на край вашей постели и проснувшись прочтите ихъ. Аминь».

XXVI.

Дамы и мужчины выходятъ тихо, шеренгою и сейчасъ же оживляются, генералъ настигаетъ въ большой установленный растеніями галлереѣ даму съ эполетами и ломая церковно-славянскій языкъ, говоритъ ей шутя:

— А вы ни единаго часа не возмогостили побдѣти!

Дама поняла, что это относится къ ея легкой дремотѣ и отвѣчаетъ:

— Tout au contraire... даже совсѣмъ напротивъ, я все очень прекрасно слушала, и нашла что все это, что онъ говорилъ, что Dieu a composé l'homme d'un corps et d'une âme... c'est auss mon idée... это все настоящая правда.

Но только о немъ о самомъ... on peut dire, que c'est un esprit borné.

— Вы это находите?

— Да; это такъ положительно, какъ я съ вами теперь говорю: всѣ замѣтили, что il a l'air égaré.

— Такъ вы его къ себѣ не пускайте.

— Ну, это невозможно потому что les étrangers sont bien reçus en Russie et ma porte n'est fermée à personne, но я буду настоять всѣмъ, что il faudra absolument y retoucher.

— Это вы прекрасно сдѣлаете. А бумажки, какъ онъ совѣтовалъ, вы, я думаю, все-таки дома напишите и положите ихъ съ собою?

— „Je crois que oui, ну а только я ихъ не положу на кровать, а въ образникѣ, гдѣ у меня есть крестъ съ мощами. А какъ вы думаете: его теперь здѣсь будутъ кормить?

— Фуй, нѣтъ, — его ни чѣмъ не кормятъ.

— Certainement?

— Конечно; il vit de la grâce de Dieu:

замѣчаетъ язвительно генералъ и, обращаясь къ двумъ молодымъ дамамъ, шепчетъ:

— Зачѣмъ она сюда пріѣзжала?

Дамы смѣются. Одна изъ нихъ, очень веселая, замѣчаетъ генералу, что онъ вѣроятно набралъ здѣсь очень много матеріала для своего остроумія.

— Помилуйте, что тутъ для моего остроумія: je regrette beaucoup ne pas connaitre le dessein, car j'aurais envoyé quelque chose à „Стрекоза".

— Qui est ce que c'est Strekoza?

— Какъ: „qui est ce que c'est Strekoza" смѣется генералъ: c'est le titre d'un journal illustré.

— Tient, c'est parfait, восклицаетъ дама, замѣчая, что у нихъ кажется получается la Strekoza, но идущая возлѣ нее молодая дѣвушка ее поправляетъ, что журналъ, который они получаютъ называется не „Стрекоза", а „Кругозоръ".

— A oui, соглашается дама: nous recevons le „Strekozor“.

— „Стрекозоръ“! подхватываетъ генералъ.—Это превосходно, и весело водя генеральскими глядѣлками, онъ выходитъ на подъѣздъ, около котораго бѣгаютъ нѣсколько лакеевъ и ех-раввинъ, въ шинели съ сторожковымъ воротникомъ и въ сдвинутомъ на затылокъ цилиндрѣ. Онъ суетится во что бы то ни стало услужить плечистой дамѣ и, замѣтивъ ея карету, говоритъ:

— Я сейчасъ отыщу вашу пидводу,—я ее сейчасъ приведу.

— Онъ бѣжитъ и дѣйствительно сразу же отыскиваетъ „пидводу“, въ которую дама усаживается и уѣзжаетъ.

За нею усаживаются въ свои кареты другія.

— Будете завтра въ Удѣлахъ? говоритъ одна дама другой, занося ногу въ экипажъ.

— Не знаю, боюсь опоздать.

— А я во всякомъ случаѣ пріѣду хоть къ концу, pour faire mon „Gospodi pomilui“.

На дворѣ морозъ, гладко накатанный снѣгъ скрипитъ подъ холодными шинами; озябшія лошади прыгаютъ, кучера кричатъ и кареты одна за другою выѣзжаютъ изъ глубокаго двора на улицу. На поворотѣ карета генерала обгоняетъ другія, онъ высовывается въ окно и кричитъ дамамъ:

— „Sauve qui peut!“

Изъ дамскихъ каретъ раздается веселый хохотъ и вы чувствуете, что для нихъ этимъ все и кончено.

Но вотъ два человѣка, которые очевидно еще полны впечатлѣній: это два мужчины,—одинъ тонкій и длинный въ енотѣ,—другой толстякъ въ американскомъ медвѣдѣ.

Они идутъ пѣшкомъ и все пріостанавливаются.

— По моему—не дурно, говоритъ енотъ.

— Ничего не понимаю, отвѣчаетъ медвѣдь.

— Чего же вы не понимаете?

— Я ничего не понимаю.

— Странно: а я нахожу, что вотъ это только напрасно: зачѣмъ они вывѣсили о куреніи?

— Что такое?

— А вотъ эти таблички, что „курить воспрещается“.

— Гдѣ же вы это видѣли?

— А по стѣнамъ... въ нѣсколькихъ мѣстахъ было.

— Какой вздоръ!

— Право было.

— Это тексты вывѣшены.

— Тексты!

— Разумѣется тексты.

— А я, вообразите, все думалъ, что это „просятъ не курить“.

— Отчего же вы не прочитали?

— Да, такъ знаете, какъ-то думалъ: вѣрно „курить воспрещается“.

И эти уходятъ: дворъ совершенно пустѣетъ и швейцаръ съ недоволь-

ною миною гаситъ газовые рожки на подъѣздѣ.

Теперь мы видѣли всю публику и намъ остается проводить самого проповѣдника. Разскажу это, какъ слышалъ.

XXVII.

Черезъ десять минутъ, на ступеняхъ этого же темнаго теперь подъѣзда показываются двѣ фигуры: коренастый уваленъ въ длинномъ капотѣ съ свернутымъ и неискусно положеннымъ на плеча пледомъ и высокій господинъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ.

Это Редстокъ и его провожатый. Послѣдній предлагаетъ лорду сѣсть въ карету, но проповѣдникъ просится позволить ему идти пѣшкомъ.

Онъ очевидно усталъ;—ему хочется пройдтись и подышать свѣжимъ воздухомъ, и, можетъ быть, по пути сунуть кому придется книжечку Евангелія, которыми полны оба отдувающіеся карманы его капота. Съ этою

цѣлію онъ не вынимаетъ рукъ изъ кармана, отчего ни чѣмъ не поддерживаемый пледъ его постоянно сползаетъ съ плечъ и волочится.

Пройдя очень глубокій дворъ путники выходятъ рѣшетчатыми воротами на улицу и поворачиваютъ по ярко освѣщенному широкому тротуару направо.

Обыкновенно столь людная улица въ это время почти пуста, только извощики, какъ зайцы, грѣются попрыгивая и поколачивая лапкой объ лапку, да нѣтъ, нѣтъ, звонко стуча каблучками на подковкахъ, пробѣжитъ щепеткою походкою одна или двѣ женщины съ „безпокойною лаской во взорѣ и застывшею краской ланитъ“. Одна изъ нихъ несется прямо на Редстока и глядя на его распустившійся пледъ, весело замѣчаетъ:

— Папашка, не потеряйте вашу попону!

Редстокъ быстро освѣдомляется у

своего спутника, что такое она ему сказала и посылаетъ ей кроткое:

— Merci, mon enfant, и идетъ далѣе. Онъ идетъ молча держа свои руки въ карманахъ, полныхъ книжками св. Евангелія и... вдоль одной щеки его бѣжитъ и стынетъ на морозѣ дрожащая слезинка.

О чемъ онъ плачетъ? такъ ли съ холоду, или можетъ быть объ этой „fille de demoiselle“, которая предостерегла его отъ потери его „попоны“. О! онъ навѣрное хотѣлъ бы подарить ей книжечку Евангелія и поговорить съ нею такъ, чтобы au bout d'une demie heure elle avait Christ... И кто знаетъ, читатель: можетъ быть его мечтательная надежда и не совсѣмъ суетна; можетъ быть, „будь у него язычекъ“, онъ бы и спасъ хоть одну изъ этихъ несчастныхъ, для спасенія которыхъ мы съ вами во всю нашу жизнь навѣрное ни чего не сдѣлали? Во всякомъ случаѣ, глядя на него становится очень отрадно: вы ни минуты не сомнѣ-

ваетесь, что этотъ человѣкъ живетъ духомъ и любитъ людей всѣмъ сердцемъ, и когда онъ, пожавъ руку своему проводнику, скрывается за тяжелою, рѣзною дверью отеля, вы чувствуете, что вы разстались съ самымъ, добрымъ и самымъ искреннимъ человѣкомъ изъ всѣхъ тѣхъ людей, среди которыхъ случай привелъ васъ наблюдать его.

Если въ васъ сильны впечатлѣнія дѣтства, то проводивъ Редстока, вы какъ бы чувствуете то самое, что вѣроятно чувствовали впервые дочитавъ главу Донъ-Кихота, гдѣ описанъ отъѣздъ рыцаря послѣ претерпѣнныхъ имъ неудачъ въ тавернѣ. Онъ не видитъ дѣла, какъ оно есть, для него оно таково, какъ онъ себѣ представлаетъ. Пусть онъ смѣшонъ для многихъ, но какъ онъ счастивъ и какъ онъ благороденъ! Онъ уѣзжаетъ съ мѣднымъ цирюльничьимъ тазомъ на головѣ отъ превосходящихъ его пониманіемъ современной мудрости прак-

тиковъ и все-таки онъ, этотъ Донъ-Кихотъ проповѣдничества, уноситъ съ собою всѣ симпатіи добраго сердца. Что ни говорите, а онъ слуга идеала вѣчнаго, и живая душа не можетъ не простить ему за его искренность всѣ его невинныя странности. Пусть въ его представленіи Христосъ помѣщается „au Ciel, comme la famille impèriale dans sa loge“, но что до того, когда это представленіе даетъ ему нравственную силу жить, памятуя безпрестанно, что на него смотритъ изъ своей „ложи“ Тотъ, котораго онъ такъ восторженно и такъ нѣжно любитъ, что ни за что не рѣшится Его ничѣмъ огорчить сознательно.

Онъ рабъ, усердно работающій на вѣсь тотъ талантъ, какой получилъ отъ своего Владыки; а если малъ этотъ талантъ и не велико искусство, съ которымъ онъ имъ орудуетъ, то это уже не его вина, и не намъ корить его за это. Общій Отецъ нашъ, по превосходному выраженію Златоуста (въ огла-

сительномъ словѣ) не только „дѣла пріемлетъ, но и намѣренія цѣлуетъ“; а намѣренія этого человѣка до сихъ поръ, кажется, ровно никѣмъ съ доказательностію не опорочены.

Въ мірѣ зла, среди нынѣшней въ отчаяніе приводящей безцеремонности въ обращеніи съ чужою репутаціею это, по моему, уже равно одобренію.

Окончивъ съ лордомъ Редстокомъ, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о практическихъ результатахъ его дѣятельности въ той русской средѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ и гдѣ плоды его посѣва теперь уже успѣли довольно обозначиться.

XXVIII.

Представивъ нѣсколько слушателей лорда Редстока, для которыхъ его проповѣдь навѣрное не болѣе какъ забава, или много что пріятное потрясеніе нервовъ, я долженъ сказать, что отнюдь не таковы всѣ его слушатели. Для многихъ реставрированный Редстокомъ изъ стараго схоластическаго архива вопросъ объ оправданіи имѣлъ свое значеніе. Въ обществѣ теперь доводится встрѣчать не мало „осчастливленныхъ благою вѣстью" о томъ, что онѣ оправданы и спасены. Всѣ эти по своему счастливые люди не только сами блаженствуютъ, но и заботятся объ умноженіи блаженныхъ въ Россіи. Они проповѣдуютъ оправданіе вѣрою членамъ своихъ се-

мействъ, своей домашней прислугѣ, своимъ знакомымъ, если тѣ имѣютъ охоту ихъ слушать, и вообще всѣмъ, съ кѣмъ входятъ въ сколько-нибудь близкія соотношенія. Блаженные этого рода, по преимуществу дамы, пробираются въ семьи бѣдныхъ, которыхъ они посѣщаютъ, сколько для вещественнаго благотворенія, столько же, если не болѣе, для просвѣщенія духовнаго. Онѣ проникаютъ въ госпитали, въ тюрьмы, въ ночлежные пріюты, и въ послѣднее время стали пробираться даже въ лагери. По правдѣ говоря, въ большинствѣ случаевъ все это болѣе похоже на рукодѣлье отъ бездѣлія, чѣмъ на настоящее христіанское дѣло: вещественная помощь приносимая проповѣдницами бѣднякамъ совершенно ничтожна, а заботы исправить поврежденные пути жизни еще менѣе состоятельны. Но ихъ это, къ сожалѣнію, вовсе не смущаетъ. Вся ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы втолковать несчастнымъ людямъ,

что Богъ ихъ такъ возлюбилъ, что далъ за нихъ Сына Своего и если они Его возлюбятъ, то они уже оправданы и спасены. Проповѣдницы ожидаютъ, что бѣднымъ людямъ сейчасъ же послѣ этого станетъ чудо какъ легко и весело, и когда имъ это не удается (а это имъ почти всегда не удается), то они сердятся какъ избалованныя дѣти: де-скать „мы вамъ играемъ а вы не пляшете“ (Мѳ. II, 16. 17. Лк. 7, 32). Онѣ претендуютъ на грубую русскую натуру, которая морщится тогда, когда имъ, этимъ нервнымъ дамамъ такъ хочется, чтобы всѣ улыбались. Это какая-то невыразимо противная религіозная маниловщина, которой нѣтъ силы слушать безъ того, чтобы въ душѣ не закипало самое горькое чувство. Бѣдные люди, которыхъ касается это обвиненіе, гораздо лучше знаютъ, что имъ нужно для ихъ спасенія: они слушаютъ проповѣдницъ иногда даже съ большимъ вниманіемъ и понимаютъ, что тѣ

имъ толкуютъ, но не могутъ принять ихъ обольстительной теоріи оправданія потому, что эта теорія не сродна простой душѣ, молящейся словами: „Господи! помилуй меня грѣшную.„

— Престранные люди наше простонародье, говорила мнѣ одна изъ проповѣдницъ: у нихъ все навыворотъ.

— Какъ такъ? спрашиваю.

— Неужто вы этого не замѣчали?

— Не замѣчалъ.

— Вы вѣрно не имѣли съ ними прямыхъ сношеній: пока съ ними не столкнешься лицемъ къ лицу, невозможно всего и представить, какъ они тупы, упрямы и безтолковы. У нихъ не такъ, какъ у насъ, и всякое впечатлѣніе выходитъ наоборотъ. Мы напримѣръ огорчаемся, когда Редстокъ начинаетъ проповѣдывать, и потомъ всѣ бываемъ очень счастливы и радуемся, когда онъ скажетъ намъ

о спасеніи; а у простонародья и это все наоборотъ.

— Какъ же у нихъ?

— Ахъ, это очень глупо: они начинаютъ слушать Евангеліе съ удовольствіемъ, и радуются: говорятъ „почитай, почитай“, а какъ начнешь имъ читать, они вмѣсто того чтобы радоваться, начинаютъ вздыхать, задумываются и наконецъ такъ огорчатся, что уже совсѣмъ и не слушаютъ толкованія.

Въ этомъ наивно выраженномъ и безъ всякихъ прикрасъ мною передаваемомъ характерномъ замѣчаніи великосвѣтской проповѣдницы, мнѣ кажется превосходнымъ образомъ характеризована разноспособность усвоенія Слова Божія русскою дамою и русскимъ простолюдиномъ. Одна все радуется, что Онъ за нее уже все отстрадалъ и дѣло ея спасенія кончено, а другой, чѣмъ больше въ это углубляется, тѣмъ болѣе „огорчается“, что самъ онъ внутренно такъ

плохъ и недостоинъ совершившейся на Голгоѳѣ великой жертвы. И въ то время когда если не на устахъ, то въ сердцѣ совсѣмъ оправданной дамы слагается благодареніе за то, что она „не такова какъ сей мытарь“,—этотъ грубый человѣкъ смиренно вздыхаетъ: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному“.

Я очень счастливъ, что меня ничто не обязываетъ выражать своего мнѣнія о томъ: кто изъ этихъ вѣрителей скорѣе будетъ оправданъ и вѣрнѣе управитъ себя въ жизнь вѣчную; но, впрочемъ, не хочу потаить что я немножко спокойнѣе за мужика, который „огорчается“ въ то время, когда редстоковская дама начинаетъ „радоваться“. Однако желаю добраго пути имъ обоимъ.

Проповѣдники и проповѣдницы этого сорта и составляютъ самое ядро такъ-называемаго „великосвѣтскаго раскола“, но насколько это ядро крѣпко и могутъ ли эти теоретики прове-

сти въ православный міръ свое ученіе, на это я опять отвѣчать не буду. Думаю однако, что трудно имъ успѣть въ этомъ, и онѣ скоро убѣдятся, что между ними и народнымъ вѣрованіемъ лежитъ пропасть, которой православно вѣрующій человѣкъ никогда не захочетъ перелѣзать для того, чтобы стать на чужую сторону, гдѣ ни неба, ни земли, а только одна зыбь поднебесная и на ней лордъ Редстокъ, словеса испущающій...

Нѣтъ, этотъ чаровникъ насъ собой не очаруетъ.

XXIX.

Самый лучшій сортъ слушателей Редстока есть не теоретики, а практики. Это люди, которыхъ впрочемъ гораздо менѣе удобно считать учениками Редстока, чѣмъ просто его собесѣдниками и друзьями. Правда, что они находятъ много духовнаго въ самомъ Редстокѣ и согласны съ нимъ въ его взглядѣ на оправданіе; но они отнюдь не расходятся и съ церковью, и даже многіе изъ нихъ остаются ея усердными радѣльцами. Таковъ напримѣръ графъ ***, человѣкъ весьма замѣчательныхъ способностей, обширнаго образованія и хорошій знатокъ не только Библіи, но и отеческихъ писаній. Это весьма извѣстное лицо, еще такъ недавно

занимавшее одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ государственной іерархіи; онъ теперь живетъ въ своихъ обширныхъ родовыхъ помѣстьяхъ, хозяйничаетъ и неутомимо изучаетъ Св. Писаніе и творенія св. Отцевъ. Онъ весь занятъ религіознымъ просвѣщеніемъ окрестныхъ крестьянъ, и занятъ этимъ съ страстнымъ увлеченіемъ, къ которому способна его энергическая и настойчивая натура. Успѣхи его вѣроятно отвѣчаютъ его усиліямъ, потому что онѣ замѣчены уже епархіальнымъ архіереемъ, который и предложилъ графу проповѣдывать въ церкви, для чего изъявилъ охотно желаніе дать ему стихарь. Это многимъ извѣстно и я вполнѣ ручаюсь за справедливость того, что я пишу. Въ Петербургѣ говорятъ, что будто преосвященный подсмѣялся надъ графомъ и примѣнилъ къ нему тотъ методъ, который остроумный С. А. Хрулевъ совѣтывалъ примѣнить къ русскимъ нигилистамъ, т.-е. „дать

имъ всѣмъ по ордену на шеи.“ Сдѣлать стихарь для редстокиста тѣмъ же, чѣмъ Хрулевъ думалъ сдѣлать для нигилиста орденъ, довольно смѣшно и можетъ быть даже остроумно; но въ данномъ случаѣ нельзя допустить такой шутки: дѣло было вполнѣ серьезно и оно еще можетъ и состояться. Былъ-же у насъ извѣстенъ оригиналъ, который носилъ стихарь и даже въ бумагахъ подписывался: „дѣйствительный статскій совѣтникъ и пономарь“. Моя мать была выбрана крестьянами села Добрыни въ старостихи при постройкѣ церкви и хотя это было нельзя, однако это было оставлено, будто какъ „можно“. Графъ по нѣкоторымъ соображеніямъ теперь долженъ былъ отклонить сдѣланное ему епископомъ предложеніе, но онъ его не отвергъ... и можетъ быть приметъ, хотя, впрочемъ, желательно было бы, чтобъ онъ не спѣшилъ съ этимъ и всесторонне взвѣсилъ выгоды своего учительства въ стихарѣ и

въ обыкновенномъ платьѣ... Но впрочемъ это его дѣло. Насъ же не можетъ не интересовать одно, что этотъ человѣкъ до своего сближенія съ Редстокомъ былъ безъ всякой религіи.

XXX.

За этимъ лицомъ можно указать на другихъ людей великосвѣтскаго круга, которые тоже энергически идутъ путемъ христіанскаго преуспѣянія.

Вотъ напримѣръ дѣвица, княжна очень хорошаго рода, ея мать еще и теперь принадлежитъ свѣту, а ея родной братъ управляетъ обширнымъ и богатѣйшимъ краемъ. Она имѣла всѣ права и всѣ шансы, чтобы жить, пользуясь всѣми выгодами своего достатка и положенія, и она это отвергла. Взявъ просто извѣстныя слова Христа, эта дѣвушка послѣдовала за Нимъ очень прямодушно: она отказалась вовсе отъ свѣта; все свое достояніе употребила на устройство общины въ одномъ селѣ П—ской гу-

берніи и сама значительную часть жизни проводитъ съ собранными ею въ эту общину сестрами изъ бѣдныхъ простолюдинокъ, довольствуясь одинаковою со всѣми ими пищею и помѣщеніемъ. Она не устраняется въ общинѣ отъ самыхъ черныхъ работъ; а также обучаетъ бѣдныхъ дѣтей грамотѣ; лѣчитъ больныхъ и читаетъ крестьянамъ Слово Божія, съ которымъ имѣетъ весьма основательное знакомство. При общинѣ у нея есть священникъ и она исполняетъ всѣ уставы православной церкви, хотя и находитъ большую пользу и удовольствіе въ бесѣдахъ пастора Дальтона, Редстока и другихъ религіозныхъ людей протестантскаго духа.

Собственный духъ ея вотъ каковъ: лютою зимою позапрошедшаго года одинъ кондукторъ третьеклассваго вагона Варшавской желѣзной дороги былъ призванъ проѣзжавшими мужиками убрать окоченѣвшую отъ холода женщину, которая, встрѣ-

тивъ на одной изъ станцій дрогнувшую въ лохмотьяхъ дѣвочку, сняла съ себя пальто, и отдала его несчастной, а сама надѣялась проѣхать полтораста верстъ при жестокомъ морозѣ въ одномъ своемъ сѣромъ платьѣ изъ грубой шерстяной матеріи...

Силы ея однако не выдержали и она закоченѣла, несмотря на то, что сидѣвшіе съ нею мужики старались прикрывать ее кое какимъ трепьемъ, бывшимъ у нихъ въ запасѣ.

Нужно ли говорить, что эта сострадательная женщина была никто иная какъ она же самая, эта наша православная княжна, глядя на которую вживѣ припоминаются разсказы и преданія о другихъ православныхъ княжнахъ, въ родѣ Іуліаніи Ольшанской и боярыни Лазаревской.

Я имѣю основаніе думать, что тотъ, кому рано или поздо придется составить жизнеописаніе этой превосходной женщины, будетъ чувствовать,

что подвижническую жизнь ея гораздо удобнѣе называть житіемъ.

Не умолчу здѣсь кстати объ одной моей нескромности, съ которою я однажды спросилъ эту удивительную женщину.

— Какъ вы достигли того, что вамъ удалось изъ себя сдѣлать?

— Другъ мой! отвѣчала она, незаслуженно даря мнѣ это прелестное въ ея устахъ слово: это все очень просто; читайте какъ тутъ сказано у св. Луки:

И она развернула лежавшее на столѣ Евангеліе и прочитала:

— „Все что имѣешь продай и раздай и слѣдуй за Мною“ (Лук. 18, 22).

Я ей ничего не нашелся отвѣтить и вѣроятно былъ немножко похожъ на одного изъ тѣхъ „тупыхъ“ мужиковъ въ ночлежномъ пріютѣ, которые услыхавъ Слово Божіе „огорчаются“.

Княжна не принадлежитъ ни къ какимъ сектамъ и ни къ какимъ quasi—благотворительнымъ обществамъ, гдѣ „подаютъ бѣднымъ немного, чтобы

получить больше, и подъ предлогомъ благотворительности собираютъ богатства: это скорѣе своего рода охота, чѣмъ благотворительность" (бл. Іеронимъ, письмо къ Непоціану, т. 2, стр. 66).

Не осуждая этихъ обществъ, какъ не осуждаетъ никого, она въ благотвореніи держалась взгляда того же бл. Іеронима, что „никто не раздаетъ лучше какъ тотъ, кто себѣ ничего не оставитъ", и это давало поводъ довольно долгое время считать ее соціалисткою, хотя изъ среды русскихъ соціалистовъ до сихъ поръ не оказалось ни одного охотника подражать ей, точно также, какъ и изъ всякой другой среды, не исключая и редстокистовъ.

XXXI.

Не знаю, продолжать ли говорить о другихъ извѣстнѣйшихъ петербургскихъ піетистахъ, которые тоже труждаются и восходятъ по степенямъ различнымъ. Ихъ знаютъ, гдѣ ихъ надо знать: они знакомы въ тюрьмахъ, въ школахъ, въ больницахъ; они хлопочутъ за однихъ, облегчаютъ страданія другихъ, и каждый изъ нихъ, позабывъ всякое киченье, доступенъ всѣмъ и каждому. Конечно, очень многое изъ того, за что эти люди берутся, дѣлается ими иногда очень неумѣло, но во всякомъ случаѣ съ добрымъ намѣреніемъ, и когда вечеромъ видишь изъ своего окна ряды экипажей, поспѣшающихъ на балъ или въ театры, или на „дружескую пульку съ болваномъ", нельзя безъ большаго

удовольствія не вспомнить о Д—ой, о З—ой, о П—вѣ, о Г—съ и о многихъ другихъ, которые въ это время сидятъ или за письмами, которыми ходатайствуютъ за бѣдныхъ, или читаютъ Библію и говорятъ имъ о Спасителѣ міра. Пусть можетъ быть они проповѣдуютъ что нибудь и ошибочно и „нечисто", но я все-таки радуюсь за нихъ и кажется имѣю твердое нерушимое основаніе вѣрить, что въ этой моей радости нѣтъ ничего непозволительнаго, ибо и самъ ап. Павелъ въ таковыхъ случаяхъ радовался.„ Нѣкоторые проповѣдуютъ Христа съ завистію, говоритъ онъ (Филип. 1, 15—18): одни по любопренію проповѣдуютъ нечисто, а другіе изъ любви, но что до того? Какимъ бы образомъ Христа не проповѣдывали, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться". Отчего бы и намъ грѣшникамъ съ нимъ не радоваться?..

Скажу теперь нѣсколько словъ о

главнѣйшей изъ редстокистокъ, очень благородной и уважаемой женщинѣ, которую въ шутку, но не въ насмѣшку называютъ „старостихой редстоковой церкви“. Исторія ея религіозныхъ коловращеній довольно интересна и назидательна. „Старостиху“ нѣкоторые считаютъ главною виновницею всего нынѣшняго религіознаго движенія въ большомъ свѣтѣ. Это напрасно. Она отъискала въ Англіи Редстока и пустила его въ ходъ въ Пететбургѣ,—это правда, но религіозное движеніе среди великосвѣтскихъ людей началось гораздо ранѣе, чѣмъ здѣсь узнали Редстока. Это началось подъ страхомъ быстраго распространенія отрицанія и невѣрія, которымъ оказались безсильны положить преграды тѣ, которые стоятъ за одну внѣшнюю сторону религіи и не гнушаются дѣйствовать угрозами и карами. Впереди всѣхъ въ великосвѣтскомъ религіозномъ движеніи едва ли не шла княжна М.

М. Д. К., — высокая, христіанская, смѣю сказать подвиженическая жизнь которой не могла укрыться и обратила на себя вниманіе большаго свѣта еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда княжна была очень молодой дѣвушкою, а про Редстока въ Петербургѣ не было ни слуха, ни духа. Вообще, мнѣ кажется, можно безъ ошибки принять, что движеніе это едва ли не современно возникновенію печатной гласности, которая стала обнаруживать таившіяся во тьмѣ дѣла тьмы. Началось это, кто потрудится вспомнить, образованіемъ филантропическихъ обществъ или союзовъ, которыхъ не мало остается и до сихъ поръ, съ ихъ нервическими патронессами, карьеристыми, секретарями и юркими сотрудниками и сотрудницами, достигавшими своею суетливостью въ обществахъ своихъ собственныхъ выгодъ, которыя, были и есть чрезвычайно многоразличны и многообразны. Многими очень солид-

ными людьми давно и много разъ выражено полное недовѣріе къ дѣятельности почти всѣхъ безъ исключенія благотворительныхъ обществъ этого рода. Избираемыя ими средства для сбора, начиная отъ пѣнія до пляски въ пользу бѣдныхъ давно исхлестаны бичомъ сатиры, но къ несчастію до сихъ поръ остаются все тѣ же: люди, начавшія плясать и кривляться въ пользу бѣдныхъ тотчасъ послѣ крымской войны, продолжаютъ плясать и кривляться и теперь послѣ неудачъ сербскихъ. Истинно добрые люди не могли не видѣть несостоятельность всѣхъ этихъ плясовыхъ мѣропріятій въ пользу бѣдныхъ и ужасались, какой это принимаетъ гадкій, не христіанскій характеръ. Неужто въ самомъ дѣлѣ человѣчество уже такъ низко пало, что не можетъ дѣлать добра иначе какъ подъ приманку удовольствій? Неужто нельзя ничего сдѣлать для Того, единаго Праведника, который за насъ умеръ, завѣщая

намъ, во имя Его, соблюсти тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которыхъ Онъ обѣщалъ успокоить?

Горсть людей, которымъ противны казались пѣсни и пляски въ пользу бѣдныхъ, безъ чего современная свѣтская благотворительность устроиться не въ силахъ, кинулись искать весьма правильнаго христіанскаго союза въ заботахъ о людяхъ приходомъ. Тогда въ Петербургѣ, при Рождественской церкви былъ необыкновенной души священникъ, Александръ Васильевичъ Гумилевскій, къ которому упомянутая малая горсть людей устремилась съ тѣмъ, чтобы избрать его главнымъ органомъ своего союза. Но и при его посредствѣ, эти люди нигдѣ въ цѣлой столицѣ не нашли своего прихода. Незабвенный по своему прелестному сердцу Александръ Васильевичъ Гумилевскій, сначала былъ взятъ отъ нихъ, а потомъ хотя и возвратился, но былъ потерянъ для дѣятельности и угасъ без-

временно. Поборники оживленія приходской жизнедѣятельности обратили свои взоры на другаго приснопамятнаго покойника, свящ. Михаила Яковлевича Морошкина, но этотъ больной и серьезный ученый тоже былъ не въ такомъ положеніи, чтобы съ ними заниматься. Овцы эти буквально бродили безъ пастыря, какого они желали бы. Предносился имъ въ какихъ-то весьма неясныхъ представленіяхъ извѣстный писатель, калязинскій священникъ Иванъ Степановичъ Беллюстинъ, но онъ былъ далеко, въ Калязинѣ, откуда его оказалось труднѣе получить чѣмъ Редстока изъ Лондона*) И вотъ эти добрые и совершерно одинокіе люди стали въ полномъ отчаяніи и начали разводить

*) Изъ этихъ трехъ священниковъ Гумилевскій и Морошкинъ уже скончались и въ живыхъ остается одинъ о. Беллюстинъ. Всѣ они были люди разныхъ характеровъ, но имѣли одну общую черту: отвращеніе отъ кваса фарисейскаго. Н. Л.

руками: гдѣ же наша церковь, и гдѣ такіе ея руководители, съ которыми можно бы совершать живой завѣтъ Спасителя о любви къ ближнему приходскимъ союзомъ?

И тогда совершилась горестная вещь: добрые и очень христіански настроенные, но мало свѣдущіе люди эти рѣшили себѣ, что въ русской церкви осталась одна внѣшность и совсѣмъ нѣтъ духа Христова. И вотъ тогда-то началось понынѣ продолжающееся шатанье по протестантскимъ кирхамъ и общинамъ, гдѣ приходская жизнь имѣетъ серьезное развитіе и солидное значеніе. Добрые и несомнѣнно благонамѣренные русскіе люди, разочарованные въ участливости своего духовенства, искали въ протестантской приходской жизни примѣра и указаній: какъ бы ввести и упрочить что-либо подобное въ церкви русской? Разрыва съ церковью у нихъ еще не было, но уже явилась тенденція,—не учиться отъ

священниковъ, а ихъ „переправлять" по-раскольничьи, передѣлывая на свой ладъ, но опять и тутъ дѣло шло объ „переправкѣ" не въ догматическомъ отношеніи, о которомъ всѣ эти добрые люди имѣли самыя смутныя понятія, что имъ, конечно, и послужило во вредъ. Не зная русской церковной исторіи, по которой до весьма недавно вышедшаго въ свѣтъ сочиненія казанскаго профессора, Петра Васильевича Знаменскаго у насъ и не было живо и художественно-написанной книги; люди эти не знали, кого винить и на что жаловаться. Все сначала до конца у нихъ сливалось въ одно понятіе: русская церковь—обрядовая и безжизненная, и они стали съ нею „въ контры". Незнакомые съ уставомъ православной церкви, они въ этихъ контрахъ чаще всего не умѣли отличать въ нашей церковной практикѣ существенно важное и по истинѣ святое и великое отъ явленій случайныхъ, проис-

ходящихъ отъ тѣхъ или другихъ историческихъ причинъ, явленій, которыя не только подлежатъ измѣненію, приспособительно къ живымъ потребностямъ церкви, но даже неотразимо и немедленно требуютъ этихъ приспособленій опять-таки именно въ интересахъ церкви. Съ этихъ поръ глухое неудовольствіе противъ церкви въ великосвѣтскомъ кругѣ становилось все больше, — межъ тѣмъ какъ въ среднемъ кругѣ, наиболѣе интеллигентномъ, и даже въ низшихъ слояхъ городскаго населенія разливалось повсемѣстно или холодное равнодушіе или даже открытое невѣріе.

Въ это время, въ числѣ великосвѣтскихъ женщинъ, уязвленныхъ жаждою христіанской жизнедѣятельности, и получившихъ самое превратое понятіе о православіи, появилась и та энергическая женщина, которую теперь принято считать главою петербургскихъ редстокистовъ,

или „старостихой“ его церкви въ Россіи. Не она создала это движеніе, но она попала въ него, когда оно уже было готово.

XXXII.

Можетъ быть не совсѣмъ свободная отъ нѣкоторыхъ невинныхъ слабостей своего пола и особенностей своего круга, „старостиха редстоковской церкви въ Россіи“ замѣчательна уже тѣмъ, что несмотря на всю ея прямоту и кипучую дѣятельность она стоитъ совершенно чистою отъ всякихъ нареканій. Это женщина, для которой кажется самъ Шекспиръ могъ бы сдѣлать исключеніе изъ выраженнаго Гамлетомъ проклятія: „будь бѣла какъ снѣгъ, чиста какъ ледъ, и людская клевета тебя очернитъ“,—ее даже клевета не чернила. Она всегда считалась образцомъ строгой честности и никогда никакое подозрѣніе не касалось ея какъ жены

Цезаря. Такова она была и есть во мнѣніи всѣхъ, кто ее знаетъ и уважаетъ, потому что знать ее и не уважать невозможно. Она очень религіозна, но у нея та жаркая, искренняя, но нетерпѣливая религіозность, которую осторожные и опытные въ аскетической жизни старцы считали „опасною". Женщинѣ этой все обрядовое и внѣшнее представлялось совершенно излишнимъ: ей хотѣлось прямо попасть въ самую сущность христіанства, о которомъ она, по собственнымъ ея словамъ, размышляла еще въ дѣтствѣ, но котораго совсѣмъ не находила въ Россіи.

Послѣднее обстоятельство очень замѣчательно, потому что она выросла въ домѣ совершенно русскомъ, при отцѣ, извѣстнѣйшемъ героѣ двѣнадцатаго года, но тутъ же можетъ быть кроется и разгадка ея разлада съ русскою вѣрою. Домъ достославнаго героя въ отношеніи религіозномъ былъ, къ сожалѣнію, поставленъ

слишкомъ на барскій ладъ: въ немъ заставляли дѣтей читать утромъ и вечеромъ свои молитвы, ихъ училъ катехизису священникъ, который былъ немножко смѣшенъ своими семинарскими ухватками и немного жалокъ своею робостью передъ богатымъ бариномъ, который призывая его служить по субботамъ всенощную, приказывалъ угощать его чаемъ въ вотчинной конторѣ, а передъ началомъ службы наказывалъ ему:

— „Пѣть не тянуть, читать не копаться“—это значило служить „по военному—на почтовыхъ“.

И батюшка скакалъ „на почтовыхъ“; получалъ за эту скачку полтинникъ и отъѣзжалъ съ нимъ къ себѣ на поповку или на своей клячѣ, или можетъ быть на водовозной лошади съ помѣщичьяго ворка.

Восторженная и страстно религіозная дѣвушка, съ ея раннею библейскою начитанностію, не могла помириться съ такимъ служителемъ вели-

чественнаго библейскаго Бога, которому служилъ Илія и другіе пророки и передъ которыми падалъ на лицо свое Спаситель. Во всемъ, что совершалъ этотъ робкій, загнанный „попъ“ она видѣла профанацію религіи и рѣшила, что „въ Россіи ни Бога, ни христіанства не понимаютъ“.

Конечно, не въ похвалу ей, а скорѣе въ обвиненіе надо поставить, что русская по природѣ и даже, противъ воли своей, совершенно русская по складу ума и по характеру, она не съумѣла почувствовать русскимъ сердцемъ всей теплоты и простоты русской вѣры. Но быть можетъ, воспитываясь на иностранный ладъ, она даже и теперь еще не знакома съ И. А. Крыловымъ, который могъ бы открыть ей, что:

«Чтобъ Бога знать, быть надо Богомъ,
«Но чтобъ любить и чтить Его
«Довольно сердца одного».

Но смиренное и терпѣливое сердце

русское, этотъ святой алтарь жертвъ и всесожженій Богу, она не поинтересовалась осмотрѣть со вниманіемъ...

За кинувшимся въ глаза этой молодой особѣ нестроеніемъ нашей церковной жизни, она уже не видала глубины святаго смиренія русской народной вѣры, хотя бы даже и переполненной очень многими суевѣріями. Но станемъ ли упрекать за это молодую свѣтскую женщину, когда ея грубую ошибку раздѣляли многіе государственные мужи и оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода, въ родѣ кн. Голицина, Протасова и Чебышева?

Но вотъ эту восторженную и безпрестанно увлекающуюся женщину съ ея ненасытимою жаждою религіозности потянуло въ Европу. Какъ другіе ѣздятъ туда за модами и удовольствіями, такъ она летѣла туда искать лучшей вѣры. Молодую пилигримку тамъ ждали: потаенные русскіе

католики, которыхъ тогда еще не мало оставалось среди великосвѣтскихъ людей, поспѣшили сблизить искательницу религіозной истины съ самыми искусными католическими проповѣдниками.

Эти признанные мастера своего дѣла почуявъ добычу раскинули сѣти, чтобъ уловить неопытную соотечественницу нашу въ римскія сѣти... Птичка была совсѣмъ въ ихъ силкахъ, но выскользнула и улетѣла. Ее спасло отъ католичества врожденное живое чувство, которое возмутилось противъ іезуитскихъ подходовъ. Затѣмъ она устремилась искать свѣта въ протестантизмѣ и перезнакомилась почти со всѣми сектантскими верховодами протестантскаго духа въ Германіи и въ Англіи, которую эта дама, къ сожалѣнію, мнѣ кажется знаетъ нѣсколько лучше, чѣмъ свое отечество. На время ей нравилось обращаться то въ томъ, то въ другомъ протестантскомъ обществѣ, но потомъ

опять начиналась мучительная неудовлетворенность и такъ шло пока она не сблизилась съ Редстокомъ. Тутъ всѣ ея тревоги и судорожныя метанія кончились: она нашла въ немъ христіанина по своей мысли и на немъ остановилась. Она вернулась въ Россію совсѣмъ иною, болѣе спокойною: не входя ни въ какія общества она пожертвовала довольно значительною суммою денегъ для устройства ночлежнаго пріюта безкровнымъ, трудилась, хлопотала, переносила массу затрудненій отъ администраціи и ежедневныя грубости и неблагодарности отъ тѣхъ, кому давала кровъ и пищу, и за все это съ радостію благодарила Бога и никогда не роптала и не скучала, и не скучаетъ. Чѣмъ успокоилъ ее этотъ немудрый человѣкъ? надъ этимъ не стоитъ ломать головы: понятно, что онъ дѣйствовалъ на нее не своими талантами, и даже не особенностями ученія, а чувствомъ своей религіозной задушев-

ности, дѣлающей самый банальный его лепетъ пріятнымъ, какъ напримѣръ даже иному очень серьезному человѣку можетъ быть пріятна простодушная бесѣда словоохотливой, доброй бабушки. Когда въ сѣрые сумерки тихая старушечья рѣчь журчитъ мѣрнымъ потокомъ, ее не только хочется слушать, но даже хочется ей вѣрить. Редстокъ тоже что-то въ этомъ родѣ: все говоритъ, все мелетъ и ни какъ не перемелитъ; а между тѣмъ ничего не занятно, такъ повадно. И слушаютъ.

XXXIII.

Сначала первая русская ученица Редстока ѣздила для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей въ Англію, гдѣ и гостила подолгу, живучи иногда въ семействѣ Редстока, а потомъ выписала его въ Россію. Это случилось въ ту самую пору, когда у насъ должна была остыть концессіонная горячка, перепачкавшая своею липкою грязью очень много нѣжныхъ дамскихъ рукъ, бравшихся не за свое дѣло. Тогда множество „дѣятельницъ“ сразу очутились безъ занятій и скучали. Одновременно же съ этимъ въ рядахъ людей высокаго ранга и положенія многіе запѣли: „судовъ Твоихъ бóюся“ (Пс. CXVIII 120). Вообще все настраивалось на

минорный тонъ и чувствовало потребность если не совсѣмъ всерьезъ покаяться, то хоть побаловаться раскаяніемъ. Пріѣздъ Редстока въ такую пору былъ какъ нельзя болѣе кстати: и онъ пошелъ въ ходъ очень быстро. Все это шло, разумѣется, подъ водительствомъ той же—его ученицы, которая, мнѣ кажется, допустила большую ошибку, слишкомъ ретиво демонстрируя своего учителя.

По страсти къ прозелитизму она была слишкомъ неразборчива и составляя аудиторіи своему учителю не замѣчала, подъ чьи ноги заставляла его метать драгоцѣнный бисеръ. Ее какъ-то матерински радовали его успѣхи и она принимала за нихъ даже тѣ экстатическіе восторги, которые гораздо умѣстнѣе въ любителяхъ музыки, ищущихъ пріятнаго потрясенія нервъ, чѣмъ въ искателяхъ религіозной истины. Между тѣмъ изъ всей этой нервической чепухи разумѣется выходило очень ма-

ло проку. Изъ ученія Редстока экстатики съ трудомъ старались запоминать одни въ изобиліи цитуемые тексты, которые имѣли для нихъ увлекательность новизны. Но какъ многимъ изъ текстовъ легко противопоставляются другіе тексты той же самой книги, изъ чего для человѣка держащагося буквы, но не усвоившаго духа ученія являются положенія самыя затруднительныя, то люди эти не знали, что имъ дѣлать съ подавлявшею ихъ массою противорѣчивыхъ текстовъ? Незнакомые съ превосходными взглядами Хомякова на неудобства громоздкой текстуализаціи, они въ лицахъ повторяли извѣстный анекдотъ о пасторѣ, который, окончивъ проповѣдь на текстъ: „если кто ударитъ тебя по щекѣ, подставь ему другую", получилъ отъ одного изъ своихъ слушателей оплеуху, но и самъ его тутъ же отколотилъ, приговаривая: „ты позабылъ, что какою мѣрою вы мѣрите, такою вамъ и от-

мѣрится“. Жаркимъ и жалкимъ спорамъ, съ передергиваньемъ текстовъ, не было конца, и часто это сопровождалось самыми забавными анекдотами. Нѣкто, уставъ слушать тексты, сказалъ небольшой группѣ собравшихся редстокистовъ, что можно вести текстами разговоры о самыхъ простыхъ обыденныхъ предметахъ, и что будто бы въ домѣ Редстока это такъ и дѣлается. Приходитъ, напримѣръ, его кухарка и говоритъ:

— Сэръ, у меня „зелени не стало“ (Исаіи гл. 15 ст. 6).

Потомъ заѣзжаетъ знакомый и говоритъ:

— Въ Палатѣ Общинъ „головы у всѣхъ плѣшивы и бороды бриты“ (Исаіи, гл. 15, ст. 2) и т. д.

Имъ это казалось и забавно и удивительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ найдя въ этомъ нѣкоторую смѣшную сторону, они сейчасъ же обличали склонность шутить и кощунствовать тѣмъ, что за полчаса считали самымъ важ-

нымъ. Однажды цѣлому собору такихъ дамъ, съ азартомъ отстаивавшихъ преимущества протестантства, положили на столъ книгу Тиссо (Пут. въ стр. милліардовъ) и, прочитавъ мѣткія замѣчанія этого француза о протестантской нравственности и религіозности, остановились на (289 стр.) томъ мѣстѣ, гдѣ берлинскій судья спрашиваетъ бродягу:

— Вѣрите ли вы въ Бога?

— Нѣтъ, я въ подобные пустяки не вѣрю, отвѣчалъ бродяга.

Дама отшвырнула книгу и сказала:

— Это написалъ французъ со злости, что пруссаки ихъ побили.

Но эту же даму угостили страничкою изъ „Graue Mann", Юнга-Штиллинга, гдѣ благочестивый авторъ съ ужасомъ сообщаетъ, что при немъ одинъ пасторъ сказалъ другому: (ч. I, стр. 109).

— „Ну, завтра мы пообстрижемъ крылышки святому Духу".

Дама не выдержала этого и вмѣсто

того, чтобы придти въ ужасъ съ Штиллингомъ, она отъ души расхохоталась: „обстричь крылышки“, это ей ужь очень понравилось.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

XXXIII.

Въ заключеніе два слова о томъ, имѣетъ ли все это наскоро и неискусно мною очеркнутое великосвѣтское религіозное движеніе характеръ раскола (какъ его теперь называютъ)?

И да, и нѣтъ.

Если смотрѣть на расколъ, какъ на полное отщепенство отъ церкви съ признаніемъ невозможности соглашенія съ нею въ главнѣйшихъ основахъ вѣры, то такого раскола нѣтъ... Редстокъ и самъ не основываетъ никакого отдѣльнаго толка, и не требуетъ ничего подобнаго отъ своихъ послѣдователей. Люди эти ни къ чему подобному не стремятся, а если и есть можетъ-быть одно какое-нибудь единоличное исключеніе, то о немъ

не стоитъ и говоритъ. Весь редстоковскій расколъ есть группа людей, любящихъ потолковать о Словѣ Божіемъ, о спасеніи и объ оправданіи. Разномысліе ихъ съ Церковью православною состоитъ въ особенномъ мнѣніи объ оправданіи и о такъ называемомъ „культѣ мертвыхъ“, да въ совѣтѣ обходиться при молитвѣ безъ призыванія святыхъ и Дѣвы Маріи. Но въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, у насъ наберется очень много раскольниковъ, даже совсѣмъ не имѣвшихъ никакого общенія съ Редстокомъ: таковы напримѣръ, всѣ уповающіе на милость и забывающіе о правдѣ, каковыхъ и у насъ, какъ и вездѣ, весьда много; таковы и всѣ молящіеся одною молитвою Господнею, или молитвою Манассіи, или псалмами, или совсѣмъ никакъ и никому не молящіеся, каковыхъ при нынѣшнихъ учрежденныхъ порядкахъ всего больше. Неужто и эти послѣдніе, съ го-

сподствующей точки зрѣнія, лучше и терпимѣе скромныхъ, богомольныхъ редстокистовъ?

Въ такъ называемомъ великосвѣтскомъ расколѣ до сихъ поръ нѣтъ еще ничего сформированнаго. Большинство послѣдователей Редстока не обнаруживаютъ рѣзкаго и опредѣленнаго отщепенства отъ Церкви и не показываютъ ни малѣйшей вражды къ ней. Напротивъ, въ числѣ петербургскихъ друзей Редстока нынче болѣе чѣмъ когда-нибудь замѣтно желаніе стоять за истинное православіе. Теперь, благодаря даровитѣйшему и образованнѣйшему изъ нихъ гр., *** они съ радостнымъ восторгомъ начинаютъ, если такъ можно выразиться, входитъ во вкусъ настоящихъ православныхъ воззрѣній и находятъ ихъ прекрасными. Они рады, когда этотъ ловкій на словѣ человѣкъ разсѣваетъ ихъ сомнѣнія въ томъ или другомъ изъ смущающихъ ихъ вопросовъ о

равославіи. Они принимають его разъясненія и чувствують себя въ двойной выгодѣ: и оправданіе себѣ добыли, и съ родною церковью не расталися. Словомъ, они теперь со всѣмъ въ мирѣ; а гдѣ миръ — тамъ и любовь, а гдѣ любовь — тамъ и Богъ. Теперь они съ несмущенною совѣстью будутъ исповѣдываться у священниковъ, причащаться съ вѣрою въ тайну пресуществленія: даже могутъ давать цѣлованіе любви мощамъ. Они всѣ еще въ церкви и не уйдутъ оттуда, если охватившее ихъ религіозное возбужденіе не будетъ сурово остужено отталкивающимъ безучастіемъ къ ихъ жаждѣ участія въ церковной жизнедѣятельности.

Настоящее время, чрезвычайно интересное въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, не менѣе интересно и въ отношеніи религіозномъ. Во всемъ оно, по прекрасному выраженію Гёте, являетъ „образъ прошед-

щаго, которое еще не прошло, и образъ настоящаго, которое еще не наступало". И это непрошедшее прошлое и неначавшееся настоящее понять мудрено; а между тѣмъ они уже дѣлаютъ свои заявленія и требуютъ своихъ правъ, въ признаніи которыхъ отказывать имъ очень трудно.

У насъ въ Россіи, благодаря ли нашимъ темпераментамъ, или инымъ историческимъ условіямъ нашей народной жизни, все это тише и желанія наши очень скромны. Тѣ изъ нашихъ образованныхъ людей, которые имѣли рѣдкое счастіе съ пріобрѣтеніемъ познаній не утратить вѣры въ спасающую силу христіанской религіи, пока хотятъ только живой учительности въ храмахъ и непосредственнаго участія въ церковной приходской жизнедѣятельности. Но они ждутъ этого и сомнѣваются, что это будетъ...

Русскій епископъ (весьма близкой къ Москвѣ эпархіи), который оцѣ-

нивъ способности и горячность къ вѣрѣ гр. ***, предложилъ ему продолжать дѣло проповѣди съ епископскаго благословенія, многихъ очень обрадовалъ. Разнесшійся объ этомъ въ Петербургѣ слухъ самымъ благотворнымъ образомъ подѣйствовалъ на разныхъ людей, заинтересованныхъ религіозными вопросами. Это какъ будто приласкало, привѣтило и обрадовало добрыхъ мірянъ доброю надеждою, что не вѣковѣченъ искусственно созданный чуждыми церкви условіями недостатокъ близкаго и живаго общенія клира съ мірянами и у насъ, при храмовыхъ моленьяхъ, оживится и усилится евангельская учительность въ храмѣ и живая практика христіанскаго милосердія въ церковной общинѣ, т. е. въ своемъ приходѣ!...

Если же и для этихъ скромныхъ и законныхъ желаній ничего не будетъ сдѣлано, то изъ всѣхъ нынѣшнихъ религіозныхъ броженій, до сихъ

поръ еще не имѣющихъ характера сформированнаго раскола, но имѣющихъ уже всѣ элементы раскола готоваго сформироваться, конечно, что-нибудь да образуется. Только въ этомъ виноватъ будетъ отнюдь не лордъ Редстокъ и его поклонницы, а слишкомъ долговременная отсрочка исполненія этихъ добрыхъ и справедливыхъ желаній.

Благоч. Бернардъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что „долговременная отсрочка есть скукъ питательница, подозрѣній поджога, нетерпѣливости воспаленіе, мачиха любви и мать отчаянія. Если это есть искушеніе, то должно признаться, оно чрезвычайно скучно“. (Бер. рѣч.).

Такъ говоритъ человѣкъ почитаемый за святаго, — что же можемъ сказать мы, люди грѣшные, давно обреченные витать духомъ съ одною скукъ питательницею и подозрѣній поджогою? Скажемъ то же, что св. Бернардъ, т. е. что „если сіе есть и

искушеніе, то должно признаться, что оно чрезвычайно скучно", а поелику оно „чрезвычайно скучно" даже для святаго, — то какъ мы, грѣшные, станемъ укорять тѣхъ изъ своихъ собратій, которые этой „чрезвычайной" скуки не выдержали и предпочли довольно несовершенное движеніе вполнѣ совершенному застою?

Вотъ, мнѣ кажется, почему русское общество относится такъ снисходительно, а иногда даже просто почти покровительственно ко всѣмъ современнымъ религіознымъ движеніямъ въ родѣ того, которое мною описано.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ БЛАГОЧЕСТІЕ.

Великосвѣтскій опытъ простонародн. журнала.

(КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.)

РАЗБОРЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКІЙ РАБОЧІЙ“.

Статья Н. С. Лѣскова изъ журн. „Правосл. обозрѣніе".

(1876 г.)

Великосвѣтскій опытъ простонародн. журн.

Ежемѣсячное изданіе „Русскій Рабочій".

„Иной-бы почелъ сіе ересью; но я почитаю плодомъ малопросвѣщеннаго, но высокомѣрнаго о себѣ воображенія".
Митр. Платонъ (Левшинъ).
(Церк. ист. изд. 3, т. I, стр. 25).

Въ Петербургѣ, съ нѣкотораго времени стали выходить оригинальныя сочиненія, въ благочестивомъ духѣ, но въ довольно странномъ направленіи. Сначала это были жиденькія брошюрки, въ которыхъ разные неизвѣстные авторы все трактовали объ оправданіи и спасеніи и предлагали назидательныя повѣствованьица. Перечислить всѣ эти брошюры было бы очень трудно, такъ какъ ихъ въ довольно короткое время вышло очень много, и

обильный потокъ ихъ не только не изсякаетъ, но все еще усиливается. По этому же самому было бы трудно представить и характеристику направленія этой новой литературы, еслибы вся она какъ въ фокусѣ не отражалась въ одномъ изданіи, котораго названіе нами выписано выше.

Журналъ „Русскій Рабочій“ началъ выходить въ 1875 году, какъ носились слухи, при содѣйствіи какихъ-то англичанъ и при участіи нѣкоторыхъ петербургскихъ дамъ. Нынѣ журналъ этотъ вступилъ во второй годъ своего существованія, тоже при обстоятельствахъ, повидимому весьма благопріятныхъ его изданію: онъ, говорятъ, имѣетъ уже очень хорошую подписку и встрѣчаетъ поддержку со стороны многихъ представителей нашего, такъ-называемаго „культурнаго слоя“, которые снабжаютъ экземплярами „Русскаго Рабочаго“ народныя школы и нѣкоторыя фабрики и заводы. Вообще это изданіе, почитаемое, какъ видно, многи—

ми за весьма полезное для русскаго простолюдина и предлагаемое ему съ большимъ усердіемъ, заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманіе и оцѣнить какъ его достоинства, такъ и степень его пригодности для русскаго народа.

Мы видимъ къ этому тѣмъ болѣе сильное побужденіе, что „Русскій Рабочій“ хотя и не считается духовнымъ журналомъ, но онъ постоянно занятъ духовными вопросами и ставитъ и рѣшаетъ многіе изъ нихъ въ такомъ духѣ, который мы позволили себѣ выше назвать по меньшей мѣрѣ „страннымъ“.

Начнемъ съ перваго нумера за 1875 г.

Мы имѣемъ передъ собою перегнутый вдвое печатный полулистъ обыкновеннаго газетнаго формата. Вся первая страница этого нумера занята картиною, изображающею,—какъ внизу подписано,—„сѣятеля, снятаго съ натуры въ Палестинѣ“. Передъ нами фигура араба въ туфляхъ и чалмѣ; черезъ плечо у него виситъ пле-

теная сѣвалка, изъ которой онъ сѣетъ семя по взоранной землѣ. На второмъ планѣ виденъ другой такого же типа восточный пахарь; а на заднемъ планѣ, граничащемъ съ горизонтомъ, восточныя купольныя постройки. По аксесуарамъ картины, въ числѣ коихъ тщательно выдѣланы часть пашни весьма разрыхленной, часть глыбоватой, терніе и птицы, клюющія зерна, не трудно догадаться, что это не просто случайный палестинскій сѣятель; а сѣятель, приспособленный къ евангельской притчѣ, какъ она изложена въ 4 главѣ у св. Марка и частію въ 13 главѣ у св. Матѳея. Рисунокъ картины безупречно хорошъ, также хорошо онъ исполненъ гравюрою на деревѣ и отпечатанъ на бумагѣ. Это не русское произведеніе, а клише гравюры извѣстной по англійскимъ изданіямъ. Надъ картиною находится надпись: „русскій рабочій“. Надпись эта поставлена такъ, что довольно трудно опредѣлить: выражаетъ ли она

названіе листка, или она только поясняетъ нарисованную подъ нею фигуру. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ ее надо бы считать весьма неудачною, такъ какъ сѣющій арабъ въ туфляхъ ни мало не похожъ на русскаго рабочаго.

Текстъ начинается съ оборота первой страницы, онъ печатанъ въ 4 столбца, по газетному пріему. Во главѣ перваго столбца напечатана руководящая идея изданія. „Рабочіе люди народъ занятой (говоритъ редакція). Мало у нихъ досуговъ. Хотѣлось бы намъ эти часы досуговъ усладить и обратить на ихъ пользу. Изъ этого желанія вылилась мысль нашего листка".

Ниже читаемъ: «Прежде всего въ каждомъ разсказѣ и въ каждой доброй мысли увидятъ Того, кто научилъ людей любить другъ друга и помогать другъ другу, кто чѣмъ можетъ». Таковы благородныя задачи редакціи, напоминающія собою какъ нельзя болѣе задачи издателей и особен-

но издательницъ во множествѣ выходящихъ въ Англіи листковъ для народа. Но почему же и не позаимствовать хорошаго у людей, опередившихъ насъ на пути просвѣщенія? Было бы это сдѣлано лишь съ толкомъ.

Первая статья есть „Сѣятель"; но въ ней о евангельскомъ приточномъ сѣятелѣ не говорится: это разсказъ слѣдующаго содержанія. Крестьяне села Богословскаго собрались въ школьной залѣ на похороны сельскаго учителя. Староста, Иванъ Ѳедоровъ, въ ожиданіи священника и барина, пригласилъ всѣхъ собравшихся выпить горячаго чайку. Староста говоритъ, что онъ потому подчуетъ людей чаемъ, а не хмѣльнымъ, „что духъ умершаго учителя порадуется, если они обойдутся безъ вина и водки". Одинъ изъ крестьянъ, по случаю этого заявленія, отвѣчаетъ, что онъ „пьетъ третій стаканъ, для того, чтобы угодить духу" усопшаго. Начинается разговоръ о духѣ,

разъясняемый пришедшимъ священникомъ: онъ говоритъ, что надо имѣть въ виду „духъ жизни и ученія (учителя) Зайцева“. Крестьянинъ восклицаетъ: „прекрасно сказано“! Далѣе священникъ говоритъ, что заслуги умершаго учителя главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что онъ былъ человѣкъ вѣрующій и сѣялъ сѣмя доброе. „Слово Божіе—лучшее сѣмя“. Пріѣзжаетъ къ выносу тѣла баринъ и тоже говоритъ, что усопшій былъ „смиренный сѣятель“ и „сѣялъ для небесной отчизны“, а потому предлагаетъ соединиться всѣмъ въ общей молитвѣ, чтобы Господь послалъ достойнаго преемника усопшему.

Такова первая повѣсть, сколько благонамѣренная по своему направленію, столько же и неискусная по исполненію, которому не достаетъ прежде всего жизненной правды. Вся эта сцена „въ школьной залѣ“; угощеніе старостою народа чаемъ *передъ выносомъ мертвеца*; и молитва о

преемникѣ, прежде отпѣванія усопшаго, совершенно не въ нравахъ и не въ обычаяхъ нашего народа и могла быть сочинена только дамою, мечтающею о народномъ благочестіи за вышиваніемъ broderie anglaise. Для всякаго, знающаго народную жизнь, а тѣмъ болѣе для простолюдина, это неловкое измышленіе непремѣнно покажется нескладицею и возбудитъ насмѣшку надъ статьею, достойною по ея благонамѣренности гораздо лучшихъ къ ней отношеній.

Вторая статья „Ломоносовъ“—краткій и ни чѣмъ не останавливающій на себѣ особаго вниманія разсказъ о Ломоносовѣ. Третья статья „Елка“ опять исполнена самаго невѣроятнаго непониманія дѣла. Разсказъ идетъ объ Иванѣ Григорьевѣ, рабочемъ человѣкѣ, прежде проводившемъ нетрезвую жизнь и испытавшемъ съ семьею нужду, а потомъ исправившемся и нынѣ служащемъ „подрядчикомъ въ строительномъ обществѣ“. Этотъ Иванъ Григорьевъ

просыпается рано утромъ въ день Рождества Христова и весело входитъ въ свѣтлую, опрятную кухню, гдѣ за круглымъ столомъ съ блестящимъ самоваромъ ждетъ его красивая жена и четверо дѣтей". „Весело ему", онъ получаетъ поздравленіе дѣтей и знаетъ, что у него „въ темной комнатѣ" приготовлена для нихъ „невиданная, небывалая, нежданная радость: большая, разукрашенная елка". Мысль припасти дѣтямъ елку пришла Ивану Григорьеву, когда онъ шелъ однажды купить себѣ на 5 коп. табаку и вдругъ услыхалъ, „какъ Вася разбиралъ книжечку подъ заглавіемъ: что говоритъ елка". Иванъ Григорьевъ весь день Рождества не выходитъ изъ дому; пока стѣмнѣло, онъ оканчиваетъ украшеніе елки; кладетъ къ ней обновы для дѣтей и платье для жены. Елка открывается, дѣти радуются, всѣ поютъ: „Рождество Твое Христе Боже нашъ"; потомъ Иванъ Григорьевъ читаетъ громко 2-ю главу Еван-

гелія отъ Луки, и затѣмъ начинается раздача подарковъ. Тутъ является стороннее лицо, которому оказывается Иваномъ и его женою не столько добросердечная, сколько сентиментальная помощь. Повѣсть опять самая благонамѣренная, но такъ по-аглицки задуманная и сочиненная, что несмотря на введеніе въ нее людей съ русскими именами, она нимало не отвѣчаетъ нашему народному быту. Что у насъ есть рабочіе люди, предающіеся пьянству, которымъ прежде занимался и представленный здѣсь Иванъ Григорьевъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія точно также, какъ несомнѣнно и то, что между русскими рабочими и мелкими торговцами есть люди и религіозные и благочестивые, какимъ сдѣлался описанный Иванъ Григорьевъ. Но какъ жаль, что почтенной редакціи „Русскаго Рабочаго“ неизвѣстно, что благочестивый русскій человѣкъ, такого состоянія, при которомъ хозяева пьютъ свой чай у себя на кухнѣ,

не проводитъ день Христова Рождества такъ, какъ провелъ его представленный намъ ряженый англичанинъ подъ русскимъ именемъ Ивана Григорьева. Хорошій русскій человѣкъ этого круга начинаетъ и проводитъ такой день гораздо благочестивѣе: онъ вопервыхъ, вставши рано утромъ въ праздникъ идетъ въ церковь, а не садится „за круглый столъ“, ибо съ точки зрѣнія хорошаго, религіознаго русскаго человѣка это отнюдь не благочестиво прежде наѣсться и напиться, а потомъ идти въ храмъ. Важно ли это или не важно, и лучше ли англійскаго или хуже, объ этомъ редакція „Русскаго Рабочаго“ можетъ имѣть какое угодно мнѣніе; но благочестивый русскій человѣкъ все-таки ходитъ въ праздникъ къ ранней обѣдни и натощакъ, а не чайничаетъ прежде чѣмъ отошла церковная служба. Это уже такой обычай. Вовторыхъ, „круглыхъ столовъ“ въ русскихъ кухняхъ никогда не бываетъ, ибо они тамъ неудоб-

ны. Въ третьихъ, подарки, въ видѣ обновъ, по рускому обычаю, дѣлаются „къ празднику“, а не въ праздникъ, да еще вдобавокъ, не утромъ, а вечеромъ. У русскихъ людей обновы къ празднику бываютъ сшиты. Въ четвертыхъ же,—и это едва ли не самое главное,—елка въ Россіи обычай очень новый и далеко не общепринятый: онъ держится только въ семьяхъ „культурнаго класса“, а отнюдь не въ такихъ домахъ, гдѣ хозяева пьютъ свой чай въ кухнѣ. Тамъ елку до сихъ поръ считаютъ обычаемъ „еретическимъ“ и даже языческимъ. Опять правильно или нѣтъ, это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ такой Иванъ Григорьевъ, который вставши утромъ на Рождество садится пить чай, не сходивши прежде въ церковь, а вечеромъ читаетъ Евангеліе передъ иллюминованною елкою, а не передъ теплящеюся у св. иконъ лампадаю, совсѣмъ не русскій человѣкъ, а какой-то „ряженый“, и какъ бы онъ ни былъ доб-

ропорядоченъ, онъ у русскаго простолюдина не возбудитъ къ себѣ сочувствія и не вызоветъ подражанія, а опять-таки скорѣе заставитъ посмѣяться надъ его неумѣніемъ вести себя подъ маскою.

Среди текста этого разсказа, въ рамкѣ напечатаны два текста изъ Евангелія о словѣ и политипажная картинка, изображающая сельскую кирку и западно-европейскаго крестьянина съ связкою хвороста за плечами, въ башмакахъ и въ камашахъ, какіе нашъ простолюдинъ видитъ только развѣ на городскихъ ливрейныхъ лакеяхъ. Причину быть здѣсь, raison d'être этой картинки понять невозможно.

Номеръ заключенъ отрывкомъ въ видѣ афоризма „Свѣтлый взглядъ на вещи". Два ведра качаясь на одномъ коромыслѣ разсуждаютъ: одно имѣетъ „печальный видъ", потому что ему кажется безполезною его работа: „какъ бы насъ ни наполняли, говоритъ оно, мы все возвращаемся къ колодцу пустыя". „Какой

странный взглядъ на вещи! отвѣчаетъ другое: я напротивъ утѣшаюсь мыслiю, что какъ бы мы ни были пусты, когда приходимъ сюда, отсюда отправляемся домой полными“. Чтый да разумѣетъ, что за сокровенная премудрость заключается въ этихъ переговорахъ „печальнанаго“ ведра съ ведромъ „веселымъ“? Этимъ изчерпывается все содержанiе перваго номера „Русскаго Рабочаго“.

№ 2-й во всю лицевую сторону первой страницы занятъ превосходно сдѣланною картинкою, изображающею ковку лошади. Разнузданная лошадь, съ куцымъ, такъназываемымъ „англизированнымъ“ хвостомъ, стоитъ смирно и съ чрезвычайно хорошо переданнымъ вниманiемъ слѣдитъ за работой кузнеца, прикладывающаго подкову къ ея копыту. Вся пластика превосходныхъ формъ животнаго и особенно умное выраженiе головы заставляютъ любоваться этимъ прелестнымъ, художественнымъ рисункомъ. Также, если еще не

болѣе хорошъ, нарисованный въ ракурсѣ возлѣ лошади оселъ, собака, самъ кузнецъ и его кузница. Но зачѣмъ эта бѣдная лошадь окургужена и къ чему тутъ оселъ, животное, русскому простолюдину положительно незнакомое?

Первая статья идетъ о ковкѣ,—въ ней есть нѣсколько совѣтовъ по этому предмету, но самыхъ общихъ и поверхностныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ вторая, жалости достойная, статья: „Открытая дверь". Вотъ въ чемъ дѣло. Въ горной Шотландіи живетъ одна вдова, у вдовы есть дочь, которая вела безпорядочную жизнь и долго не хотѣла возвращаться къ матери; но наконецъ, когда вдова однажды вечеромъ сидѣла печально у своего комелька, къ ней пришла ея раскаявшаяся дочь и весьма удивилась, найдя дверь материнаго жилища отпертою. Мать отвѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ дочь ея ушла, она „ни днемъ, ни ночью не запирала двери, боясь, чтобы та, найдя дверь запертою,

не ушла снова и навсегда". Отсюда сдѣланъ такой выводъ: „Въ этомъ трогательномъ разсказѣ мы видимъ отчасти изображеніе любви Божіей". „Слово Евангелія призываетъ каждаго омыть грѣхи въ искупительной крови Христа, и радостно, принявъ прощеніе, войдти въ открытую дверь Отцевскаго дома". Далѣе указывается, что „виновная дочь не остановилась передъ дверью взывая къ матери". Въ ту минуту, какъ умирая на крестѣ Христосъ произнесъ слово „совершилось". дверь милосердія открылась для грѣшниковъ и они могутъ „посредствомъ крови Христовой приступить къ святилищу съ дерзновеніемъ". Послѣднія слова въ статьѣ напечатаны во вносныхъ знакахъ, безъ поясненія, изъ какого авторитетнаго богословскаго сочиненія они заимствованы въ „Русскій Рабочій"; но во всякомъ случаѣ они конечно взяты исъ сочиненія, написаннаго не въ духѣ православной

церкви. Наша церковь хотя и признаетъ безмѣрность Божія милосердія, но она считаетъ необходимымъ для полученія спасенія „плоды, достойные покаянія". Проводимая здѣсь мысль о примиреніи съ Богомъ единою вѣрою въ Него и заслугами Христовыми, безъ упоминанія о необходимости „плодовъ покаянія" и дѣлъ, противна здравому христіанскому ученію. Прощеніе и примиреніе съ Богомъ совершается черезъ Христа, но спасеніе отнюдь не непремѣнный удѣлъ каждаго, кто обращается къ Христу съ просьбою спасти его. Онъ многимъ звавшимъ Его скажетъ: „Я не знаю васъ,—идите отъ Меня". По ученію нашей церкви, основанному на ученіи апостольскомъ, чтобы войти въ дверь, надо быть сколько нибудь достойнымъ того, по мѣрѣ силъ своихъ „подражая Христу". Приведенный же здѣсь взглядъ принадлежитъ къ крайнимъ взглядамъ новѣйшихъ проте-

стантскихъ отщепенцевъ, *) который противенъ даже отвергающимъ видимую церковь мистикамъ, ибо и тѣ указывали грѣшнику на необходимость „обратить душу прежде въ пустыню, гдѣ могъ бы жить Іоаннъ, а потомъ звать въ нее Христа". Мысль о такой доступности неба каждому, кто только обратится ко Христу одною вѣрою, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ большую опасность даже въ глазахъ солидныхъ учителей новой протестантской школы. Такъ напримѣръ евангелическо-лютеранскій „Служебникъ", или „Агенда", напечатанный въ Петербургѣ въ 1872 г. содержитъ многія моленія о совершеніи дѣлъ вѣры (напр. стр. 16 и особенно стр. 23). Въ Агендѣ несомнѣнно сквозитъ сильное опасеніе одной вѣры безъ дѣлъ. Тоже самое въ

*) Это между прочимъ поддерживается г. Моуди, котораго и сами протестанты считаютъ «еретикомъ», но наши великосвѣтскія дамы переводятъ его писанія, ни что же сумняся.

субботнихъ проповѣдяхъ евангелическаго пастора Мазинга 2-го, проповѣдующаго въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ; въ нихъ постоянно звучитъ одна нота о необходимости *дѣлъ вѣры*, и надъ самою каѳедрою, съ которой говоритъ этотъ почтенный проповѣдникъ, изображено на русскомъ текстъ предостерегающій отъ вѣры безъ дѣлъ: „Блаженни слышащіе Слово Божіе, и соблюдающіе его“. Но всего откровеннѣе эти опасенія выражены въ молитвинникѣ извѣстнаго французскаго пастора Берсье, гдѣ мы въ одной изъ молитвъ читаемъ: „да не ввергнетъ насъ upованіе на Твое милосердіе въ безпечность“. Упованіе же на дверь, всегда и для всѣхъ открытую, одною цѣною крови Христовой, безъ всякихъ усилій нашихъ къ самоисправленію, угрожаетъ несомнѣнною опасностію привести къ нравственной безпечности. Стефанъ Яворскій не обинуясь говоритъ, что „сіе ученіе еретическое, ко всякому беззаконію врата

отверзаетъ" (см. „Камень вѣры", моск. изд., ч. 3, стр. 302). Это ли русскому простолюдину надо слушать? Нѣтъ; каковы бы ни были тѣ „преданія человѣческія", которыя цитированы въ разсматриваемой нами статейкѣ „Русскаго Рабочаго"; но для простыхъ русскихъ людей они не могутъ имѣть никакой цѣны. Эти люди должны оставаться при всей полнотѣ убѣжденій своей церкви объ оправданіи вѣрою *и дѣлами*, чтобы не походить на юродивыхъ дѣвъ, имѣвшихъ свѣтильники, но забывшихъ о елеѣ, который, по толкованію Златоуста и Ѳеофилакта болгарскаго на 25 гл. Матѳея, знаменуетъ „дѣла", такъ какъ свѣтильники знаменуютъ вѣру. На что же нынѣ придумывается другое толкованіе для нашего простолюдина, который худъ ли онъ или хорошъ, но живетъ до сихъ поръ съ убѣжденіемъ о необходимости добрыхъ дѣлъ для спасенія, единою вѣрою не совершаемаго? Станетъ ли онъ лучше отъ

того, что его увѣрятъ, будто стоитъ ему только вспомнить о родительскомъ домѣ, а тамъ уже дверь для него такъ настежъ и открыта: только пожалуйте! Не жестокосердо ли это такъ легкомысленно суетить простаго человѣка? *).

Вторая статья 2 № „Рускаго Рабочаго“ „пять копѣекъ въ день и къ чему онѣ пригодились“ представляетъ новый забавный курьезъ. Разсказъ идетъ о томъ, какъ одинъ рабочій, начавъ откладывать

---

*) Упомянувъ выше о с.-петербургскомъ евангелическомъ пасторѣ, г. Мазингѣ 2-мъ, о русскихъ проповѣдяхъ котораго неоднократно было писано въ разныхъ петербургскихъ газетахъ, пищущій эти строки находитъ умѣстнымъ сказать здѣсь, что въ Петербургѣ многіе склонны приписывать г. Мазингу нѣкоторыя слабыя брошюрочки, издаваемыя въ томъ духѣ и съ тѣмъ умѣніемъ, какіе мы видимъ въ «Русскомъ Рабочемъ». Я думаю, что это едва ли основательно, и подозрѣваю, что въ этомъ случаѣ именемъ почтеннаго пастора злоупотребляютъ. Г. пасторъ Мазингъ весьма основательный богословъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ этимъ благочестивымъ бредомъ. Гомилетическія бесѣды г. пастора Мазинга

при рожденіи сына по 5 коп. въ день, собралъ 202 р. 80 к., которые дали ему средство устроить сына на торговомъ пути. Мысль опять хорошая, но до того испорченная въ развитіи, что повѣсть эту нельзя дать въ руки русскому простолюдину, если только не желать подрывать въ немъ всякое довѣріе къ благонамѣренной печати и укоренять и безъ того глубоко засѣвшее у простолюдиновъ убѣжденіе, что „господа про нихъ только вздоръ пишутъ". Здѣсь разсказано, что бережливый отецъ посылалъ сына въ школу, а въ 11 лѣтъ онъ опредѣлилъ его „посыльнымъ мальчикомъ" въ знакомую

спокойны и серьезны и притомъ часто такъ близки къ ученію древней, апостольской церкви, что ихъ можно слушать съ удовольствіемъ, и безъ всякаго насилованія своихъ православныхъ взглядовъ и убѣжденій. Г. пасторъ Мазингъ говоритъ уже давно и въ числѣ его слушателей не мало людей православныхъ, и изъ образованнаго круга и изъ простолюдиновъ, которые находятъ удовольствіе начать свой субботній вечеръ слушаніемъ бесѣдъ почтеннаго пастора.

лавку на небольшое жалованье, за то выговорилъ нѣсколько часовъ въ недѣлю на посѣщеніе школы. ,,Два года Ваня находился при лавкѣ''; но вдругъ хозяинъ его отпустилъ, оттого-де ,,что онъ будто-бы уже сталъ слишкомъ великъ для этой должности и долженъ искать себѣ что нибудь потруднѣе. Онъ взялъ бы меня теперь въ ученіе, въ прикащики'', говоритъ мальчикъ: но ,,не можетъ взять иначе, какъ за 75 р. платы за первый годъ''. Въ разсказѣ и мальчикъ и его родители этому вѣрятъ; тогда, какъ ни одинъ человѣкъ изъ русскаго простонародья не можетъ повѣрить такой нелѣпицѣ. Тутъ все не вѣрно житейскимъ русскимъ обычаямъ: ни какихъ особыхъ ,,посыльныхъ мальчиковъ'' при лавкѣ у насъ въ Россіи нѣтъ, а есть просто мальчики-ученики, употребляемые на всякую послугу при лавкѣ. Они сначала метутъ лавку и чистятъ на хозяйской кухнѣ ножи и сапоги; а также служатъ,

когда надо, и на побѣгушкахъ; но эти побѣгушки отнюдь не особая ихъ специальность; а только одна изъ обязанностей торговаго мальчика, изъ которыхъ онъ ни за одну никакой платы не получаетъ. Должность „мальчика" есть обыкновенная, низшая ступень русской коммерческой карьеры. Торговецъ начинаетъ „мальчикомъ", продолжаетъ „молодцемъ", потомъ становится „прикащикомъ" и тогда только начинаетъ получать за трудъ плату. Торговый мальчикъ отдается родителями лавочнику „въ годы", т.-е. на опредѣленное число лѣтъ, но никогда „на два года", а всегда гораздо болѣе, обыкновенно на 5 лѣтъ, и тутъ онъ и приготовляется къ торговлѣ, безъ всякой платы за ученіе, о чемъ совсѣмъ не понимая дѣла такъ неосновательно толкуетъ „Русскій Рабочій". Условливаться, чтобы мальчикъ, сданный въ лавку, имѣлъ время ходить въ школу, у насъ къ сожалѣнію тоже невозможно: на такихъ условіяхъ

ни одинъ торговецъ въ лавку мальчика не приметъ. Объ этомъ въ русской литературѣ очень много писалось, съ весьма достойною цѣлью вызвать правительственное вниманіе къ положенію торговыхъ мальчиковъ: писали объ этомъ въ „Экономическомъ Указателѣ" г. Вернадскаго въ „Сѣверной Пчелѣ" и въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", но все это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ и дѣло до сихъ поръ остается по старому: теперь, когда ремесленные мальчики получили возможность посѣщать вечернія и праздничныя школы, мальчики торговые до сихъ поръ лишены этой возможности, ибо находятся при торговлѣ всегда и неотступно. Печальныя обстоятельства эти вѣроятно совсѣмъ неизвѣстны сотрудникамъ журнала „Русскій Рабочій", но русскимъ рабочимъ онѣ очень извѣстны.

Афоризмъ 2 № говоритъ, что „вступая на первую ступеньку лѣстницы мы не много еще приблизились къ верхнему эта-

жу, но уже поднялись отъ земли и избавились отъ сырости и грязи. Такъ и первый шагъ въ молитвѣ: „Боже, будь милостивъ ко мнѣ“ еще не возноситъ насъ до неба, но уже отдѣляетъ отъ земныхъ помысловъ и суеты мірской“. На послѣдней страницѣ текста картинка, изображающая двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна простоволосая дремлетъ, сидя на стулѣ; а другая, въ чепцѣ, стираетъ щеткою столъ. Подъ первою подписано „лѣность“, а подъ второю „трудолюбіе“. Вверху страницы, въ рамкѣ евангельскій текстъ отъ Іоанна о томъ: какъ открывается намъ „любовь Божія“. (Іоан., IV. ст. 9).

Таковъ 2 № „Русскаго Рабочаго“. Содержаніе сихъ двухъ первыхъ №№ этого изданія изложено здѣсь во всей подробности, которую, кажется, дальше можно уже считать излишнею по отношенію къ остальнымъ десяти номерамъ, такъ какъ они ни чѣмъ по своему достоинству не отличаются отъ двухъ первыхъ. Въ осталь-

ныхъ десяти номерахъ, такія же прекрасныя политипажныя картинки и такой же плохой и едва ли одобрительный, тенденціозный текстъ. А потому далѣе мы будемъ останавливаться только передъ тѣмъ, что, по нашему мнѣнію, прямо не отвѣчаетъ задачамъ изданія желающаго наставлять русскій народъ въ вѣрѣ и нравственности.

Въ 3 № въ разсказѣ о сварливомъ крестьянинѣ Степанѣ Тарасовѣ сказано, будто (3 столб. 10 стр.) ,,три раза къ ряду подавалъ онъ ко взысканію на Ѳедора Никифорова, бѣднаго работника у сосѣдняго мужика. Ѳедоръ увѣрялъ, что возвратилъ лопату, занятую у Степана. Степанъ кричалъ, что нѣтъ: мировой судья рѣшилъ въ его пользу, и у Ѳедора отняли свинью''. Мы думаемъ, что это очень нескладная клевета на наши мировыя учрежденія и клевета именно во вкусѣ весьма знакомыхъ остзейскихъ измышленій. Такая расправа, какая здѣсь описана, совер-

шенно невозможна: ни какой мировой судья не присудитъ ,,отобрать свинью за лопату''. Вознагражденіе за утрату чужой вещи производится совсѣмъ не такъ, какъ думаютъ объ этомъ въ журналѣ ,,Русскій Рабочій''. Этотъ же мужикъ Степанъ, мстя Ѳедору, ,,отравилъ любимую овечку его жены''; крестьяне здѣсь переселяются въ готовые ,,запущенные'' дома; удобряютъ землю ,,старыми костями''; деревенскія бабы посылаютъ одна другой то ,,арбузъ'', то ,,корзину сочныхъ вишень''... Словомъ опять маскарадъ и при томъ уже такой неудачный, что смотрѣть стыдно.

Въ 4 № приведено на 1 столбцѣ содержаніе статьи англійскаго журнала для рабочихъ, гдѣ сказано, что ,,теперь каждый крестьянинъ въ Россіи пользуется ,,такою же свободою, какъ и высшій сановникъ''. На послѣдней страницѣ находится статейка ,,Уповай на Бога''; а въ ней слѣдующая фраза: ,,Когда кошелекъ пустъ, всѣ источники изсякли и ,,въ запасѣ

только горсть муки и склянка масла, уповать на Бога тогда—способенъ только христіанинъ". Для указанія преимуществъ христіанской вѣры здѣсь употребленъ очень неловкій пріемъ: во 1) упованіе и притомъ самое непоколебимое и великое упованіе на Бога имѣли люди ветхозавѣтные, и евреи въ замѣчательной степени хранятъ его и понынѣ, сообщая своимъ ожиданіямъ Мессіи новую силу при всякомъ событіи, повидимому неимѣющемъ даже ничего общаго съ мессіанскою задачею, напримѣръ: прорытіе Суэзскаго канала. (См. соч. о. Лютостанскаго „о еврейскомъ Мессіи". Москва 1875 г.). Во 2) та, чье упованіе здѣсь приведено въ примѣръ, т.-е. вдова Сарепты Сидонскій раздѣлившая съ пророкомъ Иліею „горсть муки и чванецъ елея" совсѣмъ не была христіанкою, ибо она жила до Р. Х., но она не была и израильтянкою, а была „язычница". (Смотр. III кн. Царствъ, гл. 17).

Протестантскому міру, съ возрѣніями котораго у журнала „Русскій Рабочій" кажется нѣсколько болѣе общаго, чѣмъ съ міромъ православнымъ, извѣстна знаменитая въ своемъ родѣ проповѣдь англійскаго пастора Стерна, гдѣ авторъ „Тристрама Шанди" и „Путешествія Іорика", нашелъ возможность показать своимъ слушателямъ слабость ихъ христіанскаго упованія, сравнительно съ смѣлымъ и твердымъ упованіемъ „языческой вдовы изъ Сарепты Сидонской". Стернъ, обращая на это особое вниманіе слушателей, говоритъ: „Она была жительница города Сарепты, зависимаго отъ Сидона, столицы Финикійской, внѣ предѣловъ земли народа Божія, слѣдовательно „воспитана во тьмѣ грубаго идолопоклонства" и въ невѣжествѣ о Богѣ израилевѣ, или если когда и слыхала произнесенное имя Его, то безъ уваженія, и научена была не вѣрить чудесамъ Его десницы, а тѣмъ менѣе вѣрить Его пророку, и не смотря

на то повѣрила и уповала". (Стернъ „Нравоучительныя рѣчи", издан. 1807 г. стр. 47 и 48). Редакціи „Русскаго Рабочаго" при разъясненіи библейкихъ событій нашимъ мужикамъ не мѣшало бы покрайней мѣрѣ справляться хотя съ нѣкоторыми сочиненіями протестантскихъ богослововъ, имѣвшихъ настоящее образованіе. Будучи совсѣмъ „неискуснымъ въ Писаніи", вѣдь нельзя проповѣдывать, у насъ на то есть и пословица, что „неуча въ попы не ставятъ".

Въ 5 № есть разсказъ о коровѣ, гдѣ читаемъ между прочимъ, что „корова даетъ прекрасный урокъ материнской любви: ея заботливость и вниманіе къ теленочку, стараніе держать его въ чистотѣ, достойны подражанія. Замѣчено, что телята весьма рѣдко умираютъ отъ естественныхъ причинъ, между тѣмъ какъ десятки тысячъ дѣтей погибаютъ такимъ образомъ. Матери, работающія на полѣ или на фабрикахъ, оставляютъ цѣлыми

днями грудныхъ дѣтей своихъ на попеченіе нянекъ, или другихъ дѣтей, тогда какъ ни кто и ни что не можетъ замѣнить ребенку заботу матери. Не первый ли долгъ жены и матери быть хозяйкою и заботиться о дѣтяхъ? Деньги, заработанныя женою на фабрикѣ, окажутся въ концѣ концевъ не выигрышемъ, а убыткомъ". (стр. 18, столб. 2).—Все это разсужденіе, само по себѣ весьма человѣколюбивое, могло бы имѣть какой нибудь смыслъ, будучи обращено къ женщинамъ, которыя имѣя возможность не ходить на полевыя и фабричныя работы, дѣлаютъ это по принципу; но такихъ женщинъ нѣтъ среди рабочаго народонаселенія Россіи; редакція „Русскаго Рабочаго", очевидно, неизвѣстно даже и то, что русскія крестьянки-матери работаютъ на полѣ столько же не по своей охотѣ, сколько и не по какому нибудь теоретическому принципу, а просто по необходимости, избѣжать которой они не мо-

гутъ. Точно также „по нуждѣ" работницы ходятъ на фабрики, можетъ быть даже иногда и завидуя животнымъ, которыя не вынуждены покидать своихъ дѣтей. Впрочемъ и животное въ образецъ материнской нѣжности редакціею „Русскаго Рабочаго" выбрано совсѣмъ неудачно: у коровы на этотъ счетъ мало чему позаимствоваться. При томъ же у насъ въ Россіи нѣтъ и обычая оставлять телятъ при коровѣ,—и вся нѣжность русской коровы къ теленку ограничивается только тѣмъ, что она его оближетъ сновотела, пока его отлучатъ какъ только отойдетъ рученецъ. Не многимъ должно быть на этотъ счетъ отличается и англійская корова: корова все корова, и тамъ она, по замѣчанію англійскаго же сатирическаго поэта, „позабывая о телкѣ, мычитъ безстыдно: Мммуужа!" Чему пристало женщинѣ учится у коровы?—вздоръ какой-то.

На 3 стр. въ 1 столбцѣ дочь рабочаго

даритъ отцу связанныя ,,рукавицы" а потомъ ,,душегрейку".—Рукавицы у насъ рабочіе люди употребляютъ кожанныя, которыя только и называются ,,рукавицами"; вкладная же вязенка называется ,,вязенками", или еще чаще ,,варижками". Что же до ,,душегрѣйки", то это старинный женскій нарядъ, который и до сихъ поръ носятъ горожанки отдаленныхъ мѣстъ; но мужчины никогда душегрѣекъ не носили и не носятъ, и во всей ихъ одеждѣ нѣтъ никакой вещи, которая имѣла бы такое названіе.

Въ 6 №, къ картинѣ Воозъ и Руѳь, помѣщенъ разсказъ изъ библейской книги ,,Руфь".—Разсказъ самъ по себѣ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ компиляцій о Руѳи; но по окончаніи повѣствованія о томъ, какъ принялъ Воозъ кроткую невѣстку Ноемини, поставленъ вопросъ: ,,Не такъ ли Христосъ принимаетъ приходящихъ къ Нему"?—вопросъ въ этомъ случаѣ довольно странный. Во

1) мы ничего обстоятельно не знаемъ, какъ принимаетъ Христосъ приходящаго къ Нему. Намъ на этотъ счетъ извѣстно только, что Онъ ,,приходящаго къ Нему не иждenетъ вонъ'' и что ,,у Отца небеснаго обители многи суть''; а что тамъ такое и какъ тамъ принимаютъ,—,,того не видалъ глазъ, и не слыхало ухо''. Во 2) хотя иноплеменная невѣстка Ноемини и представляетъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя прекрасныя черты, но мы читаемъ въ ея исторіи, что она по наущенію своей свекрови употребляла къ прельщенію стараго Вооза чары своей красоты и въ рѣшительную ночь, когда развеселѣвшій за трапезою старикъ спалъ, то красивая моавитянка, умащенная и разукрашенная, подкралась и легла подъ его одежду, послѣ чего въ старцѣ рѣшительно родилась мысль ,,возстановить сѣмя Махлоново'' посредствомъ взятія вдовы его себѣ въ жены. (Руфь, гл. 4, ст. 10). Большой знатокъ Писа-

нія, митрополитъ московскій Филаретъ Дроздовъ, говоря въ своихъ „Записках на книгу Бытія" объ исторіи Лота съ его дочерьми, выражаетъ прекрасную мысль, что всѣ подобныя симъ сцены, можетъ быть, происходили въ оно время въ такой простотѣ, что къ нимъ даже неприложимы мѣрила нынѣшнихъ нашихъ понятій; но во всякомъ случаѣ можно недоумѣвать: для чего именно нужно сближать вопросъ о принятіи Христомъ вѣрующей души съ принятіемъ Воозомъ красивой моавитянки Руѳи, которая ему понравилась какъ женщина и возбудила въ немъ желанія совершенно плотскаго свойства? Въ Библіи и безъ этого довольно мѣстъ пророческаго и преобразовательнаго характера, и лица знакомыя съ литературою этого рода могутъ находить ихъ въ большомъ изобиліи безъ Вооза и Руѳи. Редакція „Русскаго Рабочаго" могла бы обратиться къ готовому къ ея услугамъ англійскому сочиненію г. Кейта,

гдѣ она найдетъ собраннымъ все, что предрекало Христа и оправдалось событіями.

Въ 7 №, въ разсказѣ о крещеніи Руси, передается извѣстный случай убіенія кіевскими язычниками двухъ кіевскихъ же христіанъ Θеодора и Іоанна, которыхъ церковь наша причислила къ лику святыхъ и чествуетъ ихъ, какъ первыхъ русскихъ мучениковъ за вѣру христіанскую. Память ихъ „Θеодора Варяга и Іоанна", празднуется 12 іюля и второй разъ съ чудотворцами Антоніевой пещеры. (См. „Мѣсяцесловъ" Ив. Косолапова, Казань, 1874 года). Но „Русскій Рабочій", неуклонно воздерживающійся отъ всякаго упоминанія о святыхъ русской церкви, даже не называетъ Θеодора и Іоанна по именамъ, а только говоритъ, что „посланные „взбѣсились" (!?), сломали заборъ у дома христіанина и отца съ сыномъ убили". Въ этомъ случаѣ къ этимъ первымъ русскимъ мученикамъ гораздо

внимательнѣе даже заботливо игнорирующій восточную церковь боннскій профессора Фр. Р. Гассе, такъ какъ онъ въ своей церковной исторіи разсказываетъ этотъ эпизодъ гораздо полнѣе и замученныхъ варягевъ Өеодора и Іоанна называетъ по имени. (См. Церковная Исторія Гассе, томъ 2, стр. 27 и 28), чѣмъ и „Русскій Рабочій“ кажется не долженъ бы пренебрегать. Впрочемъ, это изданіе такъ же само себѣ вѣрно и послѣдовательно и дальше: оно тщательно старается нигдѣ не обмолвиться на счетъ чтимыхъ нашимъ народомъ русскихъ святынь. Продолжается разсказъ о крещеніи и дойдя до происшествія съ брошеннымъ въ Днѣпръ Перуномъ, редакція говоритъ, что народъ бѣжалъ за истуканомъ, крича: „выдыбай наше боже!“; но дальше не идетъ. Почтенная редакція жертвуетъ самою полнотою очень характернаго разсказа какъ будто для того, чтобы только не упомянуть о Выдубицкомъ мо-

настырѣ, основанномъ на мѣстѣ послѣдней разлуки народа съ его низверженнымъ кумиромъ.

Въ 8 №, на лицевой сторонѣ картина изображаетъ одного солдата, который, стоя на колѣняхъ молится Богу; а сзади его подкрались четыре солдата и издѣваются надъ нимъ: трое изъ нихъ показываютъ на него руками и сами хохочутъ, а одинъ изготовился ударить сзади молящагося амуничнымъ ремнемъ. Это конечно сцена изъ англійскихъ нравовъ, что можно видѣть и по покрою солдатскаго платья и по спущенной у одного солдата фуражечной тесмѣ, не подъ бороду, а подъ нижнюю губу, какъ носятъ англичане, Впрочемъ, въ русскихъ войскахъ такая возмутительная сцена конечно и не возможна. Русскій солдатъ и самъ богомоленъ, и никогда надъ молитвою другаго не издѣвается. Извѣстно, что даже солдаты мусульмане и евреи никогда не жалуются на насмѣшки или неува-

женіе своихъ православныхъ товарищей къ ихъ молитвамъ. Русскій солдатъ говоритъ: „онъ хоть и татаринъ, а все же ему Богу надо молиться",—то же и о евреѣ. Картина же представляющую издѣвку надъ молитвою на русскаго простолюдина не можетъ дѣйствовать иначе, какъ поселяя въ немъ самое низкое мнѣніе о благочестіи англійскаго народа, на самомъ дѣлѣ довольно религіознаго и благочестиваго.

На 31 стр. въ послѣднемъ столбцѣ читаемъ: „не легко было Александру (Невскому) удержаться отъ *гордаго* отказа" и проч. Мы своего великаго князя Александра Невскаго чтимъ, не только какъ историческое лицо, но и какъ святаго человѣка. Выраженіе „дать гордый отказъ" лучше было бы замѣнить выраженіемъ „дать отказъ достойный, твердый или благородный" но отнюдь не гордый, что совсѣмъ не идетъ святому и

звучитъ при его имени непріятнымъ диссонансомъ.

9 № „Русскаго Рабочаго" заключаетъ въ себѣ разсказъ „Карлета, маленькая италіанка" и разсказъ финляндскаго пастора, который сообщаетъ о себѣ слѣдующій по истинѣ, и смѣшной, и жалостный казусъ. Г. пасторъ говоритъ, что, когда онъ былъ бѣднымъ мальчикомъ, то мать однажды сшила ему „передникъ" изъ оберточнаго коленкороваго чехла; но на этомъ кускѣ коленкора какъ разъ приходился фабричный штемпель, — слово „шерсть". Передникъ, разсказываетъ г. пасторъ, нельзя было иначе скроить, какъ включивъ печатное слово „шерсть". Мать его это смущало, но самъ г. пасторъ обладалъ гораздо большимъ спокойствіемъ и надѣвъ на себя фартукъ съ надписью „шерсть" сказалъ: „Не огорчайся матушка: когда я приду въ школу, то *сяду на буквы*". И онъ такъ будто бы и сдѣлалъ, т.-е. сѣлъ на буквы, которые при-

ходились на самомъ видномъ мѣстѣ передника". Вся эта продѣлка, конечно, свидѣтельствуетъ о достоинствѣ характера г. пастора и дѣлаетъ честь его находчивости, но все-таки: какъ же онъ это такъ устроилъ, что „сѣлъ" на фартукъ, который надо полагать былъ надѣтъ на немъ спереди, а не сзади?... Что за пассажъ? Оставаясь при глубокомъ довѣріи къ справедливости словъ г. пастора, все-таки никакъ не поймешь: какъ же онъ это сдѣлалъ?! Что-то объ этомъ подумаютъ русскіе рабочіе? Впрочемъ, они у насъ сметливы и что-нибудь выдумаютъ.

Въ 10 № (стр. 38) на 1 столбцѣ сказано: „Родители, которые желаютъ хорошо воспитать дѣтей своихъ, должны прежде всего дѣйствовать съ общаго согласія". Это весьма желательно, но едва ли можетъ быть общимъ правиломъ. Спора нѣтъ, что общее согласіе родителей въ воспитаніи дѣтей самое счастливое условіе для хорошаго воспитанія; но оно

не всегда возможно въ жизни. Въ литературѣ извѣстно очень много примѣровъ, что дѣти получаютъ болѣе или менѣе хорошее воспитаніе только благодаря тому, что одинъ изъ родителей, лучше понимающій задачи воспитанія, велъ этихъ дѣтей къ лучшимъ цѣлямъ, противъ желанія другаго своего супруга, и этого осуждать нельзя.

Въ этомъ же номерѣ „Русскаго Рабочаго" выражено какъ общее правило, чтобы „никогда не наказывать дѣтей въ порывѣ гнѣва". Объ этомъ у извѣстныхъ педагоговъ мнѣнія разнятся и многіе осторожные люди думаютъ, что Песталоцци, не осуждавшій иногда наказанія дитяти *вгорячь*, подъ вліяніемъ оскорбленнаго имъ чувства,—стало быть именно въ „порывѣ", гораздо правѣе педагоговъ-резонеровъ, которые стоятъ за холодную легальность въ системѣ наказаній. Приведемъ всѣмъ вѣроятно памятный примѣръ изъ полемики возникшей по поводу

извѣстныхъ „правилъ" Н. И. Пирогова. Былъ предложенъ вопросъ: „что сердобольнѣе и полезнѣе: выдрать ли съ негодаваніемъ за ухо мальчика, который укралъ съ дерева вишню, или привязать его къ дереву, чтобы онъ пострадалъ отъ униженія, какъ сознательный преступникъ, наказываемый безстрастнымъ закономъ"? Какъ ни грубъ въ понятіи нѣкоторыхъ нашъ русскій мужикъ, но онъ изловивъ на бакшѣ ворующаго мальчишку не всегда отпуститъ его безъ нравоученія, а иногда стрясетъ ему вихоръ; но онъ, этотъ грубый мужикъ, ни за что не привяжетъ ребенка къ столбу съ надписью „воръ" какъ это дѣлаютъ нѣмцы, и не поведетъ съ ярлыкомъ по улицѣ, какъ это дѣлаютъ иногда англичане. Грубый мужикъ нашъ не осрамитъ мальченку, и даже не вмѣнитъ его проступка за воровство, а „поучитъ" его какъ шалуна за вихоръ „рукою властною" „взвошитъ" и отпуститъ и проститъ сказавъ: „это-де

дѣло ребячье". Пусть посудятъ господа сентиментальные моралисты „Русскаго Рабочаго": что лучше и добрѣе?

Въ 3 столбцѣ этого же номера сказано: „Отецъ нашъ небесный не наказываетъ насъ по произволу, а для пользы, чтобы намъ быть участниками въ Его святости". По слову Апостола, когда мы пускаемся разбирать подобные вопросы, мы уподобляемся „глинѣ, судящей горшечника", который „не въ правѣ ли сдѣлать изъ насъ все, что Ему угодно?" Кромѣ того, мысль, что всѣ наказанія посылаются только „для пользы" наказуемаго, невѣрна, ибо въ Библіи весьма ясно говорится о наказаніяхъ, которыя ниспосылаются не для пользы, а *для кары*. Было бы весьма затруднительно цитировать здѣсь всѣ свидѣтельства о семъ св. Библіи, но ихъ можно видѣть въ 29 гл. Второзаконія ст. 22, 32 гл. ст. 39—42; 4 кн. Царствъ, 8, I; книгѣ Іова гл. 12, ст. 23—25; кн. прор. Исаіи 42, ст. 24;

кн. Іереміи 15, ст. 3 и 44 л. 11; Іезекіиля глава 5, 6, 7, 14, 28 и 30; Аммоса 3, 9; Оссіи 6, Михея 1 ст. 12. Въ числѣ наказаній въ кару встрѣчаемъ: мечь,ногибель и ,,изглажденіе имени и памяти". (Второзак. 9, 25, 29. Іов. 18, Псал. 108, Исаія 14, 26 и 30), что конечно никакъ не можетъ считаться наказаніемъ ,,къ пользѣ" заслужившаго такую ,,кару", Неужто Даѳанъ и Авиронъ и полки Кореевы погибли ,,для пользы ихъ"? Неужто Ананій и Сапфира тоже наказаны смертью для ихъ пользы? Въ Новомъ Завѣтѣ сказано, что грѣхъ ,,хуленія Духа Святаго" не прощается ни въ семъ, ни въ будущемъ вѣкѣ. (Матѳ. 12, 31, Марк. 3, 28. Лука 12, 10, 1. Іоан. 5, 16. Евр. 6, 4 и пр. до 29). Слѣдовательно, это тоже опять угрожаетъ карою, а не наказаніемъ на пользу. Конечно, мы понимаемъ, что для петербургскихъ слушательницъ чужестранныхъ проповѣдниковъ ,,понырающихъ въ домы и плѣняющихъ

женища“ (2 Тимѳ. 3, 6) должно быть очень пріятно получать убѣжденія въ безнаказанности; но зачѣмъ же навязывать эти неправославныя и неправильныя убѣжденія простолюдину? Памятуетъ ли почтенная редакція „Русскаго Рабочаго“ грозныя слова: „Горе міру отъ соблазновъ; горе же тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ“? (Мѳ: 18, 7. Лука. 17, 1). Ихъ непремѣнно надо помнить.

Ниже читаемъ: „нравъ дѣтей, какъ зеркало, отражаетъ нравъ родителей“. Это мысль далеко не безспорная и, по множеству примѣровъ, которые ее опровергаютъ, даже совсѣмъ несостоятельная. Кромѣ того она опять-таки находится въ противорѣчіи съ Библіею, гдѣ весьма много самыхъ разительныхъ примѣровъ, что нравы отцевъ не отражаются на дѣтяхъ. Такъ Каинъ и Авель были дѣти одного отца и одной матери, но нравы ихъ были различны, Хамъ не былъ схожъ нравомъ съ своимъ отцемъ Ноемъ и съ сво-

ими братьями Симомъ и Іафетомъ; Исавъ и Іаковъ были не только единоутробные братья, но даже близнецы, но между тѣмъ они тоже не были одного нрава. Въ исторіи ихъ есть даже свидѣтельство, что прежде, чѣмъ оба брата родились, они уже были разнокачественны, ибо еще „во утробѣ матери Господь возлюбилъ Іакова, а Исава возненавидѣлъ". (Римл. 9. 13). У „знаменитаго Іерузалема", въ его „Размышленіяхъ о важнѣйшихъ истинахъ религіи" (томъ IV стр. 178) встрѣчаемъ отдѣльный параграфъ „О различіи характера праотцевъ", откуда и позволимъ себѣ взять коротенькую выдержку: „Авраамъ благороденъ и величественен, выше слабостей своего вѣка; совершенный образецъ въ упованіи и повиновеніи Богу, и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей жизни; мужественен и храбръ, когда дружба требуетъ его защиты,—благороденъ, скроменъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни одинаковъ. Исаакъ столько же правдивъ, но

духъ его не столько возвышенъ и не столько великъ; Іаковъ честенъ и добръ, но по слабохарактерности подверженъ многимъ недостаткамъ своего времени. Сыновья его Рувимъ, Леви, Симеонъ и Іуда, наглы, недовѣрчивы, притворны, злы, насмѣшливы и мстительны". (Іерузалемъ, изд. 1831 г. т. IV стр. 178, 179). Тоже не сходство, а самую рѣзкую противоположность съ родителями мы видимъ на дѣтяхъ пророка Самуила, первосвященника Иліи и царя Давида. Ап. Павелъ не находилъ въ этомъ ничего нарушающаго порядокъ Божія домостроительства, ибо у Бога есть „предъизбранные" къ тому или другому назначенію; а Оригенъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „О началахъ" (Περὶ ἀρχῶν) блистательно доказывалъ даже необходимость такого несходства свойствами индивидуальности нашего духа. Если возьмемъ одну нашу русскую исторію, то въ ней не оберемся примѣровъ такого же несходства. Худо-

жественная литература тоже, конечно, не случайно, являетъ тѣ же примѣры, и у насъ на Руси эти примѣры получаютъ даже можетъ быть особенную осязаемость. Замѣчательно, что всѣ герои и героини въ произведеніяхъ имѣющаго европейскую извѣстность романиста нашего И. С. Тургенева какъ нарочно вышли рѣзко непохожи на своихъ родителей. Недавно вышедшій весьма обстоятельный историческій трудъ „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи" г. Карновича уже не въ вымыслѣ, а во всей исторической дѣйствительности представляетъ поразительный сводъ такихъ явленій: сыновья замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей и честныхъ людей, какъ будто по какому-то роковому предназначенію, выходили неродями, не останавливающимися даже передъ воровствомъ денегъ съ игорныхъ столовъ, за что и „часто биты бывали, но неисправлялись". У князя М. М. Щербатова („Объ упадкѣ нра-

вовъ въ Россіи“) читаемъ: „Чьи дѣды на поляхъ брани побѣдоносными воями предводили, тѣ стали цѣловальниками за стойками въ кабакахъ командовать. Не погнушались тѣмъ занятіемъ и Юрій Долгорукій и Сергѣй Гагаринъ и князь Куракинъ“. Екатерина II хотѣла ихъ отъ этого удержать, но не могла. „Князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, продолжаетъ Щербатовъ, до того замотался, что началъ у графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго за карточной игрой деньги воровать и за то не разъ всякій срамъ переносилъ“ и т. д. Объ одномъ изъ такихъ сыновей знатнаго отца, кн. Щербатовъ, какъ извѣстно, характерно выражался, что тотъ „даже имя свое не носилъ, а *таскалъ*.“ Что этого горестнѣе для родоваго киченія? Синайскій авва Силуанъ возвѣщалъ: „горе человѣку тому, у котораго имя знаменитѣе дѣлъ его“; а авва Силуанъ былъ большой прозорливецъ... Вообще мысль о „зеркальности

отраженія“ характеровъ нельзя не считать мыслью крайне шаткою, и по нашему мнѣнію нѣтъ никакого основанія выдавать это народу за непремѣнный фактъ; тогда какъ до сихъ поръ это никогда такимъ фактомъ не было, а особенно у насъ, гдѣ фамиліи съ неизвѣстною преемственною родовою честностью могутъ быть по пальцамъ сочтены.

На 1 столбцѣ 39 стр. Лиза, дочь рабочаго, „хлопочетъ у плиты, чтобы не отпустить отца безъ чаю“. Въ жильяхъ русскихъ рабочихъ нѣтъ плитъ, а есть варистыя печи; на плитахъ чай готовятъ въ Англіи, а въ Россіи его готовятъ иначе, и вдобавокъ, наши рабочіе, уходя на работу гораздо ранѣе, чѣмъ западные рабочіе, дома утренняго чая не пьютъ, а довольствуются завтракомъ во время перваго отдыха. Право, это уже становится стыдно указывать редакціи рабочаго журнала.

Но 40 стр. столб. 1, въ разсказѣ о не-

счастіи, случившемся на желѣзной дорогѣ, умирающій человѣкъ, которому предлагаютъ послать за священникомъ, отвѣчаетъ: „Теперь поздно,—было время объ этомъ подумать, когда чуть было не погибъ на желѣзной дорогѣ. Не раскаялся тогда, теперь конечно, погибъ". Такая, сухая, разсудочная выходка со стороны человѣка, прожившаго жизнь въ русскихъ понятіяхъ о спасающей силѣ покаянія и таинствѣ крови Христовой, положительно невозможна. Говоря о русскихъ людяхъ, скорѣе можно допустить нѣкоторую основательность замѣчанія одного иностраннаго наблюдателя, которому показалось, что „русскіе живутъ гораздо хуже, чѣмъ умираютъ". Можетъ быть можно найдти нѣкоторое излишество въ ихъ разсчетѣ на примиреніе съ Богомъ въ послѣднюю минуту жизни; но отъ примиренія этого черезъ таинство предсмертнаго покаянія не отказываются даже самые закоренѣлые злодѣи, — и они у насъ почти всег-

да умираютъ въ вѣрѣ, что примиреніе съ Богомъ никогда не запоздало, ибо ,,аще кто и о двунадесятомъ часѣ пришелъ,—не лишится мзды своея, наравнѣ съ поработавшими отъ часа перваго". Заматерѣлое невѣріе у насъ встрѣчается только иногда среди людей такъ-называемаго ,,культурнаго слоя'', для которыхъ самое высокое религіозное чувствованіе, какого они нынче способны достигнуть, есть указанное Матью Арнольдомъ ,,ощущеніе пріятнаго удивленія передъ великимъ часовымъ организмомъ міра''. Русскіе же простолюдины до этого ,,пріятнаго удивленія'' еще не дошли и по просту умирая просятъ себѣ прощенія въ грѣхахъ своихъ, а потому очень не хорошо дѣлаетъ тотъ, кто смущаетъ простаго человѣка, увѣряя его, что будто предсмертное покаяніе ни къ чему не ведетъ; ибо это-де уже ,,поздо''... Раскаяться никогда не поздо: это редакція „Русскаго Рабочаго'' можетъ видѣть даже изъ *Агенды* (стр. 11), а раз-

сужденіе въ противномъ смыслѣ противорѣчитъ притомъ и условіямъ существованія той двери въ царство небесное, которую сама редакція „Русскаго Рабочаго“ настежь распахнула передъ всѣми желающими войдти.

Здѣсь же, на картинѣ къ разсказу „Нѣтъ, братцы, не стану пить“ рабочіе, соблазняющіе Ивана сгрупированы у порога заведенія, надъ дверьми котораго виситъ фонарь съ надписью: „Sir Francis Drake“. Редакція „Русскаго Рабочаго“, конечно, поступила бы гораздо предусмотрительнѣе, еслибы, приспособляя эту картину къ разсказу о рабочемъ Иванѣ, стерла клише „Sir Francis Drake“, такъ какъ русскіе рабочіе въ заведенія подъ иностранными вывѣсками пока еще не ходятъ.

Два послѣдніе нумера „Русскаго Рабочаго“, 11 и 12 таковы же, какъ и десять нумеровъ нами разсмотрѣнныхъ, и въ 12 опять елка у чернорабочаго, а на

картинѣ „Christus consolator",—значитъ, какъ начали годъ, такъ его и кончили, ничего не позабывъ и ни чему не выучившись.

За симъ остается упомянуть о текстахъ Св. Писанія, помѣщенныхъ на задней страницѣ каждаго нумера „Русскаго Рабочаго". О внутреннемъ ихъ достоинствѣ, разумѣется, говорить нечего; но подборъ ихъ нельзя назвать удачнымъ. Въ англійскихъ народныхъ изданіяхъ, гдѣ принято помѣщать крупно напечатанные тексты,— изреченія эти берутся не случайно, какъ бы по вкусу редактора; а онѣ группируются и приспособляются къ извѣстнымъ цѣлямъ. Для этого преимущественно берутся тексты такъ называемые „учительные", которые могутъ руководить человѣка въ его житейскихъ поступкахъ, а не созерцательные, вызывающіе на богословствованіе. Подборъ этотъ для людей знакомыхъ съ Библіею ни мало не затруд-

чителенъ особенно съ тѣхъ поръ какъ священникъ Василій Михайловскій перевелъ на русскій языкъ и издалъ Dictionnaire des parallèles concordances et analogies bibliques. По англійски же давно напечатана такъ называемая „Ручная Библія", гдѣ всѣ учительные тексты расположены по категоріямъ, и эта Библія есть и на русскомъ языкѣ, хотя впрочемъ въ весьма рѣдкомъ теперь изданіи покойнаго мистика Новикова, которое вышло въ Москвѣ, въ 1784 году, подъ заглавіемъ: „Избранныя мѣста изъ Св. Писанія". Редакція „Русскаго Рабочаго" очевидно столь дорожила своею непосредственностію, что не воспользовалась ни однимъ изъ этихъ пособій, и оттого-то въ числѣ избранныхъ ею текстовъ есть такіе, значеніе которыхъ для простолюдина безъ особаго объясненія будетъ непонятно. Напр. № 5. „Васъ, мертвыхъ по преступленіямъ и грѣхамъ вашимъ, оживотворилъ со Христомъ"; № 10. „Сѣющій въ

плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій въ духъ, отъ духа пожнетъ жизнь". Все это такіе таксты, которые непрѣменно требуютъ особаго истолкованія и которые, конечно, гораздо полѣзнѣе было бы замѣнить прямыми и простыми текстами, характера учительнаго, имѣющими непосредственное приложеніе въ жизни.

Въ заключеніе нельзя еще не указать на тщательное устраненіе изъ журнала „Русскій Рабочій" всего, что касается исторіи нашей церкви; нѣтъ также здѣсь ни слова ни о нашихъ завѣтныхъ святыняхъ, ни о нашихъ святыхъ людяхъ, которыми „красна земля русская" (кромѣ Александра Невскаго, о которомъ повѣствуется только какъ о государственномъ дѣятелѣ). Между тѣмъ нашъ читатель изъ простолюдиновъ всегда очень интересуется жизнеописаніями святыхъ подвижниковъ и въ высокихъ свойствахъ ихъ

духа и характеровъ почерпаетъ живыя силы для воспитанія своего собственнаго духа. Такое чтеніе несомнѣнно содѣйствуетъ направленію ума къ возвышеннымъ цѣлямъ бытія человѣческаго. Мы знаемъ, что есть люди, которые увѣрены, будто Минея и Пролога въ Россіи замѣнили Библію и „за преданіемъ человѣческимъ не видно стало Слова Божія“; но люди, которымъ такъ кажется, не знаютъ Россіи. Кто читаетъ Минеи и Пролога, тому Библія не чужда; а писанія отеческія съ тѣмъ и читаются, дабы при толкованіяхъ св. Отецъ лучше уразумѣть Слово Божіе. Зачѣмъ устранять этотъ элементъ изъ народной литературы?.. Что за цѣль въ этомъ?.. Конечно, говоря о пользѣ чтенія отеческихъ писаній, которыми любятъ заниматься благочестивые русскіе люди, мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія умалять пользу чтенія Библіи, — напротивъ, мы горячо желаемъ, чтобы Библія была въ

Россіи такою же настольною книгой въ каждомъ бѣдномъ и богатомъ домѣ, какъ въ Англіи; но мы только не думаемъ, чтобы одно знакомство съ Библіею давало вѣрѣ то „неизгладимое достоинство" (character indelebilis), какого ожидають отъ этого нѣкоторые, если такъ можно выразиться, великосвѣтскіе штундисты. Развѣ лордъ Болинсброкъ худо *зналъ* Библію, а между тѣмъ не этотъ ли самый лордъ Болинсброкъ назвалъ эту священную книгу Донъ-Кихотомъ и доказывалъ, что „человѣкъ вѣрующій въ Бога не можетъ считать книгу эту за божественную", а послѣдователь его, авторъ „Evangele du jour" пошелъ еще далѣе, силясь всемѣрно опошлить ее въ глазахъ вѣрующихъ? Развѣ не претыкались и не соблазнялись нѣкоторые простодушные читатели Библіи Терафимами, которые увезла у Лавана Рахиль, (Быт. 31, 30), кумиромъ Мельхолы (1. Царст. 19, 13) и священнымъ кумиромъ, котораго Даниты (Суд.

гл. 18) похитили на горѣ Ефремовой у Михи, вмѣстѣ съ его бродячимъ Левитомъ? Одно существованіе особыхъ художниковъ для производства кумировъ, описанное въ 17 гл. Судей, развѣ не было поводомъ къ соблазнамъ и вообще, развѣ можно сказать, что въ Библіи нѣтъ такихъ мѣстъ, уразуменіе настоящаго значенія, которыхъ требуетъ опытнаго толкованія?.. Какихъ заблужденій разные религіозные кривотолки не основывали на Библіи, отчего и сложилась извѣстная поговорка „Biblia est mater hereticorum.“ Англичане для своего домашняго обихода, развѣ довольствуются одною Библіею? — совсѣмъ нѣтъ, и мы, основываясь на свидѣтельствѣ Маколея можемъ утверждать, что „въ Англіи, почти въ каждомъ благочестивомъ домѣ, гдѣ есть Библія, есть и „Путешествіе къ блаженной вѣчности“, соч. Джона Буніана. Опять и противъ этой прекрасной книги мы тоже ничего не имѣемъ, и она у насъ

въ Россіи въ свое время тоже была весьма почитаема (Москва, изд. 1819 г. въ тип. Селивановскаго); но развѣ же Джонъ Буніанъ съ его путешествіями заслуживаетъ исключительнаго предпочтенія передъ всѣми твореніями отцевъ церкви, разъяснявшихъ Писаніе и указывавшихъ простымъ и вдохновеннымъ словомъ вѣрные пути къ истинному Богопознанію?.. Мы такъ не думаемъ. Весьма вѣроятно, что устраненіе его въ „Русскомъ Рабочемъ" есть не болѣе какъ простая случайность, но въ виду успѣховъ пропаганды особеннаго ученія, извѣстнаго у насъ подъ именемъ „штундизма" который устраняетъ почитаніе святыхъ, — самая случайность эта едва ли благопріятна въ изданіи, направленномъ въ рабочій классъ русскаго народа.

Вотъ полный отчетъ о журналѣ, который поучаетъ русскихъ рабочихъ истинамъ вѣры и морали и продолжаетъ это неуклонно въ одномъ и томъ же духѣ

и направленіи. Отчетъ нашъ такъ подробенъ, что по нему каждый знакомый съ дѣломъ читатель можетъ судить: что такое предлагается этимъ изданіемъ русскому простолюдину: „брашно или млеко"? (1 Корѳ. 3, 2). Намъ же кажется, что это и не молоко и не брашно, а развѣ вода и при томъ вода тоже не совсѣмъ чистая, а такая, въ которой прежде чѣмъ подать ее переполаскиваютъ на гулянкахъ старыя Лютеровы манжеты...

Это ли нужно теперь для русскаго простолюдина?

По нашему мнѣнію, *нужно совсѣмъ не это.*

II.

СБОРНИКЪ МОЛИТВЪ

ПАСТОРА БЕРСЬЕ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Нѣкоторые изъ великосвѣтскихъ петербургскихъ дамъ, находя неудовлетворительными для себя молитвы, помѣщенныя въ православномъ Молитвословѣ, молятся по нѣмецкимъ и французскимъ протестантскимъ молитвенникамъ. Преимущественно же у нихъ большимъ уваженіемъ пользуются молитвы сочиненія пастора Берсье, которыя можно назвать весьма распространенными въ Петербургѣ. Эти молитвы очень недлинны и могутъ служить превосходнымъ образчикомъ того, что нравится теперь въ этомъ родѣ нашимъ набожнымъ людямъ новаго духа. Знать это, намъ кажется, не только полезно, но даже необходимо, такъ какъ свѣтскія дамы, находя эти молитвы превосходными для себя, снабжаютъ ими и другихъ людей, которые или не знаютъ французскаго

языка, или чувствуютъ неудобство молиться по французски. Съ этою цѣлію коротенькій сборничекъ молитвъ Берсье тѣми же великосвѣтскими дамами переведенъ съ французскаго языка на русскій и теперь уже встрѣчается у довольно многихъ людей, отнюдь не принадлежащихъ къ такъ называемому „свѣту" и его расколу.

Въ нашихъ рукахъ находится одна такая тетрадка, которую мы и воспроизводимъ, для болѣе полной характеристики современнаго религіознаго настроенія въ русскомъ „большомъ свѣтѣ" и сферахъ примыкающихъ къ этому кругу. По нашему мнѣнію, всѣ эти явленія заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны тѣхъ, кто не хочетъ, а можетъ быть и не долженъ оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что происходитъ хотя бы въ небольшой, но въ весьма видной и вліятельной средѣ нашей церкви. Молитвы Берсье, получившія въ русскомъ

переводѣ названіе „*Дамскихъ молитвъ*" интересны кромѣ того еще и въ другомъ отношеніи: извѣстно, что наши передѣлки съ церковно-славянскаго языка на русскій, или какъ принято его называть „*гражданскій*", всегда почти производятся такимъ страннымъ и своеобразнымъ стилемъ, что этотъ „гражданскій" языкъ, утративъ возвышенную красоту, торжественность и силу языка церковно-славянскаго, не получаетъ и той ясности, живости и простоты, которыя присущи нашему весьма уже выработанному живому русскому языку. Не только великосвѣтскія дамы, но даже всѣ вообще наши женщины институтскаго, пансіонскаго и гимназическаго воспитанія видятъ въ этомъ особенномъ „гражданскомъ" языкѣ нѣчто столь непріятное для слуха и тяжелое для пониманія, что рѣшительно не могутъ читать этихъ передѣлокъ. Это-то самое, кажется, и побудило ихъ, при замѣтномъ теперь въ обществѣ религіозномъ возбу-

жденіи, самихъ взяться за изложеніе по русски тѣхъ молитвъ, которыя имъ нравятся и при томъ такъ, *какъ* имъ это нравится.

Давая этотъ образчикъ дамскаго труда, мы не позволили себѣ перомъ коснуться перевода молитвъ Берсье; а печатаемъ ихъ, какъ онѣ изложены по русски трудившеюся надъ этимъ дѣломъ дамою изъ петербургскаго hig-lif a.

МОЛИТВЫ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Изреченія изъ библіи.

,,Приблизимтеся нынѣ, братія, ко престолу благодати съ дерзновеніемъ, чтобы получить милость и обрѣсти благодать для благовременной помощи". Евр. IV—16.

,,Просите и дастся вамъ. Ищите и обрящете. Толцыте и отверзется вамъ". Матѳ.

,,Не черезъ пустыя повторенія и многословіе будемъ мы услышаны". ,,Господь взираетъ на молитву сердца". Сам. XVI—7.

,,Онъ не отсылаетъ съ пустыми руками приходящихъ къ Нему. Онъ испол—

няетъ прошеніе ихъ въ назначенное имъ время. Надѣющіеся на Него не постыдятся во вѣкъ". Пс. XXV—3.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

Господи! научи насъ молитися! Отче Небесный, помилуй насъ недостойныхъ грѣшныхъ!

Iисусе Христе! Агнче Божій, вземляй грѣхъ міра, помилуй насъ недостойныхъ грѣшныхъ. Воспоминая Твое уничиженіе и страданія, предсмертную тоску и страсти Твои, безцѣнную смерть и погребеніе, воскресеніе Твое и славу, мы призываемъ имя Твое о Спасителю нашъ!

Духъ Святый внидивъ насъ внуши сердцамъ и устамъ нашимъ слова моленія, и освяти мысли, чувства и желанія наши.

Боже Всемогущій, Ты даровалъ намъ жизнь и всѣ земныя блага, молимъ Тебя: даруй намъ ежедневно все для насъ необходимое, силу исполнять возложенныя намъ Тобой обязанности, благослови дѣла наши творимыя нами для славы Твоей, помоги намъ служить Тебѣ въ здравіи и въ болѣзни, въ довольствѣ и въ бѣдности, освяти наши земныя радости и испытанія, и помоги намъ прежде всего земнаго искать царствіе Твое и правду, вѣруя, что все остальное даровано намъ будетъ Тобой по слову Твоему.

Господи, Ты себя далъ намъ познать черезъ Сына Твоего, Спасителя нашего и вручилъ намъ сокровище

Евангелія Твоего, научи насъ смиренно повиноваться слову Твоему, исповѣдовать имя Твое святое, жить и умереть съ вѣрой.

Боже Милосердый! Ты насъ искупилъ смертію Сына Твоего и призываешь насъ, какъ освобожденныхъ отъ всякаго осужденія, на служеніе Тебѣ, не допусти насъ впасть въ рабство заблужденій, суевѣрій и человѣческихъ преданій. Изгони изъ сердца нашего лицемѣріе, научи насъ поклоняться Тебѣ въ духѣ и истинѣ, принести себя Тебѣ въ живую жертву, благопріятную Тебѣ, ибо таковыхъ поклонниковъ Ты желаешь обрѣсть.

Господь нашъ, какъ Ты святъ такъ и желаешь узрѣть насъ святыми, молимъ Тебя избави насъ отъ грѣховныхъ покушеній тѣла нашего и во всѣхъ искушеніяхъ нашихъ даруй намъ побѣду Силою Твоей.

Боже Милостивый, Ты возлюбилъ міръ и заповѣдалъ намъ любить нашихъ ближнихъ, изгони изъ насъ всякое чувство гордости и высокомѣрія, несправедливости лжи, духъ осужденія, зависти и злорѣчія. Научи насъ прощать обижающимъ насъ, и выносить другъ друга какъ ты Господи выносишь насъ въ терпѣніи и любви.

Христосъ Искупитель нашъ, принявшій ради насъ нищету, будучи властелиномъ міра, сдѣлавшись ради насъ человѣкомъ страдальцемъ, будучи Царемъ Славы, научи насъ служить Тебѣ въ лицѣ нищей братіи нашей и помогать имъ тѣми благами, которыя Ты даровалъ намъ.

Молимъ Тебя за членовъ семейства нашего, благослови и укрѣпи доживщихъ до старческихъ лѣтъ и юныхъ у входа въ жизнь. Царствуй въ жилищахъ нашихъ и всели межъ нами миръ и согласіе. Огради юность отъ увлеченіи грѣховныхъ и соедини тѣхъ, которыхъ разлучаетъ грѣхъ.

Молимъ Тебя о скорбящихъ, объ угнетенныхъ, о живущихъ въ бѣдности и лишеніяхъ, объ одинокихъ въ мірѣ, о творящихъ намъ зло и обиды, о вдовахъ и сиротахъ, о тѣхъ, которые въ болѣзни и страданіяхъ, въ страхѣ смерти и въ опасности.

О Всеблагій Богъ нашъ, даруй имъ помощь Твою святую и миръ душевный.

Возведи Господи очи плачущихъ о близкихъ къ небесной отчизнѣ, гдѣ царствуетъ правда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни разлуки, ни грѣха. Тамъ

отдыхаютъ и покоятся умершіе въ Тебѣ, Христе Боже. Прими и уготовь мѣсто по слову Твоему и намъ и всѣмъ уповающимъ на Тебя.

Молимъ Тебя, Боже нашъ, буди милостивъ къ душамъ равнодушнымъ къ слову Твоему, къ заблужденнымъ и непокорнымъ, къ невѣрующимъ и къ насмѣхающимся надъ милостью Твоею, ко всѣмъ избравшимъ путь широкій и врата широкія. Прости имъ Всеблагій Боже, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ, не дай имъ погибнуть, но приведи ихъ къ покаянію и истинной вѣрѣ.

Всемогущій Богъ нашъ! въ Твоей десницѣ судьбы міра. Молимъ Тебя

и о всѣхъ народахъ вселенной. Благослови и посѣти ихъ свѣтомъ и милостью Твоей, и нынѣ молимъ Тебя еще о нашей родной странѣ. Сохрани и помилуй Государя нашего, его семейство и установленныхъ Тобою властей. Самъ Господи внуши имъ благія цѣли ведущія къ воцаренію мира—правды и тишины въ отчизнѣ нашей.

Боже Всемогущій, Ты основалъ церковь и обѣщалъ ей побѣду надъ вратами ада, молимъ Тебя, освяти ее Словомъ и Духомъ Твоимъ. Благослови пастырей и служителей Твоихъ, подвизающихся приносить утѣшительное Слово Твое скорбнымъ, нищимъ, больнымъ и живущимъ въ невѣденіи и грѣхѣ. Благослови и

труды тѣхъ, которые распространяютъ Евангеліе Твое въ странахъ отдаленныхъ и дикихъ. Укрѣпи силою Твоею тѣхъ, которые въ борьбѣ съ опасностями ради Слова Твоего, и посѣти милостью Твоею находящихся въ одиночествѣ среди равнодушія или ненависти людской ради святаго дѣла. Да умножатся члены церкви какъ песокъ на днѣ морскомъ и да преклонится всякое колѣно исповѣдуя Тебя единаго Бога и Спасителя нашего возлюбленнаго Сына Твоего Іисуса Христа. Аминь.

Отче Всемилостивый, Ты насъ сотворилъ для Славы Твоей и для служенія Тебѣ, мы нынѣ умиленно исповѣдуемъ предъ лицемъ Твоимъ, что мы всячески согрѣшили предъ Тобой.

Мы не исполнили не единой изъ Твоихъ заповѣдей и оскорбили Твое милосердіе и дѣломъ и помысломъ. Мы тѣмъ болѣе виновны предъ Тобой, что Ты даровалъ намъ болѣе свѣта и познанія. Ты врѣзалъ въ нашихъ сердцахъ законы Твои. Ты намъ далъ познать волю Твою чрезъ Слово Твое и Ты открылъ намъ Твою безмѣрную къ намъ любовь, давъ намъ недостойнымъ Искупителя Сына Твоего. Господь нашъ! нѣтъ намъ оправданія, и еслибъ Ты судилъ насъ только по справедливости, никто не устоялъ бы предъ лицемъ Твоимъ. Но, Господи, мы прибѣгаемъ къ Твоему милосердію, исповѣдуя грѣховность нашу. Прости и помилуй насъ, о милостивый и благій Отче Небесный, ради любви къ намъ Твоего возлюбленнаго Сына, Іисуса Христа пролившаго

за насъ кровь Свою на Крестѣ. Смой грѣхи жизни нашей, внуши душѣ нашей горечь раскаянія и чувство нашего недостоинства, сотвори въ насъ сердце обновленное, любящее имя Твое и покорное волѣ Твоей. Ты по милосердію Своему обѣщалъ прощеніе кающимся, но да не ввергнетъ насъ дарованное Тобою прощеніе въ безпечность, а да внушитъ оно намъ желаніе при Твоей помощи измѣнить въ нашей жизни все, что противно волѣ Твоей. Сотвори сіе въ насъ о Господи, хотимъ ли мы или не хотимъ по грѣховности и гордости нашей, Духомъ Твоимъ Святымъ освяти насъ и услыши насъ ради имени Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Въ руцѣ Твои, Боже, предаемъ жизнь нашу, душу и тѣло, настоящее и будущее и всѣ блага дарованныя намъ по Твоему милосердію. Лучше насъ Ты вѣдаешь, что для насъ нужно. Въ довольствѣ не дай намъ впасть въ гордость и тщеславіе. Въ скорби не допусти насъ до ропота и непокорности. Отче Святый подчини насъ Твоей святой волѣ.

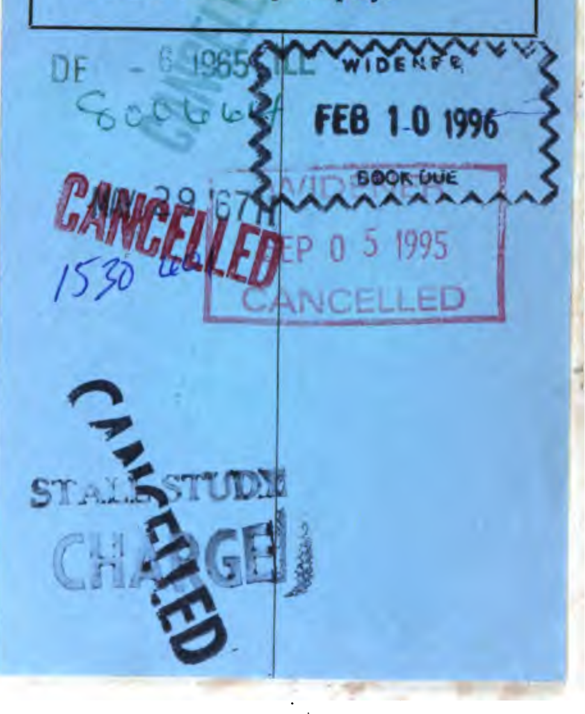
Еще молимъ Тебя, Боже, о всѣхъ близкихъ сердцу нашему на землѣ: сохрани ихъ отъ зла на жизненномъ пути, и спаси ихъ Твоею благодатію. Посѣти, укрѣпи и утѣшь скорбныхъ, больныхъ, непокойныхъ духомъ и лежащихъ на смертномъ одрѣ. Прі-

иди на помощь душамъ въ искушеніи, воздвигни падшихъ во грѣхъ, и даруй тѣмъ, о которыхъ мы молимъ Тебя, прощеніе, спасеніе и вѣчный покой, ради Спасителя нашего Іисуса Христа. Аминь.

МОЛИТВА НА СТРАСТНУЮ НЕДѢЛЮ.

Боже Всевѣчный, Ты заповѣдалъ церкви Твоей воспоминать до скончанія вѣковъ страданія и смерть Единороднаго и Возлюбленнаго Сына Твоего, Спасителя нашего Іисуса Христа. Научи насъ съ вѣрою и смиреніемъ слѣдовать Господу нашему по Его страдальческому пути, внимать Его послѣднимъ рѣчамъ и съ любовію взирать на Его, ради насъ, предсмертную муку и страданія.

Огради нас отъ всякихъ суетныхъ помысловъ, дабы намъ не навлечь на себя праведнаго Твоего гнѣва, но да внушитъ намъ Твое безмѣрное милосердіе желаніе обратиться отъ грѣховной жизни, и получить исцѣленіе и спасеніе душъ нашихъ искупительною Кровію Сына Твоего Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

DE - 6 1965
WIDENER
FEB 1 0 1996
BOOK DUE
CANCELLED
SEP 0 5 1995
CANCELLED
CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE